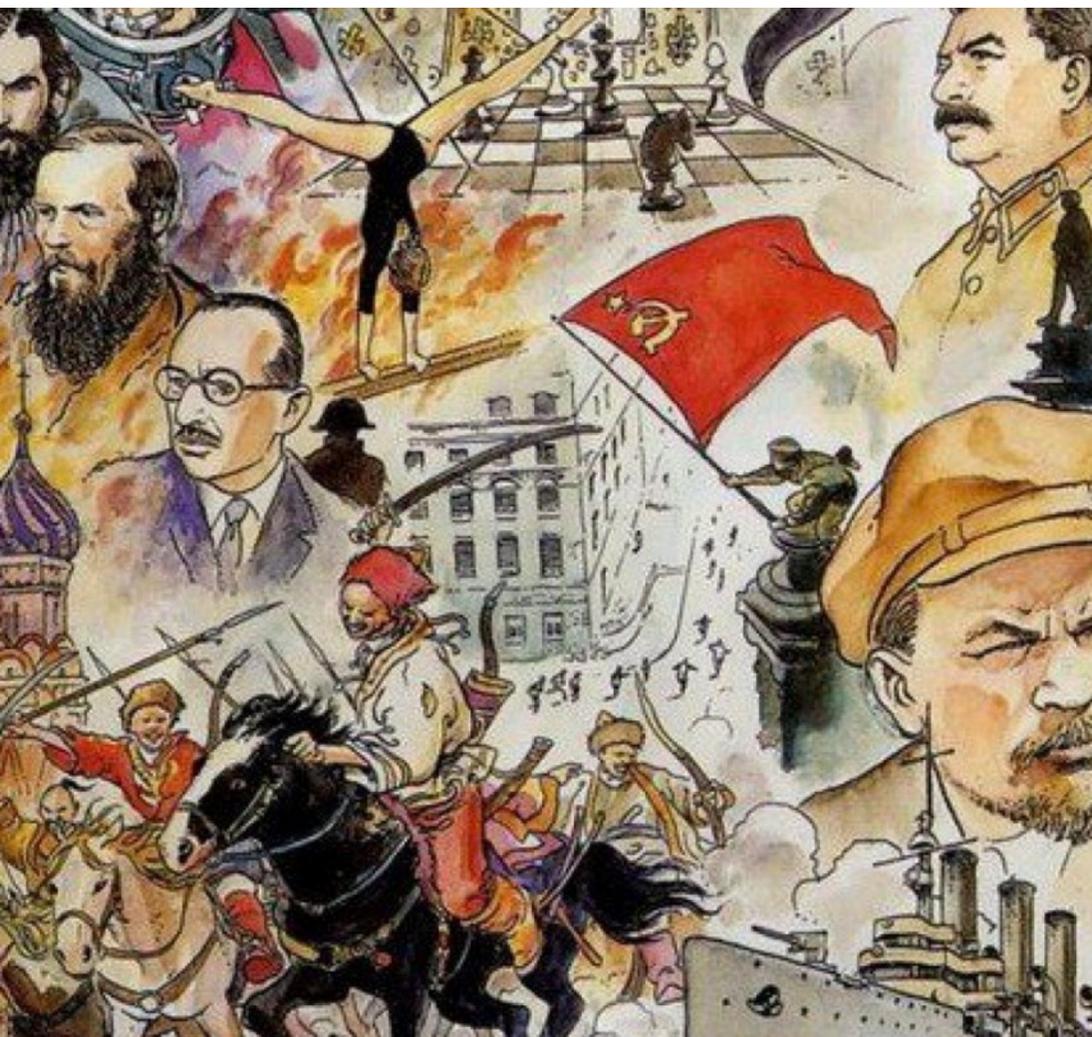

Николай Иванович
Голубятников
Подвиг Человека

...Несите людям мир и счастье!

Николай Иванович Голубятников

Подвиг Человека

...Несите людям мир и счастье!

Издательские решения
По лицензии Ridero
2020

УДК 929
ББК 63.3
Г62

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Голубятников Николай Иванович

Г62 Подвиг Человека : ...Несите людям мир и счастье! / Николай Иванович Голубятников. — [б. м.] : Издательские решения, 2020. — 176 с.
ISBN 978-5-4498-2862-0

Реальное повествование жизни Человека, пережившего тяжёлые испытания революционного времени. Активно участвовавшего в становлении Советского строя. В трагическое время Великой Отечественной войны, при наличии брони, добровольцем ушедшего на фронт... Человека, до глубокой старости активно участвовавшего в общественной жизни и учившего Людей. Человек, написавший данные воспоминания, мой дед. В повествовании, описываются события ВОВ. Это одна из причин, по которой я опубликовал данные воспоминания...

УДК 929
ББК 63.3

16+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4498-2862-0

© Николай Иванович Голубятников, 2020

НИКОЛАЙ ГОЛУБЯТНИКОВ

ЛЕТИТЕ, ГОЛУБИ!

*с. Татарка Ставропольского края
Шпаковского района
1974 г.*

Посвящается
жене и сыновьям: Олегу, Игорю,
Святославу, Юрию Голубятниковым.

1. ЖИЛ-БЫЛ МАЛЬЧИШКА

Начало восприятия внешнего мира связано у меня с молочной лапшой.

Зачерпнув деревянной ложкой лапшу так, что с её краев свисают лапшинки, как махор пухового платка бабушки Наташи, мама уговаривает:

— Ешь, сыночек, лапшичка сладенькая, беленькая.

А мне кажется, что это не лапша, а огромный паук, растопыривший лапы. Мне страшно и противно есть эго отвратительное чудовище.

Я дрыгаю ногами и изо всех сил отвожу мамину руку, неистово крича:

— Не хочу! Не буду! Она горькая!

Я был болен. Мне было жарко и душно в кровати. Когда я открывал глаза, то видел на потолке ползающих чудовищ, а когда закрывал, то на меня бросались хвостатые и рогатые черти. Повернувшись на бок, я просил:

— Мама, погладь головку.

От прикосновения маминой руки черти трусливо убежали, мне становилось смешно, и я засыпал.

Один раз сквозь сон я услышал приглушенные голоса:

– Уснул. Жар прекратился. Три дня бредил, – говорит мама.

– Теперь пойдет на поправку. Иди отдохни. Проснется, а я ему – подарки, – глухо басит папа, усаживаясь на стул около моей кровати.

Весть о подарках окончательно прогоняет сон. Я уже не сплю, только вот глаза не могу открыть. Разжимаю, разжимаю, а они не открываются. Тогда я прикладываю к ним кулаки и начинаю тереть. Это помогает, и я говорю:

– Папа, покажи подарки!

– Ах ты, барсучонок! Спрятался в нору, а сам все слышит! – бросается ко мне папа и выхватывает из кровати. Он так крепко сжимает меня в объятиях, что, кажется, дыхание останавливается.

Охватив загорелую шею отца руками и прижимаясь щекой к колючей бороде, восхищенно говорю:

– Мой папа... мой папа.

Когда через некоторое время вернулась мама, то она застала нас под большой кроватью. Папа держал зайчонка, а я гладил его по пушистой спинке, трогал чудесные уши. Нам было так весело! Трогать ежика папа не разрешил.

– Ежик колючий. Не прикасайся к нему. Палец больно наколешь, – наставляет папа, пятясь из-под кровати и таща меня за собой.

Папа часто приносил с охоты лесных жителей. У нас в комнате даже утка с утятами жила. Ежика я кормил молоком. Чем кормил других животных, не помню. Ведь мне был всего один год.

Вскоре папа опять стал собираться в Ростов.

Помогая укладывать дородные вещи в коричневый чемодан, я спросил отца:

– Папа, почему ты опять уезжаешь от нас?

– Такая у меня работа, сынок. Страхование военнослужащих. А они живут в разных местах. Вот и приходится все время

ездить, — со вздохом отвечает папа. Мне становится жалко папу, которого грозный генерал заставляет ездить по станциям и «цугать» военных.

Шли годы, а папы все не было.

Один раз, когда мама была особенно грустной, я спросил её:

— Мама, где папа? Он умер?

— Папа жив. Но мы поссорились с ним. Он больше не приедет

к нам.

— Нельзя обижать папу, — строго сказал я. — Он хороший. Он привезет мне маленького кутенка.

Мама громко заплакала и ушла в другую комнату.

Поздним осенним вечером 1917 года в комнату вошел высокий мужчина в черном плаще. Густым басом спросил у мамы:

— Где Коля?

Я от страха забился под стол и не шевелился. Страшно хотелось чихнуть, но я крепился, тер пальцами нос и молчал. Но тут очень ласково позвала мама и представила мужчине. Это был отец. Запомнились длинные усы и печальные голубые глаза на бледном лице. О высоком лбе и густой шевелюре я получил представление позже, по фотокарточке, которую переслала нам его сестра Антонина Моисеевна.

Отец посадил меня на колени, гладил по голове и рассказывал маме о чем-то совсем непонятном. Только две фразы, произнесенные с какой-то особой интонацией, запомнились мне. Отец сказал:

— Предстоит тяжелая борьба. Чинин тоже уехал далеко...

В ту же ночь отец ушел на фронт. Больше я его не видел.

В юности мать окончила гимназию, и теперь это пригодилось. Она стала давать частные уроки в богатых семьях, а с установлением советской власти в станице пошла учительствовать. Она организовала пункт ликбеза и стала обучать взрослых грамоте.

Зимой, как и другие дети, я ходил в школу. Возвратившись из школы, садился за домашние задания. Приготовив уроки,

с нетерпением ждал захода солнца. Едва красный диск касался горизонта, как я хватал задачник и бежал в ликпункт. Там меня уже ждали. Обычно учитель поручал мне отделение призывников. Но были дни, когда и с «бородачами» приходилось заниматься. Призывники учились охотно, старались изо всех сил. Решив задачу, радовались как дети. Овладение всеми четырьмя действиями арифметики считалось завершением курса обучения и заканчивалось весельем. Учителей качали, подбрасывая над головами. Учительницам дарили самодельные сувениры: шкатулки, копилки, пудреницы с надписями. Играли гармошки, все пели и плясали.

Это было трудное, но прекрасное время. Годы борьбы за утверждение нового социального строя. Эпоха общественного возрождения. Время раскрепощения духа и всеобщего обновления.

Из-за неурожая в 1921 году в станице Верхне-Курмоярской начался голод. Меня вместе с другими детьми, отцы которых погибли на войне, отправили в детский дом станции Котельниково.

Я видел, какого огромного труда стоило местным органам новой власти снабжение детского дома хлебом и другими продуктами питания.

Один раз солдат, разгружавший подводу с крупой, такими голодными глазами посмотрел на дымящиеся тарелки с кулешом, что я не выдержал и, схватив свой дневной паек хлеба, выбежал на улицу. Я очень боялся, что солдат не возьмет хлеб, поэтому, протягивая горбушку, нарочно громко и бодро крикнул:

— Товарищ, возьмите, это у нас лишний оказался!

Красноармеец пылливо посмотрел на меня, как бы говоря: «Ты же сам как скелет», потом улыбнулся, провел шершавой ладонью по моей бритой голове, сказал:

— Спасибо, браток. Ты не падай духом. Скоро у нас все будет.

Взрослые относились к нам хорошо. Особенно врачи, которые часто приходили к нам. Я буквально во всех женщин в белых халатах был влюблен. Даже когда Дарья Матвеевна разрешила мне шишку на спине и было очень больно, а медицинская сестра Лиза

держала, чтобы я не дергался, с восторгом думал: «Когда вырасту, обязательно женюсь на Дарье Матвеевне или на Лизе».

А любимые женщины, закончив со мной, брались за другого воспитанника, как будто не от прикосновения их нежных рук замирало сердце тринадцатилетнего мальчика Николая.

Воспитатели рассказывали нам о тяжелом положении страны, о голоде и разрухе и о том, как большевики во главе с Лениным делают все, чтобы спасти людей от голодной смерти, чтобы восстановить хозяйство и повести страну по пути к счастью — коммунизму.

— А вы будете много учиться, — убежденно говорит Елена Антоновна. — Некоторые из вас станут агрономами и научат крестьян стопудовые урожаи пшеницы получать. Весь хлеб будет белый, булки будут такие, что не каждый подымет.

— А мы с Таней будем вдвоем носить, — вставляет Петя.

Выкрикнул и смутился. Так покраснел, что около него жарко стало сидеть. Но Елена Антоновна не заметила этого и продолжала рассказ.

— Петя прав, — как-то особенно мягко сказала она и одобри-тельно посмотрела на притихшую Таню. — Вы будете помогать друг другу. Мальчики будут помогать девочкам. Мы все будем делать коллективно.

— А можно мне стать инженером? — спросил Вася Текучев, который давно уже ерзал на стуле и только сейчас решился подать голос.

— Конечно, Вася. Каким инженером ты решил стать?

— Я хочу строить электростанции. Во всех станциях будет светло ночью. Сталь варить можно электричеством...

Сверстники слушают Васю и удивляются: «Откуда он знает все это?» И, как бы поняв, о чем думают товарищи, Вася громко сказал, чтобы все услышали:

— Я у Ленина об этом прочитал.

В детском доме была большая библиотека. Чтение книг было любимым занятием воспитанников. Конечно, до дыр зачитывались книги Фенимора Купера и Жюль Верна.

Но немало было и любителей политических книг. «Манифест Коммунистической партии» Карла Маркса и «Письмо к американским рабочим» Ленина были любимыми брошюрами многих старшекласников.

Через два года я вернулся в родную станицу, чтобы, завершив семилетнее образование, начать самостоятельную трудовую жизнь.

Станичники приняли меня приветливо и тотчас представили работу. Пасти скот я научился еще раньше, поэтому предложение принять стадо коров меня очень обрадовало. Конечно, я не был старшим пастухом, а был только подпаском, но это меня не смущало. Дядя Никифор доверял мне, поэтому мы с его сыном Федей большей частью пасли стадо самостоятельно.

Хорошо летом в степи. Простор. Небо голубое. Солнце жаркое. Ветер ленивый. Все вокруг звенит, как бубенчики на рысках, украшенных ради свадьбы Анфисы Меркуловой с Афанасием Меркуловым.

Первые три километра коровы идут бодро и весело. Щипнут тощую травку и дальше, щипнут и дальше. Даром, что парнокопытные, а дело знают: впереди балка, а в балке такое разнотравье, что от одного вида слюнки потекут. И спешат туда рогатые кормилицы так, что мы с Федей едва поспеваем за ними.

На мгновение стадо замирает на месте, очарованное увиденным. Изумрудный ковер, расписанный разноцветными тюльпанами, расстилается под ногами. Он пестрой волной сбегает по склону и, пробежав полтора-два километра, сливается с горизонтом. Красные, желтые, белые, оранжевые, фиолетовые цветы так причудливо чередуются, что невольно подумалось: может быть, и здесь действует разумное начало?

Несколько секунд мы стоим с Федей неподвижно, опершись на чекушки, и любимся открывшейся картиной. Первым нарушает молчание Федя.

— Сейчас стадо рассредоточится, примет боевой порядок и пойдет в атаку на цветочный рай, — твердо говорит он, явно вызывая меня на спор.

– «Ура» коровы будут кричать? – спрашиваю я друга и смотрю, сильно ли я поразил его своим насмешливым вопросом.

– «Ура» кричать будем мы с тобой, – невозмутимо отзывается Федя.

– А я думаю, что коровы пойдут по зеленому ковру стройной колонной, как войско, сопровождающее королеву...

Едва я произнес последнее красивое слово, как стадо мумкнуло и, осыпая копытами песок и глину, плотной кучей устремилось на луг и стало жадно поедать сочную траву.

Шершавые языки энергично подхватывали пучки травы и равномерно подавали в рот. Животные шумно дышали, иногда стукали друг друга рогами и медленно продвигались вниз. Но что это?

Тюльпаны оставались нетронутыми. Опять загадка: может быть, коровы берегут их?

В полдень коровы перестали пастись. Они вышли на толоку и улеглись на горячую пыль. Глаза у них были сонные. Они отрывали зеленую кашицу и лениво пережевывали, двигая челюстями.

Мы тоже достали из сумок свои харчи. Ломоть хлеба с салом, пара крутых яиц и бутылка кислого молока – отличный обед для пастушка. После обеда неудержимо потянуло в сон. Говорю:

- Федя, поспи с полчасика, а потом я.
- А не уснешь, как вчера? – сомневается друг.
- Что ты, Федя! Вчера меня малярия треханула.
- Ладно. Карауль. Я у куста буду.

Проводив сонными глазами Федю до облюбованного им куста, я разостлал плащ, подложил под голову пучок травы, лег на спину, закрыл лицо фуражкой и стал слушать степь.

Вначале послышалась веселая переключка жаворонков. Вскоре к ним присоединилось посвистывание сусликов. Потом у самого уха, как мне показалось, раздался клекот и шум крыльев степного орла.

Под фуражкой было душно, лицо покрылось крупными каплями пота, и я сбросил её.

По небу неторопливо плыли кучевые облака, похожие на отару овец, и парил орел, точная копия чабана в черной бурке и с ярлыгой в руках.

...Винтовки беляков я спрятал в разных местах: две под яслями, одну в стоге сена. Цинковую коробку с патронами я не мог дотащить до стога, пришлось бросить её у плетня и кое-как забросать жердями...

— Да проснись же, Николай! — услышал я голос Феда и вскочил на ноги.

— Где коровы? Что с ними? — крикнул я в испуге, бросаясь к чекушке.

— Ничего с ними не случилось. Но собирать придется долго, — уныло ответил Федя.

— Ничего, Федор, на то мы и пастухи, чтобы коров гонять. Ты не горюй. Завтра я тебе такой свисток вырежу, что сам милиционер Новожилов позавидует, — сыпал я слова, чтобы успокоить свою совесть, которая была в смятении от допущенной оплошности.

Больше всего я боялся за комолую, которая имела привычку убегать из стада, за что нам от тетки Степаниды здорово попадало.

Приятно чувствовать себя «большим». Взрослые с тобой считают, особенно женщины, если дело касается пастьбы и поения их коров. Не говоря уже о сочинении писем, которые я обычно начинал так: «В первых строках нашего письма шлют тебе, сынок, низкий поклон твой родной отец... твоя родная мать... дедушка...»

Письма я писал бойко, уважительно, с перечислением поклонов и пожелания здоровья от родных, близких и дальних родственников. Иногда упоминал и соседей. Письма очень нравились авторам, и женщины буквально осыпали меня милостями.

И все же самые яркие воспоминания связаны у меня с более ранним периодом жизни, когда мне было 10–12 лет.

Я не был хулиганом и птичьих гнезд не разорял. Но лакомиться их яйцами приходилось. Делалось это из-за необходимости дополнить очень скудное домашнее питание. Взяв с собой у кого что есть: сало, хлеб, соль, спички, сковородку, мы, пятеро мальчишек-бедняков, отправлялись на промысел в левады. Взобравшись на могучий тополь или вербу, рискуя каждую секунду быть сброшенным на землю разгулявшимся ветром, мальчишка тянется рукой к гнезду галки, грача или вороны. Сунув пару яиц в кепку, зажатую в зубах, он проворно спускается с дерева. Бывали случаи, когда мальчишка возвращался на землю в изодранной рубашке и поцарапанным животом. Но такое возвращение бывало редко, только тогда, когда сухой сук не выдерживал тяжести охотника. Впрочем, неудачливый мальчишка прибывал иногда на поверхность земного шара и с зеленой веточкой в руке: тополь — очень хрупкое дерево.

Проделав пять-шесть таких операций, мы отыскивали затишное место и разжигали костер. Яичницу съедали с большим аппетитом. Домой возвращались перед заходом солнца.

Вторым промыслом была рыбная ловля. Так как часов в доме не было, то ориентироваться во времени приходилось по солнцу, цвету небосклона и другим естественным приметам...

Поднявшись задолго до восхода солнца, я взял кидок, две удочки с гаечными грузилами, кукан и отправился на рыбалку. Иду по темной улице, а сердце: стук-стук. Вот на дороге появилась незнакомая тень. Страшно, но отступить нельзя. Раз отступишь — всю жизнь трусом будешь. И, сжав покрепче в кулачке ржавый штык от русской трехлинейки, я ускоряю шаг для встречи с «ночным врагом». Разбойник не выдерживает и, сверкнув фосфорическими глазами, прыгает на забор, с забора на дерево, с дерева на крышу дома и прячется за трубой, издавая сердитое шипение.

Миновав последние курени, бегу по лугу, освещенному лунным светом. На открытом пространстве не так страшно. Здесь не может быть неожиданности, нападения из засады. А в открытом поле не так-то просто «убить» мальчишку, которому уже исполнилось 12 лет. Он проворен и «вооружен».

Дон спокоен, а это для меня самое главное. Закинув кидок и удочки, начинаю прыгать, чтобы согреться. Запыхавшись, сажусь к удочкам и замираю в ожидании клева. Проходит много времени, а ни клева, ни рассвета нет. Все спят: и люди, и рыбы. Наконец, начинает розоветь восток. Ультрафиолетовые лучи нежно касаются голов людей, и люди просыпаются. Теперь со стороны станицы несутся милые сердцу звуки: лай собак, мычанье коров, перебранка соседок.

Начинается клев, дернул — отпустил, дернул — отпустил, потянул так, что удилище наклонилось. Это сазан. Перехватив леску руками, веду силача против течения, чтобы подморился. Заупрямился: отпускаю полтора-два метра. Опять шагаю вдоль берега, наматывая на руку леску. Леска прочная, надежная, скрученная из волоса конского хвоста. Продолжаю тянуть. Наконец, в вспененной воде появляется темная спина донского красавца, и я изо всех сил дергаю леску на себя. Сазан упруго шлепается на песок и начинает так быстро и сильно прыгать в сторону реки, что мне никак не удастся поймать его. Мне становится обидно, что сазан может уйти в воду. Тогда я падаю на него животом и хватаю за жабры.

— Теперь не уйдешь, красавец, — торжествующе говорю я, просовывая дрожащими руками палочку кукана в жаберную щель.

Закрепив на берегу колышек, опускаю сазана в реку. Он тотчас устремляется вглубь, но шнур натягивается и останавливает его.

Поняв, что из плена не уйти, гордая рыба поворачивает голову против течения и начинает жадно глотать воду, тихо шевеля плавниками.

Мне становится бесконечно жалко пленника. Я представил себе, как обрадуется свободе дончак, когда я перережу шнур. Я раскрываю перочинный нож и направляюсь к кукану. Но вдруг вспомнил: дома больная сестренка мечтает о моей удаче. Улов предназначен обмену на молоко, в котором она очень нуждается. Захотелось немедленно бежать домой. Но я проявляю стой-

кость. Ведь я понимал, что одного сазана мало. Я остаюсь на берегу и возвращаюсь домой только после того, когда поймал две стерляди и несколько мелких рыбешек.

Семифунтовый сазан идет за четверть молока, стерляди мама обменяла на кулечек сахара, а жареных лещей мы съели сами.

Дон, конечно, не Кура и не Терек. Если гениальный земляк Михаил Шолохов назвал эту репу Тихой, то, бесспорно, она небурная. Однако нельзя быть уверенным, что плохо плавающий не пойдет ко дну «Тихого Дона» при первой же попытке пересечь реку, не считаясь с её настроением. А плохое настроение бывает не так уж редко. Причина одна: ветер. Однако прекрасные слова Гоголя: «Чуден Днепр при тихой погоде» в равной степени относятся и к Дону. Ведь батюшка Дон младший брат дедушки Днепра. Да! Прекрасен Дон при любой погоде. Прекрасен для тех, кто его любит. А любят его те, кто не только родился на его песчаных берегах, кто не только запивал материнское молоко его живой водой, но и оросил берега, сады и поля своим трудовым потом.

Летом большую часть свободного времени станичные мальчишки проводят на берегу Дона.купаются, рыбачат, пароходы встречают, коряги вылавливают на дрова, по берегу бродят. Да мало ли что может придумать ватага мальчишек в выходной день!

Левый берег обрывистый, правый пологий. Одним купальщикам и купальщицам нравится прыгать в воду с высокого яра, другим – брести по мелководью чуть ли не до середины реки, рассматривая песок под ногами.

Все мои сверстники были прекрасными пловцами. Я же некоторое время плавал очень плохо. Поэтому я очень часто отсиживался на берегу, пока товарищи весело плавали и ныряли. Такое ненормальное положение не могло долго продолжаться. И я принимаю рискованное решение: купаться ночью или в такую погоду, когда на берегу никого нет...

Дождавшись, пока все дома уснули, я осторожно соскальзываю с кровати и выхожу на улицу. Тихо. Даже собачьего лая

не слышно. Прибавляю шаг. «Шире шаг, шире шаг», – подгоняю себя. Вот и залитая лунным светом река показалась. Она блестит, как ледяной каток. Торопливо, как будто за мной гонятся разбойники, сбрасываю одежду и прыгаю в реку. Вода кажется теплой и вязкой, как глина. Но азарт борьбы уже овладел мной, и я делаю первые два сильных и широких взмаха. Волна бьет по спине, и гибкое тело стремительно вырывается вперед. Взмах правой – луна вниз, взмах левой – луна вверх. Раз-два, три-четыре... две-сти... Дно. Песок. Берег. Валюсь на спину и закрываю глаза. Ух! Хорошо! Победа! Я переплыл Дон. Долго задерживаться нельзя. Дома могут всполошиться. Сделав несколько приседаний, готовлюсь в обратный путь. Чтобы точнее попасть на то место, где оставил одежду, я, учитывая силу течения, захожу вдоль берега против течения на сто шагов и погружаюсь в реку. Вода по-прежнему теплая и ласковая. И в сердце закипает такая радость, что я не в силах сдержаться и запеваю. Мне очень хотелось, чтобы кто-нибудь услышал мое пение. Поэтому, достигнув середины, я перестаю махать руками и, приподнявшись, во весь голос пою: «По Дону гуляет казак молодой...»

Вскоре я был дома. Моего исчезновения никто не заметил: все продолжали крепко спать.

Вечером, поливая огурцы в своем огороде, я услышал, как тетя Даша, делясь новостями с соседкой, говорит:

– Совсем было забыла сказать. Ночью веселовский казачок утонул в Дону. Наверно, пьяный был. Ему бы на помощь позвать, а он во все горло: «По Дону гуляет казак молодой...» Так и погиб, грешный. Может, судорога потянула, а может, сом... Говорят, появились сомы-людоеды.

– Чего только не бывает на белом свете, – сокрушенно качает головой Петровна.

«Если бы вы знали, кто этот пьяный казачок», – с опаской смотрю я на удаляющихся женщин и, схватив ведра, бегом пускаюсь к реке, чтобы не встретиться с тетей Дашей. «Неужели мое пение так схоже с пением пьяного казачка? – недоумеваю я. – Ведь я так старался».

После такой оценки моих певческих способностей я решил петь только вдали от слушателей. Для этого я уходил далеко вдоль берега Дона или в степь и там пел во весь голос, не боясь, что кто-либо услышит, кроме глухих рыб или равнодушных сусликов.

После памятной ночи я уже не избегал общества купальщиков. Наоборот, искал случая, чтобы показать, что умею плавать не хуже других. Самолюбие и бахвальство, как видно, никогда не приводят к добру. Так вскоре и случилось со мной.

В присутствии девочек я поспорил с Васей Крючковым, лучшим пловцом и ныряльщиком, что не отстану от него, переплыву Дон туда и обратно в любую погоду. Мы сидели у реки, укрывшись от ветра крутым обрывом. Для девочек мы выдолбили в яру глубокие ниши, а сами примостились у их ног. А на Дон смотреть было жутко: настолько он был рассержен нашим бахвальством. Его поверхность посерела и ошетилилась гребешками пены, как шерсть соседского кота при виде злой собаки, а волны подкатывали почти до самого обрыва, где мы сидели.

Но спор есть спор. Не сказав слова — крепись, сказав — держись. Попросив девочек отвернуться, мы с Васей молниеносно сбрасываем одежду и голые (трусов у нас не было) бросаемся в набежавшую волну. Подбадривая друг друга шутками, плывем к противоположному берегу, на котором темнеют деревья. Плыть было так тяжело, что каждый из нас подумал: «Уж не конец ли это?» На середине реки волны были меньше, плыть стало легче, и мы приободрились. Напрягая все силы, мы кое-как добралась до берега и улеглись под старой вербой. Вася был очень бледен и тяжело дышал.

Я спросил товарища:

— Вася, что с тобой? Ты заболел?

— Накурился я, Николай. Голова кружится. Плыви один.

— А как же ты?

— Пришли мне штаны и рубашку с Тоней. Пусть переправится на пароме.

Вася устало закрыл глаза и замолчал.

— Ладно, жди, Вася. Я мигом, — громко крикнул я занемогшему другу и бросился к песчаной косе, глубоко вдававшейся в реку.

Я задумал воспользоваться этим плацдармом, чтобы хоть немного сэкономить силы для преодоления обратного пути. Расчет оказался верным. Подгоняемый волной и ветром, я сравнительно легко переплыл реку. Только у самого берега едва не пошел ко дну, глотнув с котелок пенной волны, отбросившей меня от берега и накрывшей мутной тяжестью. На какой-то миг я испугался, но потом мне стало стыдно перед девочками, и я овладел собой. Обозвав волну «свиньей бездумной», я ударил руками по хребту следующей и выбросился на берег, царапая колени о камни и ракушки. Пока я боролся с расшвырявшей волной, девочки бегали по берегу и криком подавали советы, как лучше выбраться из реки.

— Что с Васей? — бледнея, спросила Тоня, едва я приподнял голову над сушей.

— Бери его одежду и марш на паром. Он будет ждать тебя. Да смотри разотри его хорошенько! — крикнул я ей вдогонку, когда она уже была на ружейный выстрел от моего приземления.

Я был счастлив, Тося Трайлина так усердно драила меня мохнатым полотенцем, что сама стала розовая, как мак. Я смотрел на неё и не узнавал. Так она была прекрасна. Огромные голубые глаза были широко открыты. Черные зрачки расширились. Рот приоткрыт, обнажив ровные ряды изумительно белых зубов. На верхней губе выступили мелкие капельки пота, и губа слегка вздрагивала. Что-то бесконечно родное и милое было во всей этой тонкой фигурке, по-матерински заботливо склонившейся над посиневшим от холода мальчишкой.

— Спасибо, Тося! Ты добрая девочка, — сказал я, с благодарностью пожимая её гонкую ручонку, и удивился, что не почувствовал смущения, как это бывало раньше.

— Что ты, Николай! — радостно воскликнула девочка. — Я так злилась, когда ты поплыл.

- Почему?
- Ты мог утонуть.
- Я же был не один.
- За Васю переживала Тоня.
- Вот вы какие!
- Ты не подумай чего, Николай.
- А хоть и подумал бы. Ведь мы правда хорошие друзья, Тося?
- Хорошие...
- Вот видишь. И я поплыл-то ради тебя.
- Ты хвастунишка, Николай. Ты не подумал обо мне.
- Не обижайся на меня. Сейчас я понимаю, что поступил неправильно. А тогда... Хочешь, я завтра покатаю тебя на лодке?
- Лучше покачаемся на качелях.
- Ладно. Пошли домой? Петь хочется.
- А как же Вася и Тоня? Надо их подождать. Да вот, кажется, и они бегут.

Действительно, со стороны парома, подгоняемые ветром, взявшись за руки, бежали два подростка: голенастая девочка и прихрамывающий мальчик. Через минуту дружная четверка выпорхнула из-под обрыва и вихрем понеслась к станице.

Наступила зима. Морозная и вьюжная. Дон замерз. Знакомая четверка тут как тут. Появились и другие «квартеты». Впрочем, не только четверки, но и «деки». Не беда, что коньки у большинства мальчишек и девчонок самодельные: соструганные деревянные бруски с полозьями из толстой железной проволоки. Лишь бы было желание. И на самоделках можно кататься до упаду.

Прекрасен Дон в зимнюю стужу! Укрыл свои сладкие воды хрустальным одеялом и дрыхнет до весны. А пригреет мартовское солнышко, начнет потягиваться, разминать занемевшие члены, трещать льдами. Это потом. А сейчас зима. На берегу сугробы, а середина чистая. Чем не каток для европейских соревнований? Вдоль – хоть до Ростова катись, поперек побежишь – тоже за кочку не зацепишься.

Впереди скользит пятерка девчонок: Аня, Катя, Рита, Тоня, Тося. Позади мальчишки: Вася, Миша, Петя, Коля, Саша.

— Мальчики, догоняйте! — озорно бросает вызов Рита Кульчицкая и, срезав левым коньком ледяные стекляшки, вырывается вперед. За ней бросаются остальные.

В голубом спортивном костюме, в серой вязаной шапочке, в небрежно наброшенном белом шарфе, на никелированных коньках, гибкая и грациозная, стремительно скользит она по льду, щедро рассыпая солнечные лучи, и сердце её поет от радости.

Радость движения, сознание простора и свободы охватили всех юных конькобежцев.

— Риту нам не догнать, — бросает на бегу Катя идущей с ней рядом Тоне.

— Давай свернем с дорожки, — предлагает Тоня.

— Давай. Поворачивай за мной.

Едва подружки свернули в сторону, как мимо них на невероятной скорости промчался Вася Текучев. Губы его были плотно сжаты, серые глаза прищурены, кубанка придвинута к бровям. Во всем этом напряженном облике столько было решимости победить, что невольно додумалось: «Так рождаются герои».

Ничего этого Рита не видела и продолжала беззаботно скользить по льду, радуясь солнцу и приближающейся победе. И вдруг, со-вершенно неожиданно, от какого-то внутреннего приказа, она оглянулась назад и на мгновение растерялась от увиденного: в нескольких шагах прямо на неё размашисто бежал Текучев. Рита попыталась наверстать упущенное. Она сделала несколько сильных движений и в то же мгновение почувствовала, как мимо неё прошуршал «снаряд», обдавая горячим ветром и осколками льда.

А финиш был совсем близко, может быть, в тридцати метрах.

Когда Рита подкатила к отметке «2000», то судья Саша Нестеров уже снимал красные флажки.

— Победила мужская команда, — деловито объявил Саша.

– Если бы я не растерялась... – виновато сказала Рита и тяжело вздохнула.

– Отчего ты растерялась, Рита? – спросил Вася.

– Твое появление было таким неожиданным, – грустно ответила Рита.

– Не отчаивайся! Сегодняшняя победа досталась мне не техникой, а силой. В следующее воскресенье ты снова будешь впереди, – великодушно пообещал Вася.

– Добежим! Товарищи ждут нас! – вдруг встрепенулась Рита и, взмахнув руками, как ласточка крыльями, понеслась к ожидавшим её подружкам.

Пора было возвращаться домой и садиться за уроки. Тем более что завтра самый тяжелый день: понедельник.

Семилетняя школа расположена в центре станицы. Это большое деревянное здание П-образной формы с открытой верандой. Заведующий школой Павел Михайлович Шмелев живет здесь же, в правом крыле. Учебных кабинетов и лабораторий нет. Однотипных учебников тоже нет. Учились по тем учебникам, какие удавалось достать.

Большинство учебников предназначалось для высших начальных училищ, но немало было и гимназических. Я, например, изучал географию по учебнику Баранова, предназначенному для высших начальных училищ, а физику – по учебнику Краевича для учительских институтов.

Несмотря на слабость материальной базы, обучение велось на высоком научном и методическом уровне, с демонстрацией опытов по физике и химии и отличных картин по истории и естествознанию. Учителя были образованные и культурные. Отношения между учителями и учащимися были тактичными и уважительными. В седьмом классе я не помню ни одного случая, когда бы учитель накричал на ученика или семиклассник ослушался учителя.

В школе работало очень сильная, авторитетная комсомольская организация, поэтому нарушение школьной дисциплины было делом маловероятным.

Физику преподавал сам заведующий школой. Учебный материал он излагал с увлечением, покрывая классную доску десятками безукоризненно выполненных схем и формул. Войдя в класс в дубленном черном полушубке, обычно говорил:

– Извините, товарищи, но я не могу снять верхней одежды. В классе недостаточно тепло.

– Мы согласны с вами, Павел Михайлович. Вы не должны раздеваться, потому что можете простудиться, – отзывается дежурная по классу Тося Траилина. – А как быть нам?

– Вы можете поступить по своему усмотрению.

Мы сидим, конечно, без пальто, хотя в классе, действительно, не жарко: +9. Да нам и нельзя сидеть в теплой одежде, во-первых, потому, что приличное пальто есть только у двух учениц. Остальные одеты очень пестро: одни в стеганых фуфайках, другие – в перешитых шинелях, третьи... в рукавицах. Во-вторых, потому, что нам нужно писать так, чтобы не смахнуть рукавом на пол чернильницу. Ведь чернила мы делаем сами из сердечка фиолетового карандаша. А «химические» карандаши, как, впрочем, и все другие промтовары, доставать было очень нелегко, главным образом, путем выменивания на базаре. За один карандаш приходилось отдавать либо два килограмма рыбы, либо три десятка «казовских» огурцов.

Но стоило только Павлу Михайловичу приступить к объяснению закона Ома или другого какого-либо физического закона, как он раскалялся подобно спирали электрической плиты, сбрасывал полушубок и, вытирая вспотевший лоб платком с коричневой каймой, говорил:

– Кстати, о возрасте. 47 лет, безусловно, не самая ранняя юность. Весьма сожалею, что не увижу вместе с вами Россию 1970 года: покрытую густой сетью электрических станций, богатую и просвещенную.

Математику преподавал Броницкий Вячеслав Иосифович, черноволосый и чернобровый красавец. Своим элегантным видом и остроумием он производил на учениц ошеломляющее впечатление. Особенно неравнодушна была к нему наша «со-

листка» Тоня Новожилова. У этой девушки был звонкий и приятный голос. В классе она считалась не только певицей, но и красавицей. Тоня искала любого предлога, чтобы спеть в присутствии Вячеслава Иосифовича. И такие предлоги, естественно, находились. Тоня пела, а учитель аккомпанировал ей на пианино. Летом Тоня вышла замуж за Броницкого, и они уехали в станицу Нижне-Чирскую.

Осенью Тоня вернулась к маме одна. Возможно, потому, что по закону о браке супруг не обязан следовать за супругом. Могла быть и другая причина. Как и у большинства красавиц, у Тони был вспыльчивый, неуравновешенный и грубый характер. Возможно, причиной возвращения Тони домой явился её неуравновешенный характер.

Мне было жаль одноклассницу. Как-то я повстречал её на улице. Она была бледна и невесела. Я пытался заговорить с ней, но она сказала, что очень спешит по делу, и торопливо удалилась, даже не сказав «до свидания».

Русский язык преподавал Алексей Васильевич Текучев. Умный, начитанный, энергичный, тактичный, внимательный и простой человек. Когда он входил в класс, то светтели не только лица учащихся, но и воздух становился прозрачней. В приоткрытую дверь врвался мощный сноп солнечных лучей, и девочкам первой парты левого ряда приходилось на секунду закрывать глаза. Мальчишки шутили:

– Внимание, комета!

После обычного приветствия Алексей Васильевич раскрывал томик стихотворений М. Ю. Лермонтова и предлагал написать диктант для синтаксического разбора.

Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
про день Бородина! –

звонким тенором читал учитель, охваченный пафосом нарисованной поэтом картины. Ничего нет удивительного, что к концу урока все учащиеся знали диктант наизусть до каждой запятой.

Реакция на чтение стихотворения «Смерть поэта» состояла в том, что юноши крепко сжимали кулаки в партах, а девушки украдкой смахивали ладошками непрошенные слезинки, повисшие на длинных ресничках.

Прощаясь с классом, учитель говорил:

— До свидания, друзья! В среду я прочту вам стихотворение Александра Сергеевича Пушкина «К Чаадаеву».

В классе не было равнодушных к русскому языку и литературе: любя учителя, любили его предмет.

Вас интересует судьба Алексея Васильевича Текучева? Он стал академиком. Я встречал его книги по грамматике и по методике обучения русскому языку в начальной школе. Другие учителя тоже были прекрасными педагогами, но оставили менее глубокий след в душе. Я помню только их внешний облик и фамилии: Беляев, Миронов, Деев, супруги Жариковы.

А весна? Что такое весна на Дону?

В апреле так разливается Дон, что по улицам на лодках кататься можно. Настоящая русская Венеция! Наступает время — и вода так быстро уходит, как будто её всасывает великан своим огромным ртом. В левадах вода задерживается иногда до середины лета. В мае все расцветает: лес, сады, цветники, луга, степь.

Сегодня нас добрый десяток. Мы идем по лугу рассыпным строем, продираясь сквозь высокую и густую траву, и зорко смотрим под ноги, не попадутся ли катран, сурепка, щавель, или кислица, чтобы сорвать и съесть. Мы пасем. До полудня мы съедаем огромное количество сочной травы, а сытыми от этого не становимся. Наоборот, развивается такой аппетит, что быка бы жареного за один присест съел. Но так как жареные быки здесь не пасутся, то приходится поспешить с возвращением домой. Мы делаем разворот на 180 градусов

и выходим на дорогу. Навстречу нам катит на велосипеде Петя Новожилов.

– Здорово, ребята! – весело приветствует он нас. – Вы куда?

– По домам, Петр, – без особого энтузиазма отвечает Вася. Животы от щавеля подвело.

– Айда ко мне! – обрадованно кричит Петя. – Во как накормлю, – проводит он ладонью по шее.

– Что ты, Петя! – испуганно восклицает Катя Попова. – Твоя мама прогонит нас всех.

– Не прогонит! Да и дома её нет. И отца нет. Мы сами хозяева.

– А где же они?

– На хутор в гости поехали. Сватов ждали и не дождались. Такого всего наготовили.

– А приедет?

– Скажу, что товарищей угощал. Не пропадать же добру.

Последний довод показался убедительным, и мы бросились наперегонки к дому хлебосольного товарища.

В кухню идти никто не захотел. Разместились во дворе под раскидистым тутовником. Немного потеснились, и все уселись за одним столом. Борщ был жирный, наваристый, но ели его так, для близира. Зато стопку пышек с каймаком уплели моментально. Катя с Тосей пошли на кухню за взваром, а мы тем временем вели оживленный разговор, делясь впечатлениями дня.

Вдруг у самого уха, как мне показалось, раздается звонкий голос Дарьи Матвеевны:

– Отец, а у нас гости!

– Готовь на стол, а я кобылу в конюшню отведу! – отзывается с улицы Семен Никифорович.

А у «гостей» душа в пятки ушла. Сидим ни живы ни мертвы.

– Мама, – идет навстречу Петя. – А у меня товарищи.

Дарья Матвеевна пристально смотрит на сына и, заметив умоляющее выражение его глаз, смягчается:

– Здравствуйте, дети, – приветливо говорит она. – Да у вас пустые чашки! – искренне удивляется хозяйка. – Петя!..

– Большое спасибо, Дарья Матвеевна, – бодро говорю я, чтобы разрядить обстановку и вывести компанию из замешательства. – Мы уже поели. Вот только взвар...

– Катя! Тося! Куда же вы запропастились! Парнишки взвара заждались! – весело кричит Дарья Матвеевна.

А девочки спрятались за дверью с кружками в руках и не знают, что делать: выходить из укрытия улыбаясь или позорно бежать, пока Дарья Матвеевна не вывела их за руки. Наконец, женское притворство побеждает, и они как ни в чем не бывало выпархивают из кухни и прямо к хозяйке.

– Здравствуйте, Дарья Матвеевна! Как хорошо у вас! В кухне чисто-пречисто! А борщ – одно объедение!

– Касатки вы мои милые! Щебетухи! Аль мне с вами пообедать?

– Садитесь! Садитесь! Миша, подвинься! К нам! К нам! – взрывается наполненная всеобщим ликованием обстановка.

Прислонившись спиной к старой груше, стоял никем не замеченный Семен Никифорович и смотрел на детей. На коричневом от загара сухощавом лице застыла улыбка удивления и радости.

О чем он думал в эту минуту? О том, как он был мальчишкой, или о том, какими будут эти мальчишки и девчонки? Потом он подошел к столу, решительно хлопнул ладонью по дородному плечу жены, приказал:

– Споем, жинка!

Дарья Матвеевна обвела детей мечтательным взглядом, подперла красивый подбородок рукой и запела чистым, как родниковая вода, голосом. Семен Никифорович подпевал. Пели про любовь к Тихому Дону, слаженно и задушевно.

Мы сидим как зачарованные. Нам кажется, что это поют птицы. Тихо, чтобы не спугнуть, мы покидаем гостеприимный уголок.

С окончанием школы кончилась и беззаботная юность. Наступило время активного поиска профессии и самостоятельного места в жизни.

2. КЕМ БЫТЬ?

Летом и осенью 1927 года все свободные от работы часы я просиживал за учебниками. Даже в выходные дни. Так я подготовился за курс школы второй ступени. По приглашению старшей сестры Ангелины (Люси) приехал к ней на Северный Кавказ. Село Дмитриевское поразило величиной: территория 6х3, население – свыше 10 тысяч. Мне казалось, что больших размеров село и представить невозможно. Однако вскоре убедился, что Дмитриевское – звезда далеко не первой величины, села Петровское, Михайловское, Безопасное, Медвежье еще более крупные и могущественные, их население составляет 15 и более тысяч. Поля огромные, почвы плодородные, урожаи пшеницы высокие, скота много, хлеб пышный, девушки певучие.

Муж сестры, Николай Петрович Землянухин, работал заведующим начальной школой. Жили они при школе, занимая две большие комнаты и кухню. Мебель была «казенной». Школа отапливалась соломой. Материально жили хорошо. Как-то, уезжая в райцентр

за зарплатой, заведующий школой попросил:

– Николай, позанимайся с третьим классом! Пригодится.

– Ладно, попробую!

Занятия я почему-то начал с природоведения. Разыскал в шкафу цветные картинки животного мира, сделанные из плотного картона, географические карты, другие наглядные пособия и начал урок. Дети были буквально поражены богатством фауны и флоры Земли. Они дружно просили продолжить урок природоведения завтра, если Николай Петрович не вернется сегодня из поездки.

Получить зарплату в тот день Николаю Петровичу не удалось, и он остался в Медвежьем ночевать. Пришлось мне проводить уроки и на следующий день. На этот раз я начал занятия с арифметики. Начертив на классной доске железнодорожные и водные пути, учил решать задачи на движение. И на этот раз

дети занимались так, что от напряжения на кончиках их покрасневших носиков повисли капельки пота, а они не замечали до тех пор, пока не был объявлен перерыв. О шалости на уроке и речи не могло быть: не было времени.

Уроки явно удались. Знать, практика, полученная в ликпункте, не прошла бесследно.

Посидев на одном из уроков, Николай Петрович сказал:

– Все ясно: ты будешь учителем!

– Как? Ведь я приехал к вам, чтобы вы помогли мне выбрать профессию! – воскликнул я, пораженный категоричностью выводов заведующего школой.

– А чем профессия учителя хуже других?

– Но ведь я не думал стать учителем! – продолжал я горячиться.

– Способности, дружок, способности для профессии нужны! И желание, конечно. А ты их обнаружил.

– И желание?

– Конечно. Как же без желания можно так блестяще выполнять работу? Посмотри-ка вот сюда!

Я посмотрел в окно. Во дворе стояла группа девочек и мальчиков, они о чем-то бурно спорили.

– Ну, что там?

– Дети что-то обсуждают.

– Помяни мое слово, тебя поджидают. Выйди к ним!

Я выбежал на порошни, нарочно громко хлопнув дверью. Гомон смолк, и от толпы детей тотчас отделились мальчик и девочка. В несколько прыжков они очутились около меня.

– Николай Иванович! Мы избрали вас вожатым!

– Благодарю за доверие! Но ведь вожатых назначает райком комсомола! – пробовал я возразить, но понимал, что состоявшиеся выборы уже никто не в состоянии отменить. Народ решет все. Придется подчиниться. – Пионер – всем ребятам пример! Чтобы завтра все были в галстуках!

– Согласился! Согласился! Ура! – неистово кричали мальчишки и девчонки, выбегая на улицу.

— Что нового? — насмешливо щуря глаза, спросил Николай Петрович.

— Пионервожатым избрали, — обреченно сказал я, подвигая стул к учителю. — Что делать?

— Работать. Только работать, и больше ничего. Немедленно свози пионеров на экскурсию, а потом приступай к подготовке сбора. Вот и вся премудрость.

— Николай Петрович, я же командиром Красной армии хочу быть! — взмолился я.

— Потом, Николай, потом. Будешь и командиром. Не торопись. Покомандуй пока детьми.

Говорил Николай Петрович так уверенно, и все у него получалось так просто, что невольно эта убежденность передавалась собеседнику.

Так я стал вожатым и, наверно, учителем.

Вскоре меня вызвали в районный отдел народного образования и назначили заведующим районной школой грамоты. Через некоторое время по рекомендации райкома комсомола перевели на должность инспектора отдела культпросветучреждений. Потом я попросился на учительскую работу, и меня послали заведующим начальной школой в совхозе «Коммунар».

Через полтора года перевели заведующим начальной школой в огромное село Ладовская Балка, где я проработал несколько лет.

Пришлось опять садиться за учебники, повышать квалификацию.

Вот и Центральный институт повышения квалификации кадров народного образования (ЦИПККНО) позади. Физику послали преподавать в районную среднюю школу. Вскоре на поверхность всплыла непреложная истина, что для средней школы нужны учителя с высшим образованием. Пришлось сделать задний ход, вначале из села Медвежьего в село Ладовская Балка, чтобы вначале перестроить огромный двухэтажный магазин бывшего купца Дёмина под школьное здание, а потом уже работать в этой школе.

В школе сельской молодежи (ШКМ) мне, наконец, выпало счастье преподавать любимый предмет — естествознание. На пришкольном участке мы закладывали различные опыты, испытывали наши культуры, выращивали коноплю, клещевину, применяли минеральные удобрения.

И удивительное дело: как в это время, так и позже, когда я научился выращивать роскошные плодовые деревья и закладывать сады, я встречал полное равнодушие руководителей школ к зеленому богатству. Стоило мне уйти из этой школы, как посаженные детьми под моим руководством сады забрасывались, вырубались, а на образовавшемся пустыре появлялись индивидуальные огороды, засеянные кукурузой или картошкой. Так было в с. Ладовская Балка, так продолжается в с. Татарка Шпаковского района Ставропольского края.

Проходит время, и опять не хватает знаний, не столько знаний, сколько диплома. Однако не одними знаниями жив человек, и 7 января 1935 года я женился на Дусе Бережной. Она сельских ребятишек грамоте обучала. Полюбил за кроткий нрав и пухлые щечки, пламеневшие, как утренняя заря. 14 ноября 1935 года родилась первая дочь. Отдавая дань времени, присвоили дочери имя Эмма. 15 февраля 1937 г. появилась на свет Вера. Это имя тоже соответствовало духу времени, возврату к чисто русскому, традиционному. Дети есть, а диплома нет. Решаю поступить на заочное отделение Ленинградского государственного университета. Почему именно в знаменитый ЛГУ, не знаю. По-видимому, из-за тщеславия и самолюбия. Прихвастнуть перед коллегами захотелось, покуражиться.

Летом 1937 г. еду на зачетную сессию. Лаборатории поражают обилием и сложностью оборудования. Отделение электрофизики, куда я поступил, буквально переливается электрическими разрядами. Лекции до предела насыщены теоретическими исследованиями, расчетами и проблемами. И все это на пять лет. А у меня большая мать. Да и младшие сестры в моей материальной помощи нуждаются. Учеба и погоня за большим заработком вошли в непримиримое противоречие. Побеждает оппортунизм,

временная материальная выгода. И через год я оставляю университет, чтобы сосредоточить все силы на даче максимального количества уроков.

Ноша из двух слагаемых: университета и 12-часового рабочего дня оказалась для меня непосильной. Но это только тактический маневр, не достижение цели. Ближайшая цель впереди, возникшая проблема решена. Летом 1939 г. я еду в г. Орджоникидзе и поступаю на второй курс учительского института имени К. Л. Хетагурова.

Город Орджоникидзе такой же небольшой, тихий и зеленый, как Ставрополь. Мне он понравился. Но у него имеется большое преимущество – река Терек. О студенческом времени у меня остались приятные воспоминания. Я глубоко убежден, что студенческие годы, несмотря на сильные материальные ограничения, – это лучшая пора жизни. Жизнь в сплоченном коллективе, дружба, целенаправленная деятельность, общение с интересными и образованными людьми, свобода и независимость – где еще, кроме вуза, найдешь такое богатейшее сочетание духовных благ?

Как-то в конце лекции пятидесятилетний декан Собиев с грустью сказал:

– Я достиг всего, о чем мечтал и к чему стремился: высшего образования, ученой степени, высокого заработка, благоустроенной квартиры. Все это я без сожаления отдал бы только за то, чтобы стать молодым, как вы.

– Это вам так кажется, профессор, – горячо возражает Жернак Щербакова. – У нас нет иногда денег даже на кино.

– А хлеб есть? – вдруг оживился ученый. – Кефир есть? – продолжал он наступать. – Пирожки есть? Пикули есть?

– Все это у нас есть, товарищ профессор, – не утерпел я от подачи реплики. Уж больно близко к сердцу принял пожилой человек высказанную студенткой неудовлетворенность. – Но не единым кефиром жив студент...

– Вы с юмором, молодой человек. Посещать кино и танцевать фокстрот тоже надо. На этот счет у меня есть для юношей

практический совет: не ждать почтового перевода от мамы, а пойти на товарную станцию и разгрузить вагоны. Заработанных денег вам будет достаточно на кино и на мороженое для девушек. Впрочем, для девушек тоже найдется работа на предприятиях бытового обслуживания...

В июне 1940 г. я окончил учительский институт и получил, наконец, диплом с серебряным тиснением. Так окончательно был решен вопрос, кем мне быть.

Я стал учителем.

3. ПРОЩАНИЕ С ЮНОСТЬЮ

Выпускной вечер был в разгаре, цветущие, молодые и стройные, счастливые кружились в вальсе пары. Белые электрические шары весело улыбались им с высоты расписного потолка. Актный зал бурно дышал, шумя, как море. А за окном была ночь: темная, звездная.

Я сидел у большого фикуса, стоявшего у окна. Рядом со мной пристроился ученик 10 класса Чернышев Александр. Светлые курчавые волосы едва оттеняли его женственно нежное белое лицо. За печальные стихи, которые он помещал в школьной стенной газете, одноклассницы прозвали его «лириком». Теперь лирик время от времени бросал на меня вопросительные взгляды, желая заговорить, но не решаясь начать разговор первым: он видел, что учитель занят своими мыслями.

А мысли мои были следующие: «Милые дети, как им весело сейчас. Впрочем, они уже не совсем дети. 18 лет... Какой это хороший возраст! Сколько ярких переживаний связано у человека с этим временем!..»

Заметив одиночество Чернышева, я прервал свои размышления.

— Почему не танцуете, молодой человек? — спросил я ученика.

— Не хочется, Николай Иванович. Я лучше посижу с вами.

«Поговорить хочется, — догадался я. — Ну что ж, пусть выскажется. Вполне естественное желание».

— Скажи, Чернышев, тебе не жалко покидать школу?

— Очень. Но и радостно.

— Как же так?

— Радостно потому, что мне только 18 лет, а я уже имею аттестат о среднем образовании. Я молод и полон сил. Впереди много неизвестного. Может быть, даже очень трудного, но меня это не страшит.

— Почему же жалко?

— Грустно как-то расставаться с друзьями и товарищами. Может быть, вам, Николай Иванович, покажется странным, но мне очень жалко оставлять учителей, хотя они и такие строгие. Какие они хлопотливые! Все беспокоятся и страдают за своих учеников!

— Это несколько не странно. Чувство благодарности к воспитателю — благородное чувство.

— А вы, Николай Иванович, помните свою учебу в школе?

— Еще бы!

— Мне кажется, что жизнь во время учебы — самая интересная жизнь. Получил пятерку — радуешься, смеешься. Двойку получил — грустный целый день, даже в кино не хочется.

— Вот как! А мне казалось, что оценки почти не действуют на тебя и некоторых твоих товарищей.

— Еще как действуют! Солдатенко вон какой дядя, а и то чуть не заплакал, когда получил двойку за контрольную по химии.

— Ты так и не сказал в прошлый раз, какой предмет больше других нравился тебе. Учился ты хорошо по всем предметам.

— Тогда я этого сам не знал. Уроки литературы — Пушкин, Тургенев, Толстой, Горький, Маяковский... Уроки физики — электричество, звук, свет... Уроки химии — молекулы, атомы, раскрытие тайны вещества... Уроки астрономии — Солнце, Земля, Луна, звезды, раскрытие тайн мироздания... Сколько неизвестного!

Сколько интересного можно узнать в школе! – мечтательно посмотрел вдаль Чернышев.

– Тебе не надоело учить уроки?

– Нет! Учился бы еще и еще! Но десять лет учебы позади.

Сдан последний экзамен. Вот мама держит мой хрустящий аттестат. Видите? Как хороша жизнь!

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Больше всего я люблю литературу. Я стану литератором.

– Преподавателем литературы или писателем?

– Буду учиться на журналиста.

– Выбор хороший. У тебя есть способности. Но чтобы стать журналистом, необходимо много учиться и много читать.

– Я не буду лениться. Вы это знаете, Николай Иванович.

– Да, с твоим трудолюбием ты достигнешь поставленной цели.

– Вы слишком хорошего мнения обо мне.

– Почему же? Если ты не зазнаешься и будешь настойчиво трудиться, ты многого можешь достигнуть. Будет желание – пиши. Я буду рад услышать о твоих успехах. О трудностях также пиши. Я охотно помогу тебе, в чём смогу. Советами старших не пренебрегай. Не забывай школу и товарищей.

– Все же мне удалось услышать ваше мнение обо мне. Я буду долго помнить эту беседу.

– Разве тебе хотелось услышать мое мнение об избранном тобой пути?

– Да. Мне очень нужно было знать это. Теперь же можно потанцевать.

– Иди. Надя Батагова давно с нетерпением посматривает в нашу сторону.

– Что вы! Это вам так показалось.

– По-видимому, показалось. Она уже не смотрит сюда. Так и есть. Её пригласил Рязанцев, и она ушла с ним.

– Я пойду. Спасибо за беседу, Николай Иванович, – заспешил Чернышев. – До свидания! – дрогнувшим голосом сказал он, кланяясь учителю.

— В добрый час!

Чернышев поправил галстук и торопливо зашагал к рядам стульев, на которых разместились девушки, отдыхающие после танцев.

Оставшись один, я вновь погрузился в размышления, наблюдая за происходящим в зале. Перед моим взором поплыли знакомые лица юношей а девушек, выросших на моих глазах. Вот Батагова Надя. Небольшая, голубоглазая, опрятная. Белый воротничок на темном платье мягко оттеняет её розовое миловидное личико. Даже на танцах она спокойна и сдержанна. Филатова Феня... В пятом класса она была совсем не такой: худенькой, робкой. А теперь? Высохшая, стройная, налитая здоровьем — она бурно переживает свою радость. Смуглое полнощекое лицо, освещенное черными, мерцающими, как звезды, большими глазами и обрамленное венцом тугих черных кос, искрится полным счастьем. Она не пропускает ни одного танца: вихрем кружится в вальсе, мотыльком порхает в польке. Как будто задалась она целью перетанцевать на прощанье со всеми своими одноклассницами и одноклассниками. Высокая грудь её дышит сильно, глубоко. Ей жарко, и она уже устала, но об отдыхе она не думает. Разве можно упустить хоть одну минуту этого неповторяющегося счастья? Странно... Неужели она уже понимает, что такие минуты не повторятся больше?

А мамы-то, мамы! Они не сводят восхищенных глаз со своих милых детей, со своих дочек-красавиц, с дорогих сынов. Они то смеются, то плачут. Рады они, что у них такие большие, красивые и умные дети, жалко, что придется скоро расстаться с ними: многие сыны пойдут в Красную армию, дочери — в дальние города учиться дальше, чтобы вернуться в родное село знатоками любимого дела.

Жизнь советского народа подобна великой реке Волге-матушке: как тысячи ручьев со всех сторон необъятной Русской равнины и Урала стремятся к общему потоку, делая его широким и многоводным, так миллионы советских людей, овладев многочисленными профессиями, включаются в общий строй по завое-

ванию природы и подчинения её великой цели человечества — построению коммунизма. Это объясняется тем, что в нашей стране имеется полная возможность выбора профессии любым гражданином СССР.

Выбор профессий у нас не имеет предела. Ты хочешь строить заводы, в горах и пустынях прокладывать дороги, строить большие светлые дома? Будь инженером. Учись!

Ты хочешь выращивать высокие урожаи золотистой пшеницы и белоснежного хлопка, возделывать янтарные гроздья винограда и душистые дыни? Будь агрономом. Учись!

Ты полюбила детей и хочешь воспитать из них новое поколение людей, здоровых, жизнерадостных, трудолюбивых, способных довести до конца великое дело Ленина по построению коммунистического общества? Будь учителем. Учись!

Если хочешь стать пилотом, машинистом, офицером, врачом или ученым — учись. Твоя судьба в твоих руках.

Щербинина Мария, Нефёдова Анна, Кравченко Татьяна, Мальянин Иван, Солдатенко Василий, Сидоренко Михаил, Мальцев Петр, Горобцов Сергей избрали себе будущие профессии еще в 8 классе и в течение трех лет с особым усердием изучали основы тех наук, которые избрали себе в качестве будущих профессий. Уж они-то определенно скоро покинут своих родителей. И потянется длинная вереница дней разлуки, изредка разрываемая лучами коротких свиданий. Так уж устроена жизнь, пока дети малы, мать видит их каждый день, кормит, поит, одевает и обувает, обстирывает, купает и холит, ночей недосыпает, а как подросли — и мать не нужна. Нужна-то она нужна, да только дети становятся что отрезанный ломоть: отделяются и удаляются.

Отцы смотрят на своих детей так, как будто первый раз видят их такими. Вспоминают о своем детстве, которое протекало в других условиях, 23 года тому назад, сражаясь с белогвардейцами, они мечтали о счастливом будущем. И это будущее стало настоящим!

Я так был поглощен своими мыслями, что вздрогнул от неожиданности, когда передо мной предстали две ученицы.

- Что же вы прячетесь от нас, Николай Иванович?
- Нет, Феня, я не прячусь от вас. Я просто люблюсь вами.
- Тогда потанцуйте с нами.
- С удовольствием. Прошу вас.

Я подал ученице руку, и мы вошли в круг танцующих. Несколько пар, делая вид, что устали, вышли из круга, чтобы дать больше простора новой паре.

Стройный, сильный мужчина и красивая молоденькая девушка, одухотворенная счастьем, представляли живописную картину. Оба они были прекрасными танцорами. В то время как учитель отделявал каждое свое движение, как бы вырезая его резцом по слоновой кости, ученица то плавно, то вихрем носилась вокруг него, порывистая и юная, грациозная и вольная, как птица. Зрелость и юность, сдержанность и порыв, совершеннейшая техника вступили в страстное соревнование между собой.

Милая девушка! Она, оказывается, не без хитрости выбрала себе самого сильного партнера. Пусть, мол, убедятся, кто из них первый: он или она?

Но этот вопрос возник у присутствующих не сразу: так гармонична была эта пара, в совершенстве дополняя друг друга. Вскоре в кругу осталась только одна пара. Огни очарованных глаз были устремлены на эту пару. А они, взявшись за руки и забыв обо всем на свете, плыли и плыли по гладкому полу, поминутно отрываясь от него. И нельзя было точно сказать, по полу ли они скользят или по воздуху плывут. Смотрят друг другу прямо в глаза и улыбаются чему-то счастливо.

В публике улыбаются. Молодая краснощекая женщина в розовой кофточке и белом шарфе мило улыбалась своему соседу и что-то весело рассказывала, стремясь отвлечь его внимание от танцующих; высокая женщина в черном шелковом платье была бесконечно печальна и поминутно прикладывала к своим большим черным красивым глазам белоснежный платочек; две одноклассницы, обнявшись, стояли у большого окна и не сводили глаз с подруги.

Наконец, палочка дирижера опустилась, и стало тихо. Учитель и ученица с полминуты удивленно смотрели друг на друга. В следующее мгновение я взял под руку свою «даму» и отвел к дивану. Прощаясь, думал: «Вот еще одно сокровище. Как хорошо, как бесконечно прекрасны наши девушки! Сколько в них жизнерадостности, энергии, здоровья, простоты, человечности, грации, таланта! Какая глубина чувств! Есть ли в мире такие? Нет! Русские девушки самые лучшие в мире. И нет им равных».

По домам расходились во втором часу ночи. Девушки и юноши шли общей гурьбой, оживленно делясь впечатлениями. Расходясь по хатам, звонко перекликались через улицу. Уже пропели петухи, а юные парочки, склонившиеся под могучими тополями, еще долго не решались оторваться друг от друга. Потом и они растаяли в предрассветном тумане. Даже лай собак затих. Село погрузилось в сон.

4. ИСПЫТАНИЕ НАЧАЛОСЬ

Ночь медленно и неохотно уступала место наступающему дню.

Было еще очень рано, люди спали, поэтому немногие видели, как на западе появилась и быстро росла огромная черная туча. Она шла низко над землей, расплывая свои изодранные в клочья крылья. Огненно-красные языки востока лизали края тучи и придавали ей вид сказочного чудовища с висящими кусками окровавленного мяса.

Вдруг темноту прорезала ослепительно-белая молния. Небо раскололось и, казалось, упало на землю. Зашумел дождь. Иссохшая земля стала жадно глотать водяные стрелы.

— Господи Иисусе! — в страхе прошептала Фенина бабушка, набожно крестясь. Гром повторился с новой силой. Жалобно задребезжали стекла. Резко хлопнула ставня. В открывшееся окно ворвался буйный ветер и заметался по комнате.

— Сроду такого не было, — повторила старуха, шаря по загнетке. Найдя спички, она зажгла лампу и села в переднем углу

под образами. Трехлинейная лампешка скудно осветила часть земляного пола и угол большой русском печи, на которой, разметавшись, сладко спали Феня и её восьмилетняя сестра Маша.

Матери дома не было; она осталась ночевать в поле. В эту ночь многие колхозники остались в поле; делались последние приготовления к уборке урожая.

Дождь то затихал, то вновь начинал шуметь за окном и хлестать по железной крыше, которая от резких порывов ветра неистово гремела, усиливая и без того мрачную картину ночной грозы.

Но всему бывает конец.

Постепенно дождь начал слабеть и вскоре совсем прекратился. Из-за последней тучи ударил яркий сноп лучей, потом показалось и само солнце: ясное, чистое, умытое. Все ожило и повеселело. Деревья стояли свежие, искристые, осыпанные жемчугом серебристой влаги. По улицам и переулкам бежали потоки мутной воды.

Из-за угла догорающего дома, зажженного молнией, выскочил всадник на вороном взмыленном коне. Он что-то крикнул Фене, умывавшейся во дворе, и скрылся за поворотом. «Война!» — донеслось до слуха девушки страшное слово. «С кем война? Зачем война?» — заметались в голове девушки беспокойные мысли-вопросы. Охваченная смутной тревогой, еще не понимая всей опасности случившегося, но чувствуя, что произошло что-то исключительно страшное, девушка выбежала на улицу.

На улице было многолюдно. Со всех концов села к центру стремились толпы народа. Митинг открыл председатель райисполкома Потапенко Федор Васильевич. Первое слово было предоставлено секретарю райкома ВКП (б) товарищу Ковалеву. Подойдя к барьеру красной трибуны, секретарь райкома с минуту всматривался в потемневшие лица граждан, как бы желая отгадать их мысли. Здесь были молодые мужчины без фуражек и статные женщины в белых, голубых и красных косынках; седобородые старики в высоких картузах с лаковыми козырька-

ми и древние старушки в черных гарусных шалях; подростки — мальчики и девочки, и совсем маленькие дети не старше 6 лет. Взоры всех присутствующих были устремлены на него, представителя правящей партии, Ковалеву показалось, что люди смотрят на него с недоверием, что вот-вот из толпы раздастся звонкий голос, полный обиды и негодования, и человек попросит слова, чтобы сказать: «Мы стали хорошо жить. Наши закрома полны золотого зерна. Мы едим белый хлеб и одеваемся в добротные ткани. Наши дети учатся в школах и вузах. Вы обещали нам еще лучшую жизнь при коммунизме. Мы верили вам. Мы трудились не покладая рук. Почему же теперь вы хотите отнять у нас все это, и даже больше — хотите отнять жизнь? Почему не уберегли нас от войны?»

Ответить будет нетрудно. Но тысячи голосов не дадут ему говорить. Ковалев на мгновение закрыл глаза. В толпе кто-то сказал: «Устал, бедняга. Нелегкая у них работа».

Секретарь райкома подумал: «Сочувствуют. Хороший народ. А я раскис. Устать-то устал, но слушание радио из-за границы придется прекратить».

Он поднял руку и обвел присутствующих спокойным взглядом. В его больших серых глазах светилась уверенность и непоколебимая воля. Люди с облегчением вздохнули.

— Товарищи! — сказал он громким басом. — Сегодня на рассвете гитлеровская Германия напала на наше социалистическое отечество, кончилась мирная жизнь. Началась война. Враг жесток и неумолим. Он сбрасывает бомбы на наши мирные города и жжет деревни, не жалея ни женщин, ни детей. Гитлер задался целью завоевать наше государство и сделать всех советских людей рабами. Не бывать этому! Все, как один, встанем на защиту своей отчизны! Уничтожим наглого врага! «Русские прусских всегда бивали», — говорил Суворов. Побьем и на этот раз. Но враг вооружен до зубов, и шапками его не забросать. Граждане! Перед нами коварный враг, нарушивший святую подпись договора. Готовьтесь к упорной борьбе с этим неверным соседом! Не пощадим ни имущества, ни самой жизни для побе-

ды над врагом! Немецкий фашизм несет нашему отечеству смерть и опустошение. Отстоим свободу и независимость нашей Родины! Не дадим надругаться над святынями наших великих предков! Смерть фашизму! — Вытирая пестрым платком пот с высокого бледного лба и седых висков, уже тише добавил: — Если кто желает в мой кавалерийский добровольческий полк, то прошу заходить завтра поутру в райком. Мы еще повоюем, правда, старички? — обратился он с задорной улыбкой к бывшим красным партизанам, тесно обступившим трибуну.

— Нам не привыкать!

— Довоюем, товарищ полковник!

— Труби сбор, командир!

— Только гукни погромче: все будут на конях!

— Добре! Послушаем, что скажут молодые. Приглашай, Федор

Васильевич, желающих высказаться.

— Разрешите!

— Пожалуйста. Слово предоставляется комбайнеру Ладбалковской МТС товарищу Чурилову.

Высокий молодой человек в синем комбинезоне поднялся на трибуну и сказал:

— В прошлом году я на колхозном поле намолотил около десяти тысяч центнеров полновесного зерна. Думал, и в этом году дать столько же. Но, видать, не придется. Решил испытать я свой талант на другом поле. Советская власть научила меня управлять сложной техникой. Я знаю многие моторы. Пять лет мы с товарищем засевали и убирали колхозные поля, чтобы сделать колхозы большевистскими, а всех колхозников — зажиточными. Теперь фашистская сволочь, извините меня за выражение, хочет помешать нам в строительстве новой жизни. Хорошо же! Я и все мы, трактористы и комбайнеры, пересядем с тракторов и комбайнов на танки. Пусть только успевают господа фашисты убирать то, что мы начнем засеивать им! Пусть не жалуются тогда на нашу жестокость! Кто с мечом придет к нам, тот от меча и погибнет! Мы засеиваем их трупами их же поля. С нашей священной

земли им не вернуться живыми. Я прошу зачислить меня добровольцем в танковую часть.

— Кто еще желает выступить?

— Разрешите мне!

— Пожалуйста. Слово предоставляется звеньевой колхоза «Красный май» товарищу Андреевой.

На трибуну не спеша поднялась полная загорелая женщина средних лет. Подтянув белую косынку, сказала сурово:

— Опять война. Надоели нам эти войны. Мало корысти нам от них. Пусть бы воевали те, кому от них польза. Но делать нечего. Надо обороняться. Мой мужик уже ушел на сборный. Нам, бабам, придется работать за двоих. Мы будем работать и за троих. Нам помогут наши дети. Мы не боимся труда. Фашисты напали на нас. Они еще пожалеют об этом. Я объявляю свое звено стахановским. Пусть и другие об этом скажут. Мы будем помогать Красной армии. Мы надеемся, что советская власть не даст нас в обиду и скоро побьет врага.

После товарища Андреевой выступили другие женщины. Все они в один голос заявили о своем решении трудиться еще лучше и заменить в поле своих мужей. С пламенными патриотическими речами выступили представители комсомольских и профсоюзных организаций.

С заключительной речью выступил председатель исполкома райсовета депутатов трудящихся Федор Васильевич Потапенко, который благодарил граждан районного центра за единодушное желание дать решительный отпор зарвавшемуся врагу и во всем помогать фронту. Он призвал всех граждан, мужчин и женщин, молодых и пожилых, быть бдительными и пресекать всякие попытки врага сеять враждебные слухи и панику среди населения, дабы ослабить его волю к сопротивлению.

— Спокойствие и бдительность! Самоотверженный труд и дисциплина! Вот что требуется в этот грозный час от всех нас, — закончил свое заключительное слово председатель райисполкома.

Затем он объявил митинг закрытым.

Кто опечаленный, кто с плотно стиснутыми зубами, так, что желваки ходили по щекам, кто с блуждающей улыбочкой — возвращались по домам. Навстречу, к школе, тянулись вереницы подвод с молодежью: там уже работал призывной пункт.

Во дворе средней школы и вокруг школы былолюдно: стояли десятки грузовых автомашин, щеголеватые тонкорессорные тачанки с колхозными вензелями на спинах, линейки, бедарки и простые хода. Со всех школ района к школе подъезжали и подходили всё новые и новые группы людей. Одни из них проходили прямо в классы для регистрации, другие двигались дальше, вглубь двора, и расходились по сторонам каменной ограды под тень тополей и роскошных гляндиций, образуя небольшие группы.

Первый день войны наложил на лица людей резкий отпечаток. Нельзя было спокойно смотреть на потемневшие и осунувшиеся лица матерей: так они были сосредоточенно скорбны, строги. Они не плакали, провожая сыновей на фронт. Плакать они будут по ночам, чтобы никто не видел их слез: ведь на их плечи ложится теперь вся тяжесть по сохранению семьи — основы социалистического общества.

Пробовали крепиться и молодые, пускаясь на самые разнообразнее милые хитрости, чтобы только не выдать своего безысходного горя, разрывавшего на части их сердца. Они то смеясь рассказывали о невинных шалостях детей, то озабоченно хлопотали около дорожных вещей, то вдруг, вспомнив, бежали выпустить из сарая поросенка и приходили с подпухшими глазами и свежей пудрой на побледневших щеках.

— Представь, Ваня, каким шалуном стал наш Витя, — весело тараторила двадцатилетняя жена бригадира тракторной бригады Андрусенко Ивана Поликарповича, птичница колхоза имени Фрунзе Евдокия Петровна, или просто Дуся, пришедшая на проводы мужа в школьный двор, где работал призывной пункт. — Посадила я его на пол и говорю: «Витечка, посиди смирененько, не шали, а я быстро-быстро сбегаю к лапе». А он говорит: «Мой папа. Зими к папе». И цепляется за юбку. Приш-

лось отшлепать. Прихожу со двора, а его нет. Витя, Витя, а Витя не отзывается. Глядь, а он под столом сидит, скатерть стянул и подушкой закрылся. «Ты почему сюда забрался?» — спрашиваю я его, а он отвечает, надув губки: «Мама плохая. Я её не люблю».

Пока мать жалуется на проделки сына, мальчик взобрался на колени отца и теревит его за нос, не обращая никакого внимания на те серьезные обвинения, которые продолжают сыпаться в его адрес.

— Ты, сын, должен слушаться маму, — наставительно говорит отец, подбрасывая на руках родное существо и не сводя с него восхищенных глаз. — Маму обижать нельзя.

Толстый мальчик, растопырив пухлые ручонки и вытаращив от испуга выпуклые серые глаза, смеется, а потом, сделав серьезное лицо, шепелявит:

— Исё. Я буду слусатца маму.

Отец еще выше подбрасывает сына, потом, поцеловав в обе щеки, передает жене, сердце которой все это время замирало от счастья.

— Бери, жена, сына и береги. Да и о себе не забывай. Чай не на век расстанемся.

— Ваня, Ванюша! Пиши чаще, — только и может сказать жена, едва сдерживая подступившие рыдания.

Иван Поликарпович глубоко затягивается сигаркой и выпускает такой густой клуб сизого дыма, что на мгновение его лицо совсем закрывается дымовой завесой.

— Крепкий табачок, — заикаясь произносит Иван Поликарпович, вытирая выступившие от едкого дыма слезы.

К двум часам дня были готовы к отправке в армию две группы мобилизованных. Как только заработали моторы и мужчины двинулись к автомашинам, женщины заволновались, слышались рыдания.

— Страшно мне! Душно! — истошно кричала молодая женщина в коричневом платке, разрывая ворот и царапая до крови белую грудь.

— На кого же ты покидаешь меня, горемычную! С кем буду доживать я свой век? — причитала пожилая женщина с бледным лицом, повиснув в изнеможении на руках двух девочек-подростков.

— Мама, мама. Успокойся. Ну что ты так при всех? Ведь папа скоро вернется, — успокаивали девочки свою маму.

Высокий, плечистый, грузный кузнец Нефедов Василий, обняв свою белокурую и полногрудую жену, знатную доярку колхоза «Красный май», гудел над ухом:

— Не робей, Даша! Исполни свою работу, как и раньше, попогай Красной армии. Что там! Все равно победим супостата.

— Пули там, Вася, снаряды. Боюсь я за тебя.

— А ты не думай об этом. Верь, что буду жив, вот и останусь живым.

— Дай-то Бог!

— Ну, прощай, родная. Держись хорошо. Будет тяжело, заходи в райком. Там народ верный, помогут. О детях-то в каждом письме сообщай.

— Да уж все отпишу.

— Мне пора. По старинному, что ль, Даша?

— Давай по старинному, по русскому.

— Прощай, Даша! Не вспоминай лихом!

— Прощай, Вася! Прости и ты, в чем не угодила.

Супруги Нефедовы обнимаются и троекратно крепко целуются в губы.

Уже с километр отъехали, а Нефедов Василий все видел вздрагивающий над головой супруги белый прощальный платочек, который становился все меньше и меньше и, наконец, растаял, как снежинка.

Общее горе, беда, опасность сближают людей. Давно уже не видели такой теплоты и задушевности от своих мужей некоторые женщины, как сегодня, в час расставания. Все мужья, как один, обещали вернуться живыми, и тогда они заживут так хорошо, как еще не жили. Обласканные женщины постепенно успокаивались и, глотая слезы счастья, обещали беречь себя и ждать.

Даже девушки осмелели. Они подходили к своим парням и совали им в руки на память вышитые платочки со своими именами.

Парни пытливно всматривались в глаза любимых, желая найти ответ на мучивший их вопрос: «Будет ждать или нет?» А в голубых, серых и карих девичьих глазах светилось одно: искренняя любовь и преданность. Парни с облегчением вздыхали и, вытирая выступивший на лбу пот, требовали:

– Ты, Нюра, смотри пиши!
– Ты будешь писать, и я буду.
– Не обманывай, Катя!
– Вот еще! Сказала не забуду, значит, не забуду.
– Не очень-то, Шурка, на танцы бегай. Все равно узнаю!
– Боялась я! Сам смотри не заглядывайся по сторонам. А то я, сам знаешь, живо тебе чуб приглажу.

– Ну-ну. Ты уж и сердисься. Я ведь на всякий случай сказал.
– Я тоже.
– До свиданья, девушки! – крикнул секретарь комсомольской организации Фатеев, последним прыгнув в кузов полторки, заполненной комсомольцами-призывниками, и размахивая кепкой над головой. – Парней своих не забывайте, пишите чаще!

– Не забудем! Скорее возвратитесь с победой! – неслись со всех сторон звонкие голоса девушек. Шофер дал газ, и зеленая машина с развевающимся на ветру красным знаменем, окутавшись пылью и дымом, растаяла в знойной степи.

5. СОМНЕНИЯ

Бросив в бой огромные массы танков и тысячи самолетов, враг с ходу ломал наскоро приготовленные оборонительные рубежи советских войск и продолжал быстро продвигаться вперед. Красная армия отступала вглубь страны, в оборонительных боях нанося противнику серьезные потери в живой силе и технике.

В Красную армию уходили все новые и новые контингенты мобилизованных. В селе почти не осталось молодых и здоро-

вых мужчин. И в колхозе, и в МТС, и в школе на место ушедших в армию мужчин становились женщины. И рано утром, и в обеденный перерыв, и поздним вечером люди собирались у репродукторов, чтобы послушать новую сводку Совинформбюро или обзор печати.

Был обеденный перерыв. Рабочие Ладбалковской МТС, прослушав очередную сводку, обменивались мнениями о дальнейшем ходе войны и сроках её окончания.

- Эх, и набьют же ему!
- Более двух месяцев не протянет.
- Первая мировая четыре года протянула.
- Сравнил! Техника не та.
- Что дубьем, что рублем – одна честь.
- Ну, нет! Танки, самолеты, минометы – это тебе не трехлинейная. С винтовкой теперь и не сунешься.
- Без винтовки тоже ничего не сделаешь.
- Люди воюют, а не танки и самолеты. Люди воюют – люди и концы сводить будут.
- Кадры решают все. Забыл?
- Да ведь то в хозяйстве.
- Не только в хозяйстве, везде.
- К праздничку, наверно, готовят наши сюрприз.
- До праздничка в живых никого не останется.
- Дай бог к новому году управиться.

Проходили недели и месяцы, враг наступал, Красная армия отступала. Народ роптал, все чаще и чаще стали говорить об измене и предательстве некоторых генералов Красной армии, поползли слухи о непобедимости немецкой армии, об изобилии и дешевизне немецких товаров.

Получив отсрочку по брони, я по-прежнему занимался своим мирным трудом. Хоть и не с таким пафосом, как раньше, но все же уроки шли нормально. Интерес к химии у учащихся старших классов даже поднялся: они стали учиться только на пятёрки и четвёрки. Кружки по изучению противовоздушной и химической обороны не могли охватить всех желающих.

Я сбился с ног, желая поспеть на все занятия и собрания кружков. Принятие норм отнимало так много времени, что его не хватало на подготовку к урокам.

Я любил радио. Целыми часами был готов сидеть около репродуктора, внимательно выслушивая всю программу московских передач, репликами выражая свое одобрение или неудовольствие.

От голоса диктора Левитана я был в восторге. «Ну и голосок! — восхищался я, слушая приказ Главнокомандующего, передаваемый Левитаном. — Лев, а не человек. Архангел московский». А ясный и чистый голос московского диктора гудит и гудит, как медный колокол, как набат, разнося по всей необъятной стране мудрые слова Сталина, призывающего народ к упорному сопротивлению.

Вечером 6 ноября 1941 года я решил никуда не ходить, побыть дома. Усевшись в мягкое кресло, стал читать газету, ожидая начала радиопередач и нетерпеливо посматривая на часы, которые плавно и мягко отбивали серебряные секунды: «Тик-так, тик-так...»

Тихо в комнате. Евдокия Петровна на кухне управляется, дети с бабушкой в гости к соседям ушли и еще не возвратились. А часы тикают да тикают, навевая сладкую дрему. Положив голову на спинку кресла и закрыв глаза, слушаю мерное позвякивание пружины больших стенных часов. И вдруг раздается волшебное слово: «Сталин!» Я открываю глаза. Радиопередача уже началась, на заседании Московского совета депутатов трудящихся Верховный главнокомандующий Иосиф Виссарионович Сталин, подводя итоги хода войны за четыре месяца, говорит:

— Я уже говорил в одном из своих выступлений в начале войны, что война создала опасную угрозу для нашей страны, что над нашей страной нависла серьезная опасность, что нужно понять, осознать эту опасность и перестроить всю нашу работу на военный лад. Теперь в итоге четырех месяцев войны я должен подчеркнуть, что эта опасность не только не ослабла, а, наоборот, еще более усилилась. Враг захватил большую часть

Украины, Белоруссию, Молдавию, Литву, Латвию, Эстонию, ряд других областей, забрался на Донбасс, навис черной тучей над Ленинградом, угрожает нашей славной столице — Москве, немецко-фашистские захватчики грабят нашу страну, разрушают созданные трудами рабочих, крестьян и интеллигенции города и села. Гитлеровские орды убивают и насилюют мирных жителей нашей страны, не щадя женщин, детей, стариков...

Речь вождя произвела на меня потрясающее впечатление. И когда товарищ Сталин бросил грозный клич: «Никакой пощады немецким оккупантам! Смерть немецким оккупантам!», я встал и, задыхаясь от волнения, повторил страстным шёпотом: «Смерть немецким оккупантам!»

После долгих и мучительных колебаний у меня созрело, наконец, решение, которое принесло успокоение совести: добровольно идти на фронт. Не желая расстраивать жену на ночь, я отложил сообщение о принятом решении до утра. Сославшись на головную боль, я раньше обычного лег в постель и вскоре крепко уснул.

Ночь пролетела быстро, как ласточка над головой. Проснувшись, я вскочил с постели и стал поспешно одеваться. Хотя было еще очень рано, но Евдокии Петровны уже не было: она ушла на базар, чтобы купить для семьи молоко и другие продукты питания.

Все шло так, как хотелось: никто не видел моего приготовления. Вот и вещи уложены в серый парусиновый рюкзак: пара белья, полотенце, носки, бритвенный прибор, зеркало, мыло, зубная щетка и зубной порошок, иголка и катушка ниток, пакет с солью, ломоть хлеба, кусок колбасы, два десятка сухарей, кусок сахара, алюминиевая кружка, складной нож, стеариновая свеча, общая тетрадь, простой и химический карандаши, несколько конвертов, несколько листов писчей бумаги.

Подошел к кроваткам, в которых спали дочери: Эмма (5 лет) и Вера (3 года) и наклонился над ними. Смугленькое личико Веры было спокойно. Она ровно дышала, длинные черные ресницы звездочками мерцали над пухленькими щечками, Эмма, нао-

борот, всхлипывала и вздыхала. Сквозь тонкую розовую кожу век ясно просвечивали и слегка пульсировали голубые жилки. Шапка волнистых золотистых волос мягко обрамляла розовое, нежное, худенькое личико. Чем больше смотрел я на обоих детей, тем большая жалость охватывала меня. «Милые, родные крошки, что будет с вами, как я уйду и не вернусь?» — думал я. Сердце разрывалось от жалости к детям и тяжести предстоящего расставания.

За этими гнетущими мыслями и застала меня у детских кроваток Евдокия Петровна.

— Ты куда так рано собрался? — спросила она, вперив в меня черные, как угли, и прекрасные, как сама любовь, глаза. — Ты что-то задумал, Николай. Ничего не скрывай от нас. Ты видишь, как я страдаю за тебя, — тише добавила она, и голос её дрожал.

Я заколебался: «Идти сейчас или подождать? Но чего ждать? Ведь ни завтра, ни послезавтра я не стану меньше любить её. Что же делать?»

— Успокойся, Дуся, — ласково сказал я. — Сегодня я никуда не пойду. Пойдем, милая, в другую комнату, я хочу посоветоваться с тобой, как нам быть... Тс-с-с, мама, — предостерегающе поднес я палец к губам. — Посмотри сюда, — шепотом позвал я жену.

Она обернулась к кроваткам. В её глазах светилась безграничная материнская нежность.

— Чмокают... А та ручки протянула. Ищет тебя. Дети... — добавил я в волнении и, осторожно наклонив к себе милую головку супруги, с нежностью поцеловал.

Комната, в которую мы вошли, была небольшой, но очень светлой. Стены и потолок были белы, как только что выпавший снег. Потолок был украшен выпуклым кругом, на котором резвились крылатые амурчики, и небольшой хрустальной люстрой, фамильной гордостью жены: это было единственное украшение дома. Люстра зажигалась только по большим праздникам: на Рождество и на Пасху — по желанию бабушки; в дни Октябрьской революции и под Новый год — по традиции, установившейся у нас, молодых.

У передней стены стояло большое зеркало-трюмо, у левой стены – коричневый комод, у правой – зеленый плюшевый диван. Комод украшали две голубые вазы с живыми цветами и четыре фотокарточки: двух отцов и двух матерей. Стульев было не более восьми: мы не любили шумных компаний.

На переднем плане в массивной золоченой раме висела большая цветная картина «Ленин и Сталин». Другие стены были украшены репродукциями картин великих русских художников. Здесь были «Богатыри» В. М. Васнецова, «Запорожцы» И. Е. Репина, «Девушка, освещенная солнцем» В. А. Серова и некоторые другие.

Большой фикус, две пальмы и лимонное дерево придавали комнате вид крошечного южного санатория. Коричневый раскладной стол, накрытый белой льняной скатертью, стоял посередине комнаты. Он был почти пуст: на нем стояла большая керосиновая лампа с зеленым абажуром и стопка ученических тетрадей. Сквозь стекла книжного шкафа были видны стройные ряды томов полных собраний сочинений Ленина и Сталина и золотом отливали корешки «Жизнь животных» по Брему.

Длинные ажурные занавески пропускали в комнату мягкий дневной свет. На свежеразкрашенном полу играли светлые зайчики.

Воздух в комнате был чистый и свежий. Войдя в зал, мы подошли к дивану.

- Садись, Дуся, нам нужно обсудить серьезный вопрос.
- Садись и ты.
- Дуся, выслушай меня внимательно.
- Я слушаю.
- Мне нельзя быть дома, когда...
- Я это знаю.
- Мне нужно идти на фронт.
- А дети? Ты подумал о них? Меньше бы газет читал да у радио сидел! Что я буду делать с ними одна? Куда денусь, если придут немцы? Ты подумал об этом? – Щеки Евдокии Пет-

ровны пылали от гнева, а из глаз струились женская мука и большая человеческая боль.

— Да, я думал об этом, — подавленно ответил я. — Но иначе нельзя, если все мы будем думать только о своей личной опасности, то немцы действительно будут здесь, надо идти к ним навстречу, надо задержать их.

— Помоложе тебя есть.

— Нельзя так рассуждать, Дуся. Эта война слишком большая, чтобы кто-либо из мужчин мог остаться дома. Борьба с немецкими фашистами требует от нас напряжения всех наших сил.

— Не агитируй, Николай, пожалуйста. И так тошно.

— Я не агитирую. Я разъясняю.

— А разве я сама не понимаю? Ты понимаешь только головой, а я... и головой, и сердцем.

— Прости, Дуся. Я не хотел обидеть тебя, но как же быть? Ведь фашисты мучают и убивают даже детей. Ты слышала выступление товарища Сталина?

— О Господи! Всё понимаю я, всё! Да ведь мать я! Мать! Можешь ты понять это? — в отчаянии крикнула Евдокия Петровна и заплакала. Я прижал жену к груди и стал нежно гладить прелестную головку с небольшими черными косами.

— Коля, останься еще на неделю, — сказала она, немного успокоившись.

— Хорошо, милая, останусь.

— Мне тебя не удержать. Я уже все обдумала. Тебе надо быть там, где сражаются. А может быть, и война скоро кончится... — мечтательно посмотрела она вдаль.

— Я не ошибся в тебе, Дуся. Ты — настоящая русская женщина.

— Хорош и ты, вояка! А сам, наверно, и стрелять не умеет! — оживилась Евдокия Петровна.

— Сумею не хуже других. Разве ты не знаешь, что я «ворошиловский стрелок?»

— Слыхала.

«Кажется, все уладилось», — с облегчением подумал я.

– Пойдем, мама, еще раз взглянем на дочурок. Может, они уже проснулись, – подавая руку жене, сказал я.

– А ты разве соскучился по ним?

– Соскучился.

– Не верю. Вы, отцы, не больно-то скучаете по детям. Мне кажется, что, кроме газет да собраний, вы ничего и никого не любите.

– Неправда. Мужчины так же сильно любят детей, как и женщины. Только они не так открыто выражают свои чувства.

В спальне нашему взору предстала не совсем обычная картина. Эмма стояла на коврике и тянула с Веры одеяло, а та не давала и отбивалась ножками.

– Ты почему на полу? – нарочно сердито спросила мать.

Девочка молодым котенком юркнула под одеяло.

– Мы уже не спим, – сказала Эмма.

– Вижу, что не спите. А почему балуетесь?

– Мы не балуемся. Мы играем, – пропищал голосок младшей, осторожно выглянувшей из-под одеяла и готовой в любую секунду спрятаться под его защиту.

– Вот я вас! – громко сказала мать, весело мигнув отцу. – Я вас сейчас обеих на мороз! – угрожающе шагнула она к кровати.

На кровати раздался испуганно-веселый писк, и кудрявые головки скрылись под толстым ватным одеялом. С минуту оттуда доносился приглушенный шепот, а потом прекратился, и на белых подушках опять появились две детские головки.

– Теперь, дети, пора вставать. Одевайтесь и идите умываться. Папа, ты сможешь Вере одеться? Она не может одеваться, – обратилась мать к отцу.

– Могу! Могу! Сама оденусь! – запротестовала Вера.

– Она умеет одевать чулки. Я её научила, – заступилась за сестру Эмма.

– Хорошо. Одевайтесь сами. А мы с папой приготовим вам завтрак.

Мы вышли из спальни и занялись каждый своим делом: мать – готовить завтрак, отец – рубить дрова.

Когда завтрак был готов, все собрались за общим столом.

Была подана молочная рисовая каша, которую все очень любили.

Потом на столе появился пузатый медный самовар, который по привычке урчал и весело насвистывал, приводя детей в неописуемый восторг.

– Шиш! Смотри, он опять поет, – протягивала руку Эмма. – А теперь сердится. Ой, как страшно шипит! – делала страшные глаза девочка.

– Убери ручку, Эмма. Он на тебя шипит, укусит.

– А разве самовар кусается? – серьезно спросила Вера.

– Кто балуется за столом, того кусает.

– Неправда. Он неживой. Он только горячий, – возразила Эмма.

– Конечно, неживой. Но его нельзя трогать, он очень горячий. Если его тронуть, то будет больно. Можно ожечь руку, – наставительно сказала мать.

– Я не буду его трогать, – сказала Эмма.

– И я не буду, – сказала Вера. – Горячих трогать нельзя, – сказала она, помолчав.

– А холодных можно трогать? – спросила Эмма.

– Можно. Только не очень холодных, – отозвалась Вера.

– А лёд?

– Лёд нельзя.

– Эмма, перестань разговаривать. Пей чай сама и не мешай Вере, – сделала замечание мать.

– Хорошо. Я замолчала, – сказала Эмма.

– И я замолчала, – эхом отозвалась Вера.

Но молчанье длилось недолго. Разве можно молчать, когда за столом все вместе: и папа, и мама, а на столе такой смешной самовар? Но это не все. На столе есть липкая, как замазка, халва, разноцветные, как пуговицы в сельпо, леденцы, пушистый белый хлеб, вазочка с маслом, которое заставляют есть, хотя и не хочется. Нет, как ни говори, а за чаем очень весело.

– Эмма, посмотри сюда. Ой, какой смешной! Какие у него длинные глаза! – теребила Эмму Вера, показывая пальцем на блестящий самовар.

– Это папа, – догадалась Эмма.

– Пейте чай, дети, пока он не остыл, – сказала мать.

– А мы уже не хотим, – ответила Эмма.

– Тогда я буду убирать со стола.

– Хорошо. Мы сейчас допьем, – сказала Эмма и стала поспешно допивать из блюдца холодный чай. Вера поступила так же.

– Папа, займись дочурками, а я уберу со стола.

– Дети, хотите послушать про трех свинок и злого волка? – обратился я к детям.

– Хотим! Хотим! – ответили девочки.

– Пойдемте в другую комнату.

Дети стремглав бросились вперед и, тесня друг друга, одновременно протиснулись через дверь в другую комнату. Каждой непременно первой хотелось взобраться на диван и оттуда уже слушать любимые пластинки: «Летят утки», «Старик», «Три свинки и злой волк». Лай собак, пение петухов, хрюканье поросят – эти живые звуки приводили детей в восторг. При всем этом дети слушали музыку невнимательно, разговаривали и шалили. Они не умели еще слушать.

От патефона перешли к куклам. В куклы девочки играли целыми днями и с большим увлечением. Эмма умела не только играть в куклы, но и мастерски шить. У девочек имелось около 20 кукол и каждая кукла имела, конечно, свое имя. Папа тоже был вовлечен в игру с куклами. Делая дельные замечания по поводу костюмов и убранства их комнат, он заслужил у девочек бесспорное уважение как большой знаток жизни кукольного царства...

Так как Евдокия Петровна работала во второй смене, то домой она приходила уже с наступлением темноты. Уходя в школу, наказывала Эмме не шалить, не обижать Веру и не зажигать лампу. Эмма точно выполняла наказ. К приходу матери дети

обыкновенно сидели на диване и тихо разговаривали. Иногда заставляла их спящими. Обнявшись и тесно прижавшись друг к другу, они крепко спали. Всматриваясь в лица спящих детей, мать замечала застывшие на их ресницах слезы. Это означало, что с наступлением темноты им сделалось жутко, может быть, потому, что в углу скребла мышь или скрипела ставня на ветру. В это страшное время хотелось, чтобы скорее пришла мама, но она не приходила, и девочки начинали тихо плакать. Так и засыпали они со слезами на глазах, обнявшись и успокаивая друг друга.

Эмму мама называла Командиром. Хотя ей было всего пять лет, но она требовала от Веры полного подчинения, и та во всем подчинялась ей. Иногда мама спросит Веру после какого-нибудь самовольного действия: «Вера, ты почему так сделала? Ведь я же говорила, что этого делать нельзя». — «Мне Эмма разрешила», — спокойно ответила Вера. «Если Эмма разрешила, тогда другое дело, тогда можно, — сдерживая улыбку, скажет мама. И Вера была глубоко уверена, что всё, что делает Эмма, все это так и должно быть, потому что Эмма сама умеет шить куклы и рассказывать о них интересные сказки. Если Вере захочется есть, Эмма принесет пирожочек и напоит водичкой. Когда мама уходит, то все распоряжения отдает только Эмме. Ведь Эмма старшая. Папа бывал дома редко. Утром уходил очень рано, когда дети еще спали, а вечером возвращался очень поздно, когда дети уже спали. Когда он бывал дома, то для детей был настоящий праздник: катал на спине Веру, подбрасывал девочек над головой так высоко, что дух захватывало. Игры превращались в такую беготню, что Евдокия Петровна не выдерживала и, обозвав «бурей», высылала всех на улицу.

И на улице было много интересного. Летом папа делал для детей из камыша пароходики и лодочки, которые прекрасно держались на воде. Купанье в речке нельзя было ни с чем сравнить: лучше ничего не бывает.

6. ПОБЕДИ СЕБЯ!

Прошел еще месяц. Наступил декабрь. Выпал глубокий снег. Начались сильные морозы. А я был еще дома и продолжал мучиться сомнениями: идти на фронт добровольно или ждать мобилизации?

«Если пойти добровольно, — размышлял я, — значит по собственной воле обречь семью на серьезные материальные лишения и поставить под угрозу жизнь отца. Кроме того, не расценят ли родственники и сослуживцы этот поступок как карьеризм и заискивание перед властями? Это — с одной стороны. В то время как другие мужчины истекали кровью на передовой, отстаивая от наседающих фашистов каждый метр советской земли, я шестой месяц сижу дома в тепле, уюте и вне всякой опасности. Не похоже ли это на то, что я, имея бронь, скрываюсь от фронта? Это — с другой стороны. Что делать?»

Немецко-фашистские орды продолжали наступать. Они стали наглыми и самоуверенными. Они уверены в победе. От последней мысли мне становится не по себе.

«Фашисты победят Советский Союз? Немцы победят Россию? Немцы поработят русский народ? Фашистские выродки будут глумиться над советскими женщинами и детьми? Нет! Не бывать этому», — вихрем проносится в голове.

Дух возмущения, дух обиды за оскорбленную честь социалистического Отечества, животворный патриотизм, таившийся в тайниках души советского человека, вдруг вспыхивает неугасимым пламенем и больше уже не потухает. «Как мог я раньше не понимать этого? Ведь это так ясно, — думаю я, откладывая в сторону газету, которую только что читал. — Родина-мать зовет!» — мысленно повторяю я призывные слова газеты, направляясь к жене.

Сообщение мужа о том, что он направляется на фронт (я был уверен, что меня тотчас же отправят на передовую), Евдокия Петровна встретила внешне спокойно. С тех пор как началась война, она столько пережила и передумала, столько проли-

ла слез от своего и чужого горя, что в решительную минуту у неё не хватило сил на то, чтобы выразить свое горе. Она только бес- сильно опустила на стул и тихо сказала:

- Коля, возьми что-нибудь на память.
- Что же мне взять, милая?
- Возьми фотокарточки детей.
- А твою?
- Мою не надо.
- Почему, Дуся?
- Ведь дети – это такое невинное и чистое. Я не такая.
- Неправда! Ты верная супруга и любящая мать. Ты неутомимая труженица.

– Я часто ссорилась с тобой. Я была несправедлива к тебе, и мне больно теперь за это, – говорит Евдокия Петровна дрожащим голосом и, не выдержав, заливается слезами.

Пусть поплачет. Слезы облегчают горе. Хуже, когда человек переносит горе молча. Невыплаканное горе глубоко въедается в сердце и начинает медленно подтачивать его. Человек сидит, увядает. Поплакав, человек успокаивается. У него появляется надежда. Вера в конечную победу правды и справедливости окрыляет человека. Он начинает искать практические пути преодоления горя и обычно находит их. Человек, потерявший веру в лучшее, – живой труп.

Пока жена плакала, я молча гладил её милую головку, прижав к груди.

– Зачем ты это говоришь, Дуся? – после длинной паузы говорю я. – Об этом даже думать сейчас не нужно. Ссорились. Экая беда! Ссорились да мирились. А кто не ссорится? Одни мертвые. Живые обязательно ссорятся. Милые бранятся – только тешатся. Есть на свете такие забияки, что даже дерутся.

– Ты скажешь! Представляю: Коля... дерется, – улыбается жена.

– Тебе смешно, а ведь драчливые Вани действительно бывают.

- Возможно.

– Вот и помирились мы с тобой, милая женушка.
– Сейчас женушка, а как уедешь, так и забудешь эту женушку.

– Нет, не забуду. Издалека еще милее будешь.

– Другая встретится.

– Другая – чужая.

– Породнитесь! Вам это недолго.

– А дети?

– Что дети? Дети в любви не помеха.

– Вот именно. Дети – источник настоящей любви. Они цемент и радость супружеской жизни.

Разговор о ссоре и любви несколько рассеял напряжение, которое всегда возникает в последние минуты перед прощанием.

– Ну, родная, мне пора, – стараясь придать голосу спокойный тон, говорю я.

– Да, пора. У тебя все готово? Дети, подойдите сюда. Присядьте и помолчим по старому обычаю.

Все сели.

– Теперь пора. Прощайтесь, дети. Папа надолго уезжает.

Дети потупили глаза. Они стоят по обе стороны матери, чуть впереди, присмирившие и подавленные, не понимая происходящего, но чувствуя, что происходит что-то важное. Мать бледна, как осенний рассвет, и ничего не видит перед собой: её глаза полны слез. Первой опомнилась Эмма. Она сделала два шага вперед и прижалась к моим коленям.

– Мама, – сказала она звонким голосом, – ты не плачь! Папа скоро вернется. Как побьет всех фашистов, так и вернется. Папа, ты скоро вернешься к нам? – подняла она на меня свои голубые, как южное небо, глаза.

– Скоро, Эммуся, скоро! Я буду писать вам письма.

– Ты бы сказал нам, отец, что-нибудь на прощанье. Мы потом будем вспоминать эти твои слова, – просит жена.

– Дуся, ты говоришь так, как будто не рассчитываете больше увидеть меня. Разве ты не веришь, что я вернусь?

– Постараюсь верить.

— Вот и хорошо. Верь. Это и будет моим последним словом. Верь и жди. Верь в нашу победу и помогай ей чем сможешь. Немцам не верь. А ты, дочурка, — обращаюсь я к старшей дочери, подняв ее на руки, — будь здорова, расти большая, слушайся маму, не обижай сестричку. Ты понимаешь меня, Эмма?

— Понимаю. Я буду слушаться маму, — отвечает Эмма.

Я целую её в золотистую головку и опускаю на пол.

Очередь доходит до младшей. Положив на руки и целуя в пухлые щечки и носик, я приговариваю:

— И ты, крошка, будь здорова и весела. Играй себе в куклы. К моему приезду ты должна уметь шить куклам платья, люби маму.

— Я всех люблю: и маму, и папу, и Эмму, — лепечет Вера и соскальзывает с моих рук.

— Я тоже всех вас люблю: и маму, и дочурок.

Я подхожу к жене и молча обнимаю. Осторожно откинув назад милую головку, внимательно смотрю в её карие глаза и шепчу, страстно прильнув к губам: «Милая, милая... родная, ненаглядная. Береги себя». А она в ответ только дрожит вся, как молодая березка от весеннего ветерка...

— До свидания, Дуся! — громко произношу я, направляясь к выходу.

— До свиданья, родной! — отвечает жена.

Жена с детьми следует за мной. На улице холодно. Идет снег.

Я в ушанке и с вещевым мешком за спиной поспешно удаляюсь от жены с детьми, стоящими у ворот, и скоро совсем скрываюсь в снежной мгле.

7. НАЧАЛО БОЕВОГО ПУТИ

«Подъё-ё-ём!» — раздаётся истошный голос над самым ухом, как кажется спящим.

«Под-ни-ма-а-й-йсь!» — более весело повторяется сигнал, и всё приходит в движение. На многочисленных полках двух-

этажных нар казармы зашевелилась солома, затрещал ломающийся камыш, и над всем этим появились сотни стриженных голов.

Опасливо посматривая на дверь, молодые бойцы торопливо наматывают обмотки. Все их усилия сосредоточены на том, чтобы успеть обуться, правильно намотать обмотки. Но это не всем одинаково легко дается. Несколько «новеньких», в том числе и я, из сил выбиваются над солдатской хитрой обувью-обмотками, пот градом катит по лицам, застилает глаза, щекочет спину, а они виснут непокорной бахромой, издеваясь над неумельцами. Наконец, черные ленты ровными концами ложатся вокруг голени. «Готово!» – раздается радостное восклицание отставших от товарищей бойцов.

В то же время открывается наружная дверь, и вместе с холодным туманом в казарму врывается сердитая команда: «Выходи строиться!» Через несколько секунд другая: «Быстро!» Потом третья: «Бегом!»

Поеживаясь от мороза, вздрагивая от внутреннего холодка раннего зимнего утра, бойцы жмутся во дворе друг к другу.

«Становись! Равняйся! Смирно! Шагом марш!» – командует властный голос, и рота заколыхалась по улице. «Запевай!» – приказывает та же голова. Правофланговый, высокий и стройный боец, приподнимает голову и высоким мягким баритоном запекает «Тридцатую». Две сотни сильных голосов дружно подхватывают припев, и песня поплыла над головами, как вольная птица, о которой с такой теплотой говорится в песне. На душе у новичков отлегает, уже не такой страшной представляется новая военная жизнь. Бойцы любили песни, но по-разному: молодым нравились четкие, отрывистые песни, такие, под которые легче шагать; бывалым нравились песни лирические, грустные, такие, которые проникают в самую душу, рождая воспоминания о мирной сельской жизни, о золотом поле, где необъятным океаном волнуются обильные хлеба, о бескрайней вольной степи, которая сама поет и звенит на все лады, навевая мир и дремоту, о родном доме, о семье, о жене, по которой так истосковалось мужское сердце...

Песню о 30-й дивизии, о вольной птице, плывущей в небе голубом, любили все: и старые, и молодые.

«Кони сытые бьют копытами» была любимой песней молодых бойцов.

С песней время идет незаметно. Вскоре учебная рота входит во двор батальонной кухни и размещается за длинными дощатыми столами, протянувшимися вдоль стен огромной столовой.

— Садись! — раздается команда старшины, и бойцы занимают свои места. Дымящаяся пшенная каша, сдобренная маслом, конечно, очень вкусна.

— Отродясь такой не кушал, — уплетая за обе щеки раскаленную кашу, восхищенно говорит молодой боец своему соседу.

— Да ты давно ли в армии? — негромко спрашивает сосед.

— К вам вчера пригнали. Да в дороге пять суток были, — словоохотливо отвечает новичок.

— Ого, стало быть, седьмые сутки. С тебя магарыч, браток!

— Не разговаривать! — оглушительно приказывает старшина, резко повернувшись в сторону беседующих. — Кто там такой разговорчивый? — обводит он бесцветными глазами ряды притихших бойцов. — В столовой разговаривать не положено, — добавляет он более спокойно и направляется к выходу. — Встать! — командует он, посмотрев на часы. — Выходи строиться!

Стуча коваными ботинками по цементированному полу и на ходу засовывая алюминиевые ложки за обмотку, бойцы поспешно выходят во двор и строятся повзводно.

При выходе на улицу старшина подает команду запевать, но петь никому не хочется. Запевала начал было «Красного разведчика», но его никто не поддержал. «Запевай!» — повторяет команду старшина. Рота молчит. «Р-рота, слушай мою команду! Бего-о-о-ом марш!» — хлестнул он воздух жесткой командой и побежал вперед.

Рота бросилась за ним. «Шире шаг! — командует на бегу старшина. Бойцы ускорили бег. «Еще шире! — продолжает старшина. «Не отставать!» — покрикивает он на бегущих, легко бросая вперед свое огромное тело.

Когда рота пробежала метров двести, старшина отскочил в сторону и, пропустив мимо себя первый взвод, скомандовал роте перейти на шаг. Дальше до самой казармы шли молча. Старшина размашисто и спокойно шагал с левой стороны роты, как будто ничего не случилось. Кадровые бойцы тоже были невозмутимо спокойны, но новички недоумевали: почему старшине вдруг захотелось бежать?

За несколько десятков метров до ворот старшина скомандовал: «Строевым!», и рота вошла во двор, чеканя шаг, подтянутая и стройная. Повернув роту фронтом к зданию и подав команду «смирно», старшина резко повернулся крутом через левое плечо, сделал несколько строевых шагов вперед и, щелкнув каблуками щегольских сапог, отпраповал командиру роты, вышедшему из штаба:

— Товарищ старший лейтенант, 6-я стрелковая рота прибыла с завтрака!

— Здравствуйте, товарищи бойцы! — весело здоровается старший лейтенант с ротой.

— Здравствуйте! — в один голос отвечают бойцы.

— Вольно! — командует командир роты.

— Вольно! — повторяет старшина, улыбаясь бойцам одними глазами. — Прикажете распустить?

— Перерыв 10 минут. Оправиться. Приготовиться к занятиям.

— Разойдись! — командует старшина, и бойцы рассыпаются по двору.

Ровно через 10 минут началось построение.

— Первый взвод, становись!

— Второй взвод, становись!

— Третий взвод, становись! — раздаются разноголосо одинаковые команды, и бойцы бегом бросаются на свои места.

— Равняйся! — раздается команда в первом взводе.

— Равняйся! — повторяется такая же команда во втором взводе.

— Равняйся! — эхом отзывается команда в третьем взводе.

— Отставить! — доносится из первого взвода.

– Смирно! – вспыхивает отрывистая команда во втором взводе.

– Рота, слушай мою команду!.. Сми-и-ир-р-но! – раздаётся протяжная и какая-то жуткая, напоминающая сирену команда командира роты. На мгновение становится тихо, как в опустевшем концертном зале: ни шороха, ни вдоха. Казалось, бойцы перестали дышать. – Нале-е-ево! Ша-а-агом марш! – гремит властная команда, и рота приходит в движение.

Шли походной колонной: впереди командир роты с младшим политруком, за ним взводы с младшими лейтенантами во главе.

Шли с песнями. Часто повторяли «Красного разведчика». За городом старший лейтенант приказывает:

– Отставить песню.

Песня обрывается. Некоторое время рота идет молча.

– Рота-а-а, стой! – раздаётся новая команда. Рота останавливается. – Вольно! Малый привал. Разойдись! – весело кричит командир роты. Бойцы с шутками бросаются в стороны.

– Заку-уривай! – подражая старшине, выпучив глаза, во всю глотку гаркает боец первого взвода Матвиенко. От неожиданности некоторые вздрогнули, но тут же рассмеялись, поняв свою ошибку.

– Страсть люблю перекур с дремотой, – с серьезным видом добавляет Матвиенко, сладко потягиваясь.

– А по-пластунски любишь? – спрашивает его боец с монгольскими чертами лица.

– Я по-венски люблю. По-польски уважаю, – сделав серьезный вид, отвечает Матвиенко.

– Ишь, чего захотел!

– А биточков в сметане не желаете?

– Губа не дура! – раздаются голоса со всех сторон.

– Эг-е-е! – обрадованно восклицает Матвиенко. – Дураки у нас, сам знаешь, давно перевелись.

– А где же они остались? – спрашивает кто-то из толпы.

– В Берлине ишо их много!..

После короткого перерыва взвода были отведены на отдельные участки, и строевая подготовка началась. Около 6 часов, с короткими перерывами, шагали, бегали, поворачивали налево, направо и кругом, строились и перестраивались, учились приветствовать бойцы.

Хотя стояла зима и в поле лежал снег, но асфальтированная дорога южного города была только влажной, и заниматься на ней было очень удобно. Все же к концу занятий спины стали мокрыми, а по лицам бойцов заструился пот. Обучение курсантов в учебном батальоне шло ускоренными темпами.

Я относился к строевым занятиям очень серьезно. Мне во что бы то ни стало хотелось сегодня же научиться строевому шагу, правильным поворотам, приветствиям и прочим премудростям строя. Мне хотелось вернуться в казарму «кадровым». Самому себе было стыдно признаться в том, что так беспечно относился к этому важному делу раньше и теперь, в грозные годы войны, явился в армию необученным. Надо было немедленно наверстать упущенное. И я наверстывал. Без усталости ходил «строевым», делал повороты на месте и на ходу, учился приветствовать и отдавать рапорт, маршировать в строю отделения, командовать отделением, украдкой заглядывая в строевой устав. От усталости едва держался на ногах, но упорно продолжал добиваться поставленной цели. В короткие перерывы, пряча от товарищей усталость, рассказывал им короткие шуточные рассказы, чаще про находчивость суворовских солдат, которые бойцам очень нравились.

— Выносливый. Позеленел весь, а сам шуткует, — замечает пожилой боец.

— Вот тебе интеллигентия, — с оттенком удивления вставляет боец Шинкаренко. — Не хуже нашего брата, колхозника, оказывается.

— Не хуже, — отзывается его молчаливый сосед.

Но выносливость эта была кажущейся. На самом деле я чувствовал себя очень плохо: кружилась голова, тошнило, дрожали ноги. «Неужели не выдержу?» — с тревогой подумал я, отой-

дя в сторону, и на душе стало тоскливо, как при виде умирающего друга. Но служба в армии тем и хороша, что она не оставляет человеку времени для копания в его душе, не дает возможности много думать о себе, а толкает его ко все новым и новым действиям, направленным к достижению большой общей цели.

Не успел я окончательно решить вопрос о том, выдержу я или не выдержу, как раздалась команда на построение. Лица бойцов разом просветлели. Весело переключаясь друг с другом, они бегом устремились к сборному пункту. И когда вторично раздалась завывающая команда командира роты, то она уже не казалась больше жуткой. Наоборот, она была принята бойцами с нескрываемой радостью и той внутренней гордостью, которую всегда испытывают советские войны, слушая грозный голос своего командира.

Домой возвращались с песнями. Пели так дружно и весело, что командир подумал про себя: «Эх, как дерут. Не знал, что у меня в роте такие голоса есть. Надо отметить».

Смотря на бодро шагающие с песнями подразделения, нельзя было предполагать, что всего несколько минут назад эти же солдаты валились с ног от усталости и совсем не были похожи на проходивших молодцов. Расстояние в три километра было пройдено совершенно незаметно. Во двор вошли, чеканя шаг. Повернув роту фронтом к казарме, командир роты скомандовал «смирно». Богом, взяв «под козырек», скомандовал зычным голосом:

— Благодарю за хорошую песню!

— Служим Советскому Союзу! — дружно ответили бойцы.

Обед был обыкновенный: жирные зеленые щи и гречневая каша с мясом. О качестве приготовленного обеда много говорить не приходится: Митрофаныч был искуснейшим кулинаром в полку. Две сотни бойцов так дружно дули на алюминиевые и оловянные ложки, по-детски оттопыривая губы, хлебная душистая каша, их потные лица таким блаженством светились, когда они уплетали за обе щеки хорошо упаренную кашу, что повар не смог больше скрывать своей человеческой радости и, по-

правив на голове белый колпак и захватив на всякий случай огромный разводящий, вышел в столовую, где обедали бойцы. Подойдя к ближайшему соседу, спросил, добродушно улыбаясь полными губами:

– Как нынче каша, братцы? Хорошо ли упарилась?

– Благодарствуй, отец, каша твоя нынче отменно хороша, – ответил за всех степенный боец Караулов.

– Каша что надо, – добавил молодой сосед.

– Щи-то, щи – за бороду не оттянешь! – восхищенно отозвался со второго стола боец Матвиенко, весело подмигнув товарищам.

– Што ж, кушайте на здоровье. А у меня и добавочек есть. Кому мало будет – приходите, – добродушно сказал повар и пошел к себе, большой и пухлый, довольный, что угодил бойцам. От столов отделилось несколько человек и направилось к окошку кухни, в котором уже виднелась круглая голова повара.

– А ну, зачерпни, отец, погуще, похлебаем твоих щец ишо, – обратился к повару высокий жилистый боец, подставляя бачок.

– Получай каленых. Щи для солдата – первая пища – одобрительно ответил Митрофаньч, переворачивая в бачок огромный кош густых щей.

– Хороши щи, но каша лучше. Положи-ка, отец, на компанию парочку, – весело подмигивает повару приземистый и плотный боец, протягивая миску.

– На вкус и цвет товарищей нет. Ваше дело – каша. Забирай румяную, – отвечает повар, опрокидывая в миску остатки дымящейся каши.

– Спасибо, хозяин! – благодарит боец повара и отправляется к подкидавшим его товарищам.

– Ну и аппетит у вас, братцы, как я погляжу, – замечает Матвиенко, подходя к столу, за которым бойцы ели добавок. – Вы, случаем, не из голодной губернии? – участливо допытывается он.

– Кто много ест, тот много работает, – спокойно отвечает один из бойцов, делая вид, что не понял насмешливого тона Матвиенко. – Ты, конечно, мало ешь.

– Почему?

– Очень просто. Хороший аппетит бывает только у тех, у кого работают руки, а у тебя работает один язык.

– У тебя он тоже, как видно, неплохо работает, да мне некогда балясы точать с вами. До построения осталось две минуты, – равнодушно парирует Матвиенко и направляется к выходу.

Действительно, вскоре во дворе раздалась команда на построение и бойцам пришлось поспешить с окончанием обеда.

После обеденного перерыва изучали материальную часть: здесь были и русская винтовка образца 1891/37 года, и самозарядная винтовка СВТ, и пистолет-пулемет ПДД, и ручные гранаты РГД и многие другие. Материальной частью бойцы очень интересовались: разборка и сборка оружия были любимым занятием бойцов. Соревнуясь на скорость, некоторые бойцы достигли на сборке оружия исключительной быстроты.

Само собой разумеется, что интерес к огневой подготовке находился вне всякой конкуренции: ничто так не любили бойцы и ничем так не увлекались, как тактической стрельбой. Практические стрельбы были настоящим праздником в воинских подразделениях: проходили они с большим подъемом, со страстью. Кроме обычных стрельб устраивались и соревнования по стрельбе.

Вот тут-то и обнаруживались соколиные глаза и хваткие руки советских бойцов, в совершенстве овладевших стрелковым оружием. Победителей командование отмечало в своих приказах как отличников боевой и политической подготовки.

Изучали бойцы и уставы: боевой устав пехоты (БУП), строевой, устав внутренней службы и другие.

Было у бойцов и личное время. Бойцы имели возможность до вечерней поверки «навести красоту» (побриться, подшить новые подворотнички, почистить обувь), сразиться в красном уголке в шахматы или шашки, почитать газету, книжку или просто посидеть за беседой с другом. Так в труде и учебе незаметно прошел еще один месяц.

Короток зимний день. Быстро наступают сумерки. Глядь, уже и звезды горят на черном небе: ночь настала. Мороз крепчает. Снег скрипит под ногами: это патрули совершают свой ночной обход. Умолкли людские голоса. Только где-то далеко-далеко раздается еще ленивый лай собак да паровозный свисток вдруг прорежет тишину. В домах плотно закрыты ставни. Черные шторы скрывают свет жилищ. Мертвы световые рекламы когда-то шумных магазинов. Не видно веселых толп людских. Только одинокий прохожий появится иногда на тротуаре и тотчас же исчезнет в ближайших воротах, да молодая парочка стыдливо спрячется за угол.

Город погрузился в пучины ночного моря и притаился до утра: война. Устали за день бойцы. В сон клонит одеревеневшие головы. Так бы и вытянулся сейчас во весь рост на охапке пахучего сена. Но спать нельзя: до вечерней поверки еще час. Примостившись на краю нар, тихо беседуют бойцы, вспоминая свое село, работу в поле, отдых в доме, вольную жизнь, нарушенную войной. Прислонившись спиной к столбам своих нар, сладко дремлют притомившиеся новички. Я достаю часы: фосфорический треугольник радует глаз: время! Раздается долгожданная команда: «Выходи на вечернюю поверку!» Дремы как не было: через три минуты все в строю.

Короткая переключка. Рапорт. Сверка времени. Сигнал. И, наконец, залихватая, как соловьиная трель, команда дневального: «От-бо-о-ой!»

А вслед за ней убаюкивающая мелодия: «Ложись сп-а-ать!» Есть ли в России мужчина, который не восхищался бы красотой этой незабвенной симфонии русской армии? Такого мужчины нет. Она так же великолепна и благодатна, как симфония Глинки. Дневальный Чайкин в этот миг так же велик, как гениален великий Чайковский, создавший бессмертные творения человеческого ума и сердца.

Бойцы погружаются в сон. В казарме наступает тишина. Однако дневальному кажется, что кто-то разговаривает на верхних нарах. Решив «накрыть» нарушителей воинского распорядка,

он встает с табурета, осторожно подходит к тому месту, откуда почудился разговор, и прислушивается. В ровном шуме дыхания спящих его слух улавливает невнятное бормотание. «Кто бы это?» — думает Чайкин, всматриваясь в лица бойцов, едва просвечивающих в темноте. «Совсем это не важно, не важно, главное — выдержать, выдержать...» — торопливо повторяет тот же голос. «Нет, это очень важно», — возражает дневальный и направляет бледный луч карманного фонарика в дальний угол. «Так и есть, — тихо говорит он про себя, выключая свет, — Голубятников». И когда разговор спящего повторился, добавил с лаской в голосе: «Спите, товарищ учитель... Перетомился, бедняга. Ну да ничего, пообвыкнется. Старательный человек». Дневальный осматривает нары. Убедившись, что все бойцы спят, он возвращается к столу, стоявшему в конце длинного прохода, почти у самой двери, вывертывает фитиль большого фонаря и углубляется в чтение книги «Боевые эпизоды».

Приступая к чтению, Чайкин думал «убить» время. Но чем больше читал, тем больше книга увлекала его. Один за другим вставали перед ним героические образы советских людей, самоотверженно борющихся с врагом социалистического Отечества. Раненые матросы, бросающиеся под танки со связками гранат; пехотинцы, закрывающие грудью амбразуры дотов; летчики, таранящие черных дьяволов со свастикой; девушки, выносящие с поля боя раненых бойцов и командиров, невзирая на смерч огня; стрелковые роты, разбивающие в пух и прах «непобедимые» эсэсовские батальоны; партизаны, громящие тылы и штабы самоуверенных немцев; дети, вылавливающие шпионов и диверсантов — все эти советские люди встают перед его умственным взором как сказочные богатыри, вступившие в бой со страшными чудовищами, пожиравшими людей и скот.

«Так вот какие наши люди: красноармейцы, женщины, дети... Так вот какая она... священная война против фашизма. А что же мы? Стрелять мы умеем... Почему же держат нас здесь, за сотни километров от того места, где льется кровь наших братьев?» — волнуется Чайкин.

Подошла смена. Надо было сдавать пост. С сожалением захлопнув книгу, Чайкин посмотрел на часы: малая стрелка упиралась острым клювом в цифру 2. «Надо немного соснуть», — устал подумал боец, направляясь к нарам. Только теперь, увидев свою постель, почувствовал, как он устал и как нестерпимо хочется спать. Едва голова коснулась подушки, как его подхватило огромное белое облако и понесло вверх. Достигнув огромной высоты, оно поплыло на запад, мерно покачиваясь. Приятно было плыть над землей: в лицо ударял легкий теплый ветерок, над головой простирался безбрежный голубой океан, рядом, то цепляясь, то отталкиваясь, плыли другие ватные облака, внизу тянулись зеленые ковры леса, пестрая мозаика городов со светлыми кирпичиками домов, коричневые крупинки деревень, серебристые нити рек. Голубой простор, золотое солнце, ласкавшее усталое тело нежными лучами, равномерное покачивание, как в колыбели, еле заметный встречный ветерок навевали сладкую дремоту.

Вдруг подул холодный ветер. Открыв глаза, боец увидел, что за время его сна произошли резкие перемены. Теперь его несла вместо белого облака черная туча, то и дело пронизываемая огненными стрелами ослепительных молний. Кругом стояла напряженная тишина. Внезапно страшные раскаты грома потрясли небо.

Черная туча раскололась пополам, и Чайкин почувствовал, что стремительно падает. Сердце оторвалось от тела, и на мгновение в страхе он закрыл глаза. «Неужели так и погибать? — мелькнуло в голове. — Ну, нет, шалишь, так просто советского бойца не возьмешь! — крикнул он туче и зорко глянул вниз, ища спасения.

Навстречу ему с бешеной скоростью неслась крутящаяся Земля: острые вершины гор, черная щетина леса, бугристые поля, пенящееся шквальное море и, наконец, голубая гладь небольшого озера. «Туда!» — решает боец и, набрав в легкие побольше воздуха, прыгает в воду...

— Ты что, друг, разоспался, как у тещи на дачке?

Чайкин в недоумении поворачивает голову на голос. Перед ним с кружкой в руках стоит подсменный дневальный и готовится еще раз хорошенько обрызгать его водой.

– Нет, браток, на этот раз не выйдет! – отталкивает Чайкин товарища и спрыгивает на пол.

– До подъема пять минут. Давай умыться и на пост, – топчет сменяющийся Бережной.

Чайкин хватая кружку и выбегает во двор. На посеревшем небе тускло мерцают звезды. С северо-востока неуверенно тянет холодный ветер, раздумывая, сейчас ли ему дохнуть во всю силу богатырских легких или подождать, пока все проснутся: стоит ли стараться из-за одного дневального? Решил, что стоит.

Да и время было самое подходящее: январь 1942 года. Откладывать было нельзя. Рванул сверху, подсек сбоку, подхватил снежную пыль со всех сторон и закружил по спящим улицам.

– Ишь, ты, разыгрался, – весело бросает Чайкин, фыркающая ледяной водой. – Поиграй, поиграй, мы не из пугливых. Попугай-ка лучше фрицев, а то мы сами попугаем», – загадочно улыбается боец и скрывается за дверь.

– «Подъё-ё-ём! Подни-имай-й-йсь!» – раздаётся команда дневального, и в ту же минуту во всех концах казармы послышалась густая дробь кованых ботинок. Бойцы поспешно соскакивали с нар, обувались и выбегали во двор, где уже разыгралась метель.

Все как-то сразу почувствовали, что подготовительный период окончен, что начинается настоящее трудное дело и лица их посуровели. На завтрак шли молча. Ели жадно, но без аппетита.

Возвращались без песен. Едва рота втянулась во двор, как раздалась команда:

– Взять вещевые мешки!

У меня от неожиданности екнуло сердце: «На фронт». Боец Матвиенко мельком глянул на меня и, как бы угадав мои тревожные мысли, сказал со вздохом, приняв скорбное выражение лица:

– Прощай, мама!..

Я решил не оставаться в долгу.

– До солнца высоко, а до немцев далеко, так что рано еще показывать свою удаль, товарищ Матвиенко. Повремени с недельку.

Бойцы с неодобрением посмотрели на насмешника.

– За недельку не обернемся, дорогой товарищ. А на шутку напрасно обижаешься, – примиряюще сказал Матвиенко.

Через несколько минут 6-я стрелковая рота в полном составе прибыла на батальонный плац. Вскоре туда прибыли и другие роты и выстроились в каре. Командиры встали впереди своих подразделений. На середину плаца вышли командир батальона майор Нестеренко, политрук Гаркушин и начальник штаба старший лейтенант Есаулов. Был оглашен приказ командира полка подполковника Сазонова о присвоении званий сержанта и младшего сержанта отличникам боевой и политической подготовки, успешно прошедшим курс обучения в учебном батальоне 50-го запасного стрелкового полка.

– Вручить знаки различия! – негромко, но так, чтобы всем было хорошо слышно, приказал майор.

Через короткое время на зеленых петлицах 100 курсантов появились веселые красные треугольники. После обычных поздравлений батальон перестроился в походную колонну и с песнями направился на вокзал. Впереди шла группа сержантов. На привокзальной площади было людно и шумно. Здесь были не только воинские подразделения, но и большие толпы горожан, которые пришли на проводы. Каждое новое подразделение духовой оркестр встречал военным маршем. Весь штаб во главе с командиром полка прибыл еще накануне и теперь разместился под развевающимся на ветру красным знаменем у большого стола, покрытого зеленым сукном. Воинский митинг короток, как зимний день. Заканчивая речь, командир полка сказал:

– Вы едете сражаться. Перед вами злой и коварный враг. Но он не так силен, как думают некоторые. Его можно с успехом бить и победить. Русские прусских всегда бивали. Побьем

и на этот раз. Будьте же смелыми и отважными в бою! Бейте фашистов не только силой, но и умением! Вы — младшие командиры. От вашего зоркого глаза и твердой руки, от вашей выучки и верности воинскому долгу зависит успех на поле боя. От лица командования Красной армии поздравляю вас с получением воинского звания и желаю вам боевых успехов во славу нашей любимой Родины. Да здравствует Коммунистическая партия и советское правительство! Да здравствуют бойцы и командиры героической Красной армии! Верховному Главнокомандующему товарищу Сталину — ура!

— Ур-ра-а! Ур-ра-а-а! Ур-ра-а-а-а! — подхватывается и катится над площадью и по железнодорожным путям многотысячное эхо боевого клича. Пожилые мужчины, женщины, девушки, дети и другие городские жители тоже что-то кричат, размахивая шапками и платками.

Под звуки походного марша большая группа молодых сержантов и маршевая рота направляются к вагонам. Огромный паровоз шипит и фыркает, как застоявшийся боевой конь, ожидая, когда властная рука машинистка ляжет, наконец, на регулятор.

Готово! Звонок: один, другой. Свисток, еще свисток, и воинский эшелон тихо поплыл у перрона. «Бум-бум-бум! Дзяк-дзяк-дзяк!» — еще доносились отдельные звуки духового оркестра. Промелькнули выходная стрелка, семафор, красная будка. «Тра-та-та! Тра-та-та! Та-та-та-та-та!» — набирал скорость воинский поезд. Сколько их сегодня спешит к линии фронта, везя подкрепления сражающимся дивизиям! И этот — один из них.

Гудермес, Минводы, Армавир. Кавказская, Тихорецкая, Батальск, Ровеньки — спичечной вспышкой мелькнули перед взором и не зацепились в сознании. Потом ехали на автомашинах. Шли пешком. И здесь, и там — ночью. Вот и дома. Дальше идти некуда. Здесь проходит передовая. Большое полуразрушенное село. Чадят, догорая, деревянные дома и глиняные сараи. Здесь же валяются обугленные трупы неизвестных солдат. Наши батареи ведут по противнику огонь. В перерыве между залпами слышен насмешливый посвист немецких пуль да грохот разры-

вов. Проходящие лейтенанты сердито покрикивают на любопытствующих новичков, выразительно показывая то на свой лоб, то на белую штукатурку, которая поминутно брызжет от скользящих попаданий пуль. Приказано укрыться за стенами разрушенных сараев и ждать дальнейших распоряжений. По всему видно, что до наступления темноты никаких распоряжений не будет.

Хочется пить. Боец Сидоренко, решительно надвинув на глаза ушанку, берет два котелка и выбегает на середину широкой улицы, в конце которой имеется колодец.

— Ах ты, стервец! — слышится из переулка возмущенный голос. — Убьют же, туды твою!.. — несетя вдогонку крепкое словцо. Но бойцу некогда думать об этом. Все его мысли сосредоточены на одном: успеть добежать до колодца. Заметив бегущего, немцы ослабили огонь: «Уж не к ним ли?» Но нет. Красноармеец с разбегу прыгнул за сруб и притаился. До немцев было несколько сот метров. Подвязав котелок к красному кабелю, набрал в колодце воды, напился, осушив добрый солдатский котелок, потом вновь зачерпнул прозрачной ледяной воды, наполнил флягу, защелкнул крышки котелков, полные водой, и прислушался.

Артиллерийская перестрелка продолжалась. Так же, как и прежде, над головой с воем проносились свои и чужие снаряды. Но ружейно-пулеметный огонь прекратился. «В чем дело? — недоумевал боец. — Обедают? Так время обеда уже прошло. Караулят, — догадался он. По спине побежали холодные мурашки... — Ну да ничего. Это мы еще посмотрим».

Теперь боец стал действовать осторожно и обдуманно. Приостановившись поудобнее, стал внимательно осматривать позиции противника. Вначале ничего опасного не заметил. В конце улицы, внизу, лежала замерзшая речушка. Вдоль речки протянулись огороды с почерневшими растениями и кучами какого-то растительного хлама. «А это что за зайчики? Не иначе, как снайпер. Вот и другой шевелится за кустом. Дурак! Мне бы сейчас винтовку самую что ни на есть простую. Я бы их быстро привел в неподвижное состояние. Патронный ящик выбросили наверх. Здесь

у них и окопчик тепленький. А выбираться все же надо. А ну, испытасем».

Вынув из чехла малую лопату, Сидоренко поднял её над срубом и быстро убрал. В то же мгновение над головой пискнули две пули. «Ого! – подумал боец, – их двое. – А ну, еще, – про себя сказал он, и лопата медленно поползла вверх. «Дзик», – звякнуло железо. «Ах ты, свинья, испортил казенное добро, – выругался боец, ощупывая круглую дыру в лопате. – Что же делать? Вот попал в переплет. Товарищи теперь заждались. Да и надоело лежать на этой мерзлоте, – рассуждал боец. – Однако делать нечего. Придется выбираться. Назвался груздем – полезай в кузов».

– Эх, была не была, – вслух сказал Сидоренко и изготовился для прыжка.

«Та-та-та! Та-та-та!» – совсем близко застрочил пулемет.

– Неужели по мне? – подумал боец. Но свиста пуль не было слышно.

Сидоренко схватил котелки и побежал поперек улицы.

– Догадался, – с облегчением сказал лейтенант, продергивая ленту. – А ну, повтори, сержант, кажется, у тебя неплохо получается.

Я тщательно навожу пулемет и даю еще две короткие очереди. Над бруствером противника взметнулся столб огня, а через секунду донесся глухой взрыв. Во вражеском лагере поднялась суматоха. Вдоль стометрового участка туда и обратно засновали белесые фигурки.

– Наверно, ты им в хорошее место угодил, если они так всполошились, – одобрительно говорит лейтенант. – Если хочешь, оставайся у меня. Эй, Голубенко, снеси-ка эту записку комбату, да живо!

Новая огневая точка, появившаяся у печи сгоревшего дома, оказалась для противника неприятной неожиданностью. Её фланкирующий огонь был губительным. Как ни бесновался капитан Штумпф, а пришлось отдать приказ о занятии запасных окопов.

Тем временем боец Сидоренко, переходя из двора в двор, благополучно добрался до своих.

— А мы уж хотели поминки справлять по тебе, — не утерпел Матвиенко.

— Было близко к этому, — ответил Сидоренко.

— Не пойму только одного: откуда взялся максим? Если бы не он, не пить бы вам этой студеной водички.

— Учителя благодари. Он тебя спас.

— Какой учитель?

— Известно какой. Не из Парижа приехал, Голубятников.

— Говори толком.

— Вот тебе и толк. Прибежал лейтенант и давай нас гонять. «Кто послал бойца за водой в обстреливаемую зону? — кричит, выпучив глаза. — Я, — говорит, — вас в военный трибунал отдам». Вот тут-то он назвался выручить тебя.

— Что же он предложил?

— Он взялся уничтожить снайперов и тут же изложил свой план: установить в укрытии фланкирующий пулемет. Ушел и с тех пор не возвращался.

— Хороший человек. Сознательный.

— Одним словом — учитель.

— Преданный народ эти учителя.

— Детей учат доброте и сами научаются.

— Может, партийный?

— Нет, беспартийный.

— Таких можно принять.

— Пусть повоюет. Может, и примут.

К вечеру перестрелка стала слабеть, а с наступлением темноты совсем прекратилась.

— Ужинают, — ответил Матвиенко на незаданный вопрос. — А о нас забыли.

— Никак нет, товарищи бойцы, о вас не забыли! — весело крикнул молодой боец в белой ушанке, вынырнув из-за развалин.

— А вы кто такой будете? — за всех спросил Матвиенко.

– Свяжной. Приказано немедленно доставить вас в штаб.

– Добре. А мы было уже собрались на Кавказ вернуться. Не зовут, значит, думаем, не нужны. Почитай, десятый час сидим без дела.

– И на Украине не будет холодно, Украина в этом самое жаркое место, – быстро нашелся связной, видать, толковый парень.

– Под Москвой жарче.

– Ну да ведь то Москва!

Пройдя с километр вдоль полезашитной полосы, связной свернул направо и вскоре вывел прибывшее пополнение в большой голый сад с небольшим домиком на окраине. Во дворе стояли две запряженные тачанки с имуществом, вокруг которых толпились люди.

– Сколько вас? – раздался из темноты грубый голос.

– Пятьдесят!

– Подходи попарно к фурам! – приказал тот же голос.

– Строиться здесь, – приказал из темноты другой голос, осветив карманным фонариком глиняную стену большого сарая.

Получив винтовку, четыре пачки патронов, противогаз, две гранаты, запалы к ним, бойцы отходили в сторону, чтобы все это снаряжение разместить на себе надлежащим образом. Потом опять шли куда-то улицами и переулками, обходя кучи золы и пепла, среди которого еще дышали красные угли.

Наконец, откинув брезентовую дверь, вошли в небольшое кирпичное здание, где уже было порядочно народу. Вдоль стен и даже посредине на голом полу, приняв разные позы, спали бойцы. Недалеко от восточной стены чадила немецкая чугунная печка. В углу, на табурете, у низкого некрашеного стола, при тусклом свете керосинового фонаря занимался своим делом ротный писарь.

– Фамилия? – не поднимая головы, спросил писарь подошедшего бойца.

– Матвиенко,

– Имя, отчество?

- Петр Иванович.
- Год рождения?
- Партийность?
- Комсомолец.
- Образование?
- Семья.
- Место рождения?
- Село Преградное Ставропольского края.
- Женат?
- Холост.
- Мать?
- Там же.
- Прибыл?
- Из 50 ЗСП.
- Звание?
- Сержант?
- Полевая почта №..., 2 батальон, 6 рота, 3 взвод, командир взвода старший сержант Беляев. Все слышали? Ясно?
- Следующий!

К 22 часам перепись села окончена и можно было отдохнуть. Но отдыхать долго не пришлось. Немцы открыли такой сильный артиллерийский огонь, что задрожали стены кирпичного здания, а от близких разрывов с потолка дождем сыпалась штукатурка и в углу образовалась трещина. Появились раненые. Пришлось послать в боевое охранение на место выбывших новое пополнение. Прибывшим повезло: боевое задание они получили в тот же день. Хотя и мало было снега, а все-таки его было достаточно, чтобы бросать пригоршнями в мир. На ветру и холоде сон как рукой сняло. Укрываясь от взрывов в канавах и воронках, делая короткие перебежки, два десятка бойцов быстро продвигались к окопам, занятым поредевшим боевым охранением. Впереди земля и небо полыхали от частых вспышек орудийных выстрелов и множества осветительных ракет, которые то с шипением чертили белые дуги, то золотыми гирляндами повисали в черном небе, и тогда приходилось плотнее

прижиматься к холодной заснеженной земле, чтобы не быть замеченным сторожащим противником. Трассирующие пули вышивали по воздуху такие затейливые цветные узоры, что поневоле приходилось восхищаться ими.

– Как в цирке! – послышалось в темноте. – Красота!

– Ничего не жалеют: ни ракет, ни пуль, – отозвался другой голос.

Улучив момент, когда на землю легла полная тень, бойцы бросились вперед и в несколько прыжков достигли окопов.

– Это ты, Макаров? – послышался из окопов глухой голос.

– Смену привел, – ответил сержант в белой ушанке. – Можете сматываться.

– Пусть принимают.

Не успели прибывшие занять свои места, как бойцы боевого охранения темными тенями скользнули из нор на поверхность и скрылись в темноте.

– А окопчики-то у них, оказывается, дрянь, – недовольно заметил соседу Матвиенко.

– Заячьи норы, а не окопы, – отозвался Сидоренко. – Придется подправить.

– Начнем с ходов сообщения. Эй, друзья! Живо за дело! Через час чтобы были окопы в полный профиль и с ходами сообщения, – громким шепотом бросил Матвиенко.

А тебя давно командующим назначили? – спросил боец Гунчиков.

– Не хочешь подчиняться, командуй сам, – отрезал Матвиенко.

– При чем тут я? Берешься, так командуй, – отступил Гунчиков.

Работа дружно закипела, только комья сырой земли завертелись в воздухе, и вскоре двадцать бойцов с головой ушли в землю.

Напряженный физический труд на легком морозце ободряюще подействовал на бойцов, вытирая обильно струящийся по лицам пот, бойцы негромко перекликались между собой:

- Теперь можно и закурить.
- Боже тебя упаси.
- Я под полой.
- Не надо.
- Затянусь раза два в рукав и брошу.
- Гранаты держать наготове.
- Они на бруствере.
- Спрячь в нишу.
- Дошли патрон.
- Ничего не будет.
- Это тебе не Гудермес. Может и на плечах очутиться.
- Не сунется.
- А все же не мешает посматривать.
- Соснуть бы часок.
- Успеется.
- А сколько сейчас?
- Два.
- То-то они и затихли.
- Может, что замышляют?
- От него все жди.

Тучи на небе сгустились настолько, что звезды уже не просвечивали между ними. Ветер ослаб, но снег стал падать крупными хлопьями. Пришлось накинуть на голову капюшон плащ-палатки. От тишины еще больше захотелось спать. Но бойцы четко сопротивлялись его чарам, ясно сознавая ответственность, которая лежит на них.

– Посмотри-ка вот туда, друг, не шевелятся ли там белые бугры, – прошептал Сидоренко своему напарнику у ручного пулемета.

- Нет, не шевелятся.
- Не замечал я их раньше. Неужели намело?
- Не должно быть.
- А сколько, по-твоему, до них?
- Метров семьдесят.
- Наведи. Проверь диск. А я понаблюдаю.

— Готово! Все в порядке. Может, попробуем?

— Подождем.

Время шло, а четыре белых бугра оставались неподвижными.

— У страха глаза велики, — пошутил над своей ложной тревогой Сидоренко и отвернулся.

Вдруг из темноты откуда-то слева донесся приглушенный крик: «А-а!», послышался топот ног и глухой взрыв гранаты. Впереди и слева на фоне черного небосклона замечались белые привидения.

— Огонь! — вне себя от возбуждения прошипел Сидоренко. — Бей гадов! — со злобой добавил он и вскинул винтовку. Одна за другой раздалась две короткие пулеметные очереди. В это время какая-то белая глыба вдруг застлала небо и стала падать на бойца, инстинктивно выставившего перед собой винтовку.

— Хайль! — раздалось над самым ухом бойца, который, не удержав тяжести, повисшей на винтовке, свалился на дно окопа, отсушив руку.

— Ах ты, скотина! — выругался Сидоренко, выдергивая окровавленный штык из брюха немца. — Ты же пьян как свинья, а лезешь.

Схватив гранаты, он прыгнул из окопа и бросился за уходящими привидениями. Рядом с собой он видел, скорее, почувствовал Матвиенко, Беляева, Бережного и Рязанцева, которые так же, как и он, мчались наперерез наглому врагу.

— Врешь, не уйдешь! Гранатой! Ложись! — скомандовал Матвиенко и размахнулся.

Впереди выросли пять красных гейзеров. Ливень осколков разноголосо пропел над головой. Еще бросок, и бойцы у цели. Подобрал раненого красноармейца с тряпкой во рту и трех немцев, часть бойцов возвращалась назад, а другая часть поспешно обыскивала убитых. Собрав оружие, вторая группа бойцов стала возвращаться. К этому времени по всей линии обороны поднялась такая стрельба, что и головы поднять нельзя было. С большим трудом по-пластунски добрались красноармейцы до окопа

и с радостью свалились в него, как будто после многолетней разлуки вернулись в родной дом.

Утром, отбив атаку рассвирепевших фашистов, полк перешел в наступление и в результате шестичасового боя полностью вытеснил немцев из села Варваровки.

Об отваге прибывших бойцов было доложено командованию. Некоторые отличившиеся ночью сержанты, которые пока что были рядовыми стрелками, получили медали «За отвагу».

В середине марта большинство из них, в том числе и я, было вызвано в штаб полка. Из штаба полка — в штаб дивизии. А оттуда, получив продовольственные аттестаты и пакет, на попутных машинах, а где и пешком, стали пробираться на восток, в город Каменск, на курсы младших лейтенантов пехоты Южного фронта.

В апреле мы жили спокойно: изучали военное дело, несли караульную службу, еженедельно ходили в баню, имели выходные дни. В мае по ночам над городом стали появляться немецкие самолеты, вызывая ночные тревоги. В июне курсы покинули город. По городу шли стройными рядами во главе с духовым оркестром. Потому ли, что русские любят военную музыку, или потому, что жители привыкли к курсантам, а может быть, и по другой причине, только провожать воинскую часть вышел почти весь город. От центра и до глубокой окраины улицы были заполнены женщинами и детьми. Нет, не любовь к батальной музыке привела их сюда. В глазах светились печаль и тревога. «Что будет с нами, когда последний красноармеец покинет город?» — говорили их скорбные лица.

Далеко за полночь, пройдя двадцать с лишним километров, курсы остановились да дневку в большом селе...

Первый большой переход с полным снаряжением показался особенно тяжелым к утомительным.

Получив возможность располагаться на длительный отдых, не дожидаясь развода по квартирам, завернувшись в плащ-палатки, курсанты свалились на придорожную траву и забылись крепким солдатским сном.

Рано утром, выгоняя коров на пастбище, жители села могли видеть, как по обе стороны широкой и длинной улицы лежали кучки темно-зеленых бугорков, из-под которых тускло светились стволы винтовок, и над всем этим живым кладбищем неподвижными статуями возвышались часовые, с острых штыков которых струился багряный свет восходящего солнца,

В селе Н курсы пробыли шесть дней, а на седьмой продолжили свой путь на восток. Теперь уж редко останавливались более чем на одни сутки. Темп движения с каждым днем нарастал. Двигались только ночью. С заходом солнца выступали, с восходом останавливались на дневку. Немецкие самолеты все чаще и чаще стали появляться впереди отходящей части. Запылали переправы через Дон. Усилился беспорядок на дорогах. Легкие подвижные части противника смело стали вырываться вперед и, делая вид окружения, сеяли панику среди беженцев и части советских войск. Холодным ужом вползала тревога в сердца плохо вооруженных курсантов.

Пришлось выделить одну роту со средствами усиления для прикрытия отхода курсов. Вооружившись пулеметами, автоматами, гранатами и противотанковыми ружьями, курсанты оседлали дорогу, заняв выгодные позиции.

Пока на западе еще не погасла вечерняя заря и мимо проходили подразделения товарищей, было терпимо. Но как только на знойную землю опустилась темная завеса ночи, на душе у бойцов стало смутно и тоскливо, захотелось скорее дожидаться светлого дня, чтобы, снявшись с этих неприветливых и мертвых курганов, догнать и присоединиться к своим.

Ночь прошла в тревожном ожидании. На рассвете в гнетущую тишину неизвестности ворвался далекий шум моторов, который быстро нарастал, и вскоре на белесой дороге показались окутанные пылью мчащиеся мотоциклисты.

Сердце пулеметчика Петрова сжалось в комок, как перед первым прыжком с вышки в холодную морскую воду.

— Мама, благослови... — машинально прошептал он побелевшими губами и нажал на гашетку. Тяжелый пулемет спокойно

и уверенно полоснул вдоль дороги огненной струей. К нему присоединились два других. Головной мотоцикл на всей скорости рванулся вправо и, окутавшись дымом, исчез в глубокой канаве. За ним последовал другой. Через минуту вся кипящая от пуль дорога была завалена изуродованными трупами немцев и обломками их тяжелых мотоциклов. Только самый последний, который замыкал колонну, вовремя повернул руль и на бешеной скорости умчался назад.

Не прошло и получаса, как в наступившей тишине послышался нарастающий гул моторов и лязг гусениц: немцы решили одним ударом сломить встретившееся сопротивление русских.

Приняв боевой порядок, танки открыли огонь и на большой скорости пошли в атаку. Что было делать горстке советских бойцов, вооруженных стрелковым оружием? Отступить некуда. Остается одно: сдаться. Но советские патриоты не сдались. Они решили сопротивляться.

Приказав курсантам попрощаться друг с другом и приготовиться к отбитию танковой атаки, командир роты старший лейтенант Васильев прошел в узкую щель хода сообщения и стал внимательно наблюдать в бинокль за маневрами немецких танков, напряженно обдумывая выход из положения. «Неужели нет никакого выхода? Неужели гибель? Да, это конец. Конец...» — горячили мозг назойливые мысли, вызывая тошноту.

Но что это? Почему задние танки не ведут огонь? Снаряды экономят? Так это не в их моде.

— Связной, ко мне! — оживляясь, крикнул комроты.

— По вашему приказанию...

— Не болтай! Приказываю: минометчикам уничтожить задние танки. Живо!

Получив «странный» приказ, комроты, командир батареи 82-х покачал головой: «Рехнулся». Но сейчас же отдал необходимые распоряжения.

Когда головной танк достиг ориентира №3, рота открыла огонь из всех видов оружия: из пулеметов и винтовок — по смотровым щелям, из противотанковых ружей — по моторам.

Поставив прицел на предельно дальнее расстояние, минометчики дали один за другим несколько залпов.

Над самыми дальними немецкими танками блеснули бледные снопы огня, а вслед за ними раздался раскатистый взрыв чудовищной силы.

— Нельзя же так, земля провалится, — невесело пошутил Матвиенко, бледнея от неожиданности.

Бойцы переглянулись: показалось или на самом деле заколебалась земля под ногами?

Теперь уже не только в бинокль, простыми глазами было видно, как от горящих двух танков в ужасе разбежались немецкие солдаты, падали и не шевелились.

А Нечепуренко продолжал без устали командовать: «Батарея, зажигательными — огонь! Огонь! Огонь!»

И послушные мины взмывали вверх, чтобы опуститься на грузовые автомашины со снарядами и взрывчаткой, замаскированные крашеной фанерой под танки. Немцы хотели обмануть: они считали себя умнее русских.

Несмотря на поднимающуюся панику среди «танкистов» второго эшелона, передовые танки продолжали идти вперед, сея смерть и разрушения. Головной танк ворвался в участок обороны и утюжил окопы, засыпая и давя уцелевших бойцов. Два других были уже в пятидесяти метрах, но вдруг были подбиты пэтэ-эровцами и, задрав носы, гальмовали на месте, разбрасывая изорванные гусеницы. Остальные повернули назад и, усиленно газуя, скрылись из виду.

Теперь все внимание советских бойцов было сосредоточено на одном беснующемся танке с желтым крестом.

— Связной! Петров! — позвал командир роты, стряхивая землю с головы и плеч. Вид у него был страшный: на черном от копоти лице светился один левый глаз, правый глаз опух настолько, что не был виден совсем, на щеке запеклась кровь, смешанная с грязью. — Петров! — негромко повторил он, но ему никто не ответил.

«Один», — понял командир роты и побежал по ходу сообщения, перепрыгивая через трупы товарищей.

— Вы что делаете? — просипел старший лейтенант, увидев курсантов в разрушенном блиндаже, снимавших гимнастерки. Лица Серебрянского и Кислицы побледнели. — Забирайте гранаты! Живо! — скомандовал комроты, выхватывая из кобуры пистолет. — Вперед!

Вот и танк. До него не более 15 метров. Раскаленные газы разъедают глаза, першит в горле. Танк мнет пэтээровцев, надрывно ревя мотором, лязгая гусеницами, на которых повисли окровавленные тряпки.

— Бутылкой!.. Гранатой! — командует старший лейтенант, посылая в танк бутылки с горючей смесью и легкие гранаты. После второй бутылки танк закадил, окутался дымом и замер. В наступившей тишине слышались стоны раненых и шипение горящего танка.

— Теперь все в порядке. Бежим! — уже бодро крикнул Васильев и слегка подтолкнул Серебрянского в спину.

— Стоп! Ложись! — скомандовал старший лейтенант, когда до танка было не менее 100 метров. В то же время над головой пронесся ураган, обдавая лежащих пылью, а вслед за ним раздался оглушительный взрыв, заставивший открыть рот от боли в ушах. Потом последовало еще несколько взрывов меньшей силы, после чего уже ничто больше не нарушало утреннюю тишину. Из-за туч выглянуло солнце и ярким светом озарило окрестные холмы, изуродованную разрушенными окопами землю, вздыбленные танки с крестами и почерневшую от огня траву вдоль дороги. На месте грозного танка стояла ржавая железная коробка, в 10 метрах от которой валялась массивная башня, а еще дальше два обугленных трупа фашистских офицеров с белым оскалом зубов.

Приказав Кислице и Серебрянскому собрать всех раненых к наблюдательному пункту, командир роты присел на пустой деревянный ящик и стал писать донесение.

Обозначив число, месяц и год, написал простым карандашом на тонкой бумаге: «Начальнику штаба хозяйства Косенкову. В 7.30 отбита танковая атака фашистов. Уничтожено: танков — 6,

ложных танков – 4, мотоциклов – 12, убито и ранено около 50. Нас осталось...

Курсанты с честью выполнили свой долг. Вечная слава павшим за Родину.

Васильев».

К 10 часам у «НП» собрался весь личный состав роты: офицеров – 1, сержантов – 4, рядовых – 13. Проставив число 18, командир роты передал донесение единственно уцелевшему курсанту Просветову и приказал немедленно доставить его начальнику курсов подполковнику Косенкову.

– А где же Кислица и Серебрянский? – вдруг вспомнил старший лейтенант.

– Они ушли воды раздобыть, – ответил Матвиенко, поправляя повязку на голове.

– Пора бы вернуться.

– А им виднее.

– Что ты сказал? – недобро сверкнул серыми глазами Васильев.

– Если непонятно, могу пояснить...

– Как ты... смеешь? Ты! Смирно! – захлебнулся в страшном гневе старший лейтенант.

– Прошу прощения. Я не хотел вас обидеть. Дело нехорошее...

– Да... Вольно! – негромко сказал комроты и устало закрыл глаза. На ввалившиеся щеки Васильева легла мертвенно бледная тень: в его сознании шла борьба двух решений. Поняв состояние командира, бойцы выстроились в одну шеренгу. Они хорошо знали его, а поэтому не сомневались, что приказ будет точно такой, какой был на рассвете: стоять насмерть.

Открыв глаза, старший лейтенант не удивился, увидев строй. Он одернул гимнастерку, подтянул ремень с бронзовой звездой, поправил кобуру, поднял голову, вытянулся и, помедлив, сказал, четко выговаривая каждое слово:

– Приказа на отход я не получил. Это значит, что наша часть еще не переправилась через Дон. Здесь мы похоронили многих

своих товарищей. Их имена не забудет Родина. Отдадим им воинские почести, как героям.

Командир роты поднял над головой пистолет. Бойцы дали три залпа и опустили винтовки к ноге. В это время позади слышалось фыркание «Зисов» и донеслись оживленные голоса.

— Товарищ старший лейтенант, приказ! — весело крикнул, подбегая, связной Орлов. Он отрывисто подбросил правую руку к пилотке и одновременно протянул левую с синим пакетом.

Разорвав пакет, командир роты прочитал вслух: «За доблестное выполнение особого задания от имени командования Красной армии выношу благодарность всему личному составу подразделения капитана Васильева. — Слово „капитана“ Васильев прочитал с особым ударением и слабо улыбнулся. — Приказы-ваю немедленно идти на соединение с частью. Полковник Косенков, — повысил голос командир роты. Помолчав, добавил едва слышно: 26.06.42».

— Приказ всем понятен, товарищи?

— Понятно! — за всех ответил Матвиенко.

— Вопросов не будет?

— Нет! — ответило несколько голосов.

— Тогда — на машину!

— Минуточку, товарищ капитан! — крикнул молодой человек без головного убора, подбегая к столпившимся бойцам. Его черные вьющиеся волосы были спутаны, а по лицу струился обильный пот. — Фотокорреспондент газеты Пожарский, — отрекомендовался молодой человек, щелкая затвором фотоаппарата. — Разрешите взять на объектив кое-что!

Пока санитары перевязывали и грузили тяжелораненых, Пожарский успел запечатлеть на пленке не только подбитые вражеские танки, но и груды обломков, все, что осталось от 12 фашистских мотоциклов. В качестве военного трофея он принес полевую сумку гитлеровского офицера, в которой была обнаружена пластмассовая коробка. В коробке были: 20 золотых зубов, 4 нательных золотых креста, два золотых обручальных кольца, тщательно завернутых в батистовый вышитый пла-

точек с инициалами «Л.Т.» Здесь же была колода фотокарточек различного содержания. С одних ухмылялись полные женщины с голыми плечами, с других черными пауками корячились виселицы с замученными, на третьих красовались группы веселых парней в военной форме и с бутылками в руках.

8. ВСТРЕЧА С ДОНОМ И ДОМОМ

День был знойный. Встречный ветерок ласково обдувал усталые лица бойцов. Машины плавно покачивались на мягкой грунтовой дороге, вдоль которой тянулись бескрайние поля созревающего хлеба, поднимая узкие струйки придорожной пыли. Вскоре хлебные поля сменились сочными лугами. Повеяло прохладой.

Чувствовалась близость большой реки. Вначале показались верхушки тенистых тополей, а потом и сам Дон-отец серебряной уздечкой сверкнул за поворотом.

— Здравствуй, папаша, наш славный Тихий Дон! — не сдержал бурной радости молодой минометчик Алексей Текучев.

— Здорово, отец, — в тон парнишке отозвался я, потому что всю дорогу не покидала меня радость встречи с товарищами и возможность еще раз увидеть милые сердцу места, где я родился и вырос.

Машины остановились метров в 150 от берега: впереди лежал песок. Ни моста, ни парома здесь не было.

Взвалив на плечи пулеметы, коробки с пулеметными лентами, ящики с патронами, лопаты и прочее снаряжение, мы направились к берегу, где на легкой волне покачивались баркасы.

Машины развернулись и взяли курс на юг. Там были наведены понтонные мосты и ходили паромы. Но переправа была опасной.

С раннего утра до позднего вечера выли над головой «месеры» и «юнкерсы», а то и просто «рамы» («Фокке-Вульф»), бомбя и расстреливая из пулеметов все видимое: живое и неживое.

Переправившись через Дон на левый берег, мы вновь почувствовали себя курсантами. Умылись, побрились, постирали в мягкой донской воде пропахшие потом гимнастерки, подшили белоснежные подворотнички и, расслабив усталые руки, сладко уснули под шелест могучих тополей.

С наступлением первых признаков вечерней прохлады курсы младших лейтенантов Южного фронта снялись с лагеря и, построившись во взводные колонны, взяли направление на юго-восток.

Вначале шли по сочным лугам, переходя вброд бесчисленное множество ручьев, оживших после обильно выпавших накануне дождей.

Потом потянулись сухие полынные степи, изрытые сусликами, полевыми мышами и земляными зайцами. Степь жила своей просторной большой жизнью. В траве копошились и стрекотали кузнечики. В воздух то и дело поднимались стаи серых кобылок, трассируя пересекающиеся разноцветные линии: красные, желтые, синие. В небе парили степные орлы и коршуны, выслеживая добычу на земле. Над головой звенели и перекликались вечно бодрые и веселые жаворонки. В песчаных откосах глубоких балок гнездились желто-зеленые долгоносые сурки, многочисленные норки которых были видны издалека. Случалось, что дорогу переползала большая серая гадюка, бесстрашно рассматривая проходящих немигающими глазами.

Степь не молчаливая тайга. В ней всё звенит и поёт. Здесь ничто не окружает и не давит тебя, как в лесу. Здесь простор, воля, раздолье. А сколько здесь солнца, воздуха, звуков! Легкий ветерок ласково обвевает разгорячившееся лицо. В голубом небе тают белые облака, едва коснувшись жаркого солнца, коротко бросив на землю прохладную тень.

На горизонте появляется кромка леса. Но это не лес в обычном смысле. Это сады и левады, в которых утопает казачья станица. Полынная степь сменяется толокой, пахнет кизяком и свежим навозом. Сытый скот постепенно приближается к станице, вход в которую охраняют высокие пирамидальные тополя. В ко-

сых лучах заходящего солнца горят золоченые кресты двух церквей, а под ними зеленеют туго надутые парашюты куполов.

Улицы безлюдны. Все взрослое население в поле. Станичники торопятся с уборкой урожая, который выдался в этом году на славу. Только малые дети, сновавшие повсюду в поисках все новых забав, встречали красноармейцев. Они с любопытством рассматривали их длинные ружья. Но наибольшее восхищение вызывали, конечно, пилотки, на которых как маки горели пятиконечные звезды.

Вот и солнце скрылось за горизонтом. Сизой дымкой разливается ночная темнота. Оживает каждый двор. С поля возвращаются женщины и подростки, покачивая бедрами, неторопливо проходят, вздымая жирную пыль, коровы. Начинается дойка. Возникнув в одном месте, журчащие звуки распространяются по всем улицам и переулкам, наполняя вечерний воздух спокойной песней мирного труда.

Щекочет ноздри аромат парного молока. Но стойко держатся курсанты. Приказ: самим молоко — ни-ни! Терпи, пока угостят. Не угостят — тоже терпи.

Неторопливы в своих движениях казачки. Подоив, не спеша процеживают пенное молоко в глиняные кувшины и здесь же, во дворе, ставят на столы под тутовые деревья,

— Машка! — кричит молодая казачка Матрена Текучева, опуская подол подоткнутой за пояс юбки. — Зови казачков вечером.

Пока восьмилетняя дочка бегала звать красноармейцев, расположившихся в саду, Матрена Трофимовна нарезала хлеба, налила в глубокие фаянсовые чашки молока, поставила на стол полведерную макитру с творогом.

— Мама сказала! — вихрем налетела дочурка.

— А они что?

— Высокий сказал: «Передай маме большое спасибо. Мы сейчас придем». И еще спросил, как тебя зовут и как меня. Хотел меня по голове погладить, но я вырвалась и убежала.

Пока Машенька рассказывала, она не переставала хлопать в ладошки и пританцовывать босыми ногами около мамы. Всё вокруг было так интересно!

Появилось семеро красноармейцев. Молодец к молодцу. Молодые, стройные, веселые, защитные гимнастерки туго перехвачены желтыми ремнями. Пилотки лихо сдвинуты на правый бок. Кирзовые сапоги густо смазаны тавотом.

— Добрый вечер, Матрена Трофимовна! — в один голос приветствуют хозяйку курсанты.

— Час добрый, казачки! — отвечает хозяйка, низко кланяясь.

— Отведайте, что бог послал, если не брезгуете.

— Большое спасибо за приглашение, хозяйюшка. Солдату отказываться от молока не приходится. Он нечасто бывает в его котелке, — за всех отвечает Чафкин, присаживаясь за стол.

— Кушайте на здоровье, — пододвинула хозяйка макитру с творогом, — кладите в чашки, кому сколько надо.

— Так и вы с нами, — негромко вставил я и смутился, увидев, каким ярким румянцем вспыхнули загорелые щеки молодой казачки и какой радостью засветились её карие глаза...

Курсанты подкладывали в молоко творог и с аппетитом хлебали густую смесь, почти не прикасаясь к хлебу. Ужин всем понравился. Поблагодарив хозяйку, курсанты ушли в сад и стали укладываться на ночлег. Я позже других встал из-за стола.

— Посидели бы, — тихо сказала Матрена Трофимовна. — Куда торопитесь? Как дела-то у вас? Немец наступает?

— Наступает.

— И к нам придет.

— Все может быть. Постараемся задержать.

— Вы же уходите.

— Другие сделают. У каждой части своя задача.

— Что же нам делать?

— Поступать так, как приказал товарищ Сталин.

— Мудрено говорите.

— Выполняйте указания райкома партии.

— Это что же, навсегда?

- Скоро вернемся. Потерпите.
- А если не осилите?
- Осилим. Обязательно осилим.
- У него самолеты, бомбы.
- Скоро и у нас будет их много.
- Если бы вам можно было верить. Другие тоже так говорят.
- Нам незачем вас обманывать. Мы говорим правду.
- Про мужа ничего не слышно. Жив ли, нет. С нового года не получаю писем.
- Скорее всего, жив. Слыхал я про одного партизана Текучева. Возможно, ваш муж.
- Обрадовали вы меня, обнадежили. Пойду к Машутке, а вам пора отдыхать. Рано уходите?
- Рано.
- Я приготовлю вам молока.

Давно уже щелкнул тяжелый крючок запираемой на ночь двери и проскрипели половицы, а я все стоял под ветвистым деревом, охваченный воспоминаниями о жене, детях, о мирной жизни. Потом посмотрел на звездное небо, провел по лицу горячей рукой, встряхнул головой и усталой походкой направился в сад, откуда доносилось невнятное бормотание спящих товарищей. Стянув сапоги, растянулся на шелковистой соломе, от которой исходило приятное тепло и запахи солнца.

Пять часов сна не так уж плохо для военного человека.

Когда на заре призывно запели рожки, будя разоспавшихся хозяек, по широкой станичной улице уже проходили, быстро удаляясь на восток, подразделения большой воинской части. Шли форсированным маршем. Только после тридцатикилометрового перехода была сделана дневка.

Снова задымили в станине походные кухни, забегали бойцы с котелками, засновали машины и подводы с военными грузами.

Людно стало в станице. К вечеру и девушки появились на улицах. Завязались споры-разговоры, посыпались шутки-прибаутки, то там, то здесь раздавались отчаянно-веселый визг и смех. Вдали заиграл баян. Встревожились девчата. Хочется по-

танцевать, а своих-то парней нет. Да разве эти чужие? Ведь это свои, родные, советские. Ну, что ж! Только один вечер. И никому особого предпочтения. Пусть любимый не гневается. Вернется — сама расскажу. Волнуются девушки, прячут смущение в шелковые косынки. А баян все приближается. Но что это? Музыка совсем не для танцев. Плачет и рыдает великая гармонь. И откуда столько грусти в русских песнях!? О чем тоскует человеческое сердце!? Не любовь ли бескрайнюю не может удержать в своей богатырской груди донской казак? Тоскует о далекой невесте. Постояли-постояли у плетня — да так и разошлись, не отбив четки. Спросил Чайкин Анфису:

— Может, проводить?

— Не надо, — неуверенно говорит девушка, беспокойно теребя концы косынки. — Ладно уж, пойдем, — бросает она горячий взгляд на присмирившего парня и решительно берет его за руку.

Вскоре отношение женщин к бойцам отступающей армии стало резко меняться. При виде приближающихся солдат хозяйки резко захлопывали калитки и уходили внутрь двора. На просьбу дать попить сердито отвечали, что вода осталась позади — в Дону.

Конечно, так поступали не все. Некоторые женщины делились с красноармейцами всем, что имели, называя «бедными соколикками». Но такое сочувствие было еще горше. Все прекрасно понимали, что армия отступает, оставляя на произвол судьбы и сердитых и жалостливых, и пожилых женщин и совсем юных чернооких девушек.

Ранним утром поход возобновился. Теперь шли не только днем, но и ночь прихватывали. Вот и Ростовская область осталась позади. Потянулись бескрайние поля Ставропольского края. Такими же бесконечными были здесь и села. Они были многотысячными и тянулись на многие километры. По таким длинным селам особенно тяжело было проходить, более двух часов находиться под укоризненным взором сотен людей.

Расстояние от станции Расшеватка до станции Благодарное предстояло покрыть на поезде. В ожидании подачи вагонов

в станице Ново-Александровской была устроена дневка. Получив разрешение, вскочил на попутный «ЗИС» и помчался в село Ладовская Балка, где проживала моя семья. Вот и покосившаяся калитка. А в пяти шагах порожки и дверь в красный кирпичный дом, в котором сейчас стоит тишина. Оказывается, не так-то легко протянуть руку и потянуть скобу отчего дома на себя после восьми военных месяцев. Сердце бешено колотится, по спине пробегает холодок от взмокшей гимнастерки, ладонь становится липкой. За дверью послышались шаги. «Это теща. А где же жена?» — мысленно отмечаю я и сильным движением открываю дверь.

— Боже мой! Откуда вы? — радостно восклицает Екатерина Петровна и скрывается в соседней комнате.

— Дуся, дети, папа пришел!

В доселе тихом доме поднимается такой шум и суматоха, что со стороны вполне можно предположить о готовящейся свадьбе. Но отдавать-то кого?

Впрочем, старшей дочери Эмме исполнилось уже семь лет. Правда, Вера еще молода: ей только пять лет.

Первой впорхнула в переднюю белокурая Эмма. За ней стремглав выскочила темноволосая Вера. Каждой хотелось первой сказать слово «папа».

— Папа! — бросается в объятия отца Эмма.

— Мой папа! — пытается оттолкнуть сестру от отца Вера.

— Коля, да бери же ты их скорей! — радостно кричит Евдокия Петровна, бросаясь с детьми в объятия мужа.

Какой это был замечательный день!

Все были счастливы. Девочки вдоволь накатались на папиной спине и насосались леденцов, которые папа подарил им по целому почтовому конверту. Жена наговорилась и наплакалась в крепких объятиях мужа. Теще льстило, что зять скоро будет офицером.

Конечно, жизнь прекрасна в условиях мира. Когда над головой не воют вражеские самолеты, не рвутся снаряды и не чадят пожарища.

Когда в доме есть хлеб и молоко, а над домом крыша.

Когда сохраняется жизнь.

Сейчас этого нет. Сейчас кровавый смерч германского фашизма неотвратно движется на восток, распространяя смрад гибели человеческой культуры и самого человека.

Поэтому и счастье в моем доме было коротким и неустойчивым, как положение шара на острие иглы.

— Надолго пришел? — спрашивает, а в глазах затихшая боль и тревога.

— На рассвете уйду.

— Останься...

— Наша часть на рассвете грузится в вагоны.

— Не пущу. Тяжко нам без тебя. Да и фашистов боимся.

— Не пустим! Не пустим! — обрадованно подхватывают девочки.

— Комендант сказал, что вас будут эвакуировать, — неуверенно возражаю я.

— Мама нам твои письма читала.

— Мы тебя ждали. Не пустим! Не пустим! — в один голос скандируют дочурки.

— Хорошо, дети. Сегодня я никуда не пойду. Хотите еще покататься?

— Хотим! Хотим!

— Вот и прекрасно. Пошли во двор.

— Папа устал, а вы все кататься да кататься, — неубедительно упрекает мама девочек.

Эмма с недоумением смотрит то на маму, то на папу и вдруг, сделав свои выводы, радостно кричит:

— Папа, пошли! Мама пошутила.

— Мы недолго, Дуся! Пока вода согрется, мы набегаемся вволю.

— Еще не набегался, — примирительно говорит жена.

Мы выбежали во двор, и я по очереди стал подбрасывать девочек над головой, вызывая неопишуемый восторг.

— Ой, как страшно! — кричит Эмма.

— Папа, упаду! Держи меня! — цепляется за шею Вера.

— Я лечу! — заливается в восторге Эмма, разбрасывая руки в стороны.

— И меня! И меня! — просит Вера.

— Полет кончился, дети. Теперь поиграем в прятки. Я отвернусь, а вы прячьтесь. Раз... два... три! Готовы?

Девочки, как мышата, юркнули в заросли кукурузы и исчезли.

— Я иду! — громко говорю и отхожу от сарая, где отстукивал удары палочкой-застукалочкой. За большим кустом «веника», меж высоких стеблей кукурузы, ясно просвечивает светло-сиреневое платье Веры, несколько в стороне, прижавшись лицом к ботве картофеля, притаилась Эмма.

— Где же вы, дети? Я не могу вас найти! Здесь такой густой лес, что заблудиться можно, — кричу я, раздвигая стебли кукурузы.

А девочки сидят у кустов, затаив дыхание, и не шевелятся.

Большого труда им стоит, чтобы не крикнуть: «Папа, а мы здесь!»

Пройдя мимо Эммы и чуть не задев сапогами её босых ножек, я говорю:

— Как хорошо спрятались. Одному мне ни за что не найти. Придется звать маму.

Тут Эмма не выдерживает. Она вскакивает и стремглав бежит к сараю:

— Я первая! Я первая! Папе водить!

— Так вот ты где спряталась! — удивленно вскрикиваю я, наклонившись над Верой.

— Как ты нашел, папа? Теперь я так спрячусь, так спрячусь, что ты никогда не найдешь! — прыгает на одной ножке Вера.

В это время из окна дома высовывается темная головка жены:

— Эй, вы, забияки! Пора домой! Вода нагрелась! Борщ готов! Эмма, веди папу!

— Сейчас, мама! Папа, быстро домой! Мама зовет!

— Как же мы без Веры?

- А где она?
- За бабочкой погналась. Да вот и она, – раскинул я руки, готовясь схватить мчавшуюся на меня малышку.
- В дверях нас ждала разругавшаяся от огня и счастья мать. После обеда мама сказала:
- Эмма, походи сосни немного. Зови с собой Веру.
- Мама, мы не хотим спать.
- С вами пойдет папа. Отец, походи отдохни с детьми, а я постираю твою гимнастерку и шаровары.
- Может быть, я сам? – неуверенно возражаю я.
- Иди, иди с детьми. Я постлала вам на полу.
- В комнате темно и прохладно. Стоило только прикоснуться щекой к мягкой подушке, как над головой зашумели листья придорожных тополей и усталое тело погрузилось в теплую пену...

9. Я – ОФИЦЕР

Курсы младших лейтенантов я закончил в Гали, небольшом зеленом городке Грузинской ССР, в октябре 1942 года.

Начальник курсов полковник Косенков и комиссар Москаленко, напутствуя молодых офицеров, сказали много теплых слов, а в заключение предупредили, что младшим лейтенантам предстоит тяжелое испытание, что враг продолжает продвигаться на восток и уже дошел до Волги. Возвысив голос, комиссар решительно рубанул воздух правой рукой:

– Враг будет разбит! Победа будет за нами!

В городе Дербенте мне предложили как отличнику боевой и политической подготовки должность помкомроты, но я отказался и, подучив стрелковый взвод, взялся за обучение молодых бойцов.

Взвод состоял из юношей разных рациональностей. Большинство составляли азербайджанцы, выпускники бакинской средней школы. Двое было русских и один казах. Всего 30 человек. Оружие любили и стреляли хорошо. Строевой подготовкой занимались нехотя. Тактическое учение принимали за игру. Речь

идет о юношах азербайджанской национальности. Казахи и русские относились к тактической подготовке серьезно, без усталости тренировались в коротких перебежках, ползании и маскировке...

Роты шли молча. Было почти совсем тихо. Только мерно позвякивали удила да глухо отдавался топот сотен тяжелых ног. Всюду, куда достигал глаз, была видна почерневшая трава да редкие скирды соломы. Низко над горизонтом висела сизая туча, позади, за облавами, пугливо притаилось декабрьское солнце.

Смутно было на душе у молодых бойцов: давила неизвестность. Что ждет их за этим зловещим горизонтом? Каков он, этот непрерывно наступавший противник?

«Враг под Москвой. Враг под Ленинградом и Сталинградом. На Кубани и Кавказе, под Грозным и Орджоникидзе. Удастся ли побить его? Скорее бы в бой! Увидеть бы его. Ударить. Припав к холодной стали максима, косить бы его горячим свинцом. Прижав к сырой холодной земле, давить танками. Колоть штыком длинным или коротким. Шаг влево, шаг вправо. Отбей удар. Коли! Можно и прикладом».

— Скорее бы! — вслух произнес боец Бережной и смущенно оглянулся на товарищей. Но на его слова никто не обратил внимания: все были погружены в свои думы.

Вдруг впереди идущие останавливаются. Задние слегка нагибаются на передних и тоже останавливаются. Опять заныли плечи. Ноги налились свинцовой тяжестью. Стоять хуже, чем идти.

Командира роты вызвали в голову колонны. Проходит несколько минут ожидания. Наконец, команда окопаться. Роты разводятся на отведенные им участки обороны. Песчаная почва шуршит под лопатой.

Растут холмики бруствера. Сизой лентой бегут по степи стрелковые окопы, змейкой выются хода сообщения. Проходит некоторое время, и окопы в полный профиль готовы. На свежей земле бруствера появляются кирпичики дерна и кустики сухого бурьяна.

Усталые, потные, но радостно возбужденные физическим трудом бойцы оглядывают сделанное.

– По какому такому волшебству содеяно сие? – удивляется Бережной, ни к кому не обращаясь.

– По организованной воле коллектива, дружок, – негромко отзывается пожилой боец Нефедов.

На площадках установлены пулеметы. У дороги залегли истребители танков. Теперь можно отправиться за соломой, чтобы приготовить теплый ночлег. Какое это наслаждение – лечь на сухую солому и вытянуть усталые ноги во всю длину!

Вот и ужин готов. С аппетитом прихлебывая из котелков дымящийся густой кулеш, бойцы делятся впечатлениями дня.

– Теперь надолго засели, – умиротворенно говорит боец Сапожников.

– Спешить некуда, – охотно поддерживает разговор второй номер пулеметного расчета Грицай.

– Можно и здесь встретить, – вскидывает гневные глаза пэтээровец Мамедов.

– А это как командование, – задумчиво вставляет Бережной.

– Почитать Совинформбюро не мешало бы, – мечтательно потягивается Грицай. – На Дону-то его крепко стукнули...

– На Кавказе ему не будет легче, – уверенно вставляет Мамедов, укладываясь на шуршащую, как водопад, постель. – Соснуть бы часок, ребята.

– Ладно, дрыхни, я подежурю, – разрешает Бережной. – Разбужу, когда надо будет. Командира роты в штаб вызвали. Наверно, опять тактические занятия будут.

Но боец Мамедов уже спит, уткнув лицо в пахнущую солнцем солому.

– Надоели мне эти тактические да практические игрушки начальства, – вдруг сердито заговорил Грицай. – Или я прицел не умею ставить? Может, ленту разучился продергивать? Отдыхали бы себе. Силы набирались.

– Верно, – добавляет молчавший до сих пор пулеметчик Сидоренко, принимаясь за котелок. Пока товарищи ужинали, он неподвижно сидел у станкового пулемета, зорко всматриваясь

в заданные ему ориентиры. — Только лаяться зачем? Или свою Груню вспомнил? — участливо замечает он.

Короток зимний день. Вот уж и ночь надвигается. Пора бы и на боковую, да вечерней поверки еще не было. А командира роты все нет и нет. Наконец, вместо лейтенанта в расположении роты появляется связной. «Еще лучше, — думают бойцы, — значит, поверки не будет, можно ложиться».

Запахавшийся связной объявляет приказ:

— Приготовиться к ночному маршу. Выступаем в 20.00.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — сокрушенно мотает головой Сидоренко. Уж кому-кому, а ему-то хорошо понятен смысл и значение ночного марш-броска. Недаром его, опытного солдата, прямо из госпиталя направили в этот полк. Значит, противник где-то совсем близко. — Одним словом, отоспались-отлежались, — уже более спокойно говорит он, поворачивая пулемет.

— Торопись, Грицай, бери коробки, зови остальных. Скоро нам предстоит хорошее дельце, — все больше возбуждаясь, говорит Грицай.

— Подкормился, отец? — участливо спрашивает молодой боец Рязанцев, видя, как тяжело поднимается первый номер из траншеи.

— Не в том дело, сынок. Окопчик жалко бросать. Сколько труда в него уложили.

— Готовый зайдем.

— Как бы не так.

— Да уж так.

— Ты о чем?

— О немцах.

— Ну?

— «Отошли на заранее подготовленные рубежи».

— Не врешь?

— В штабе слыхал, когда донесение носил.

— Отступают?

— Нет. Просто «отошли».

— Они — отошли, мы — пришли. На первый раз и это неплохо.

— Пойдем-ка в строй. Скоро выступаем.

Взвалив на плечи ствол, станок и другие части максима, пулеметчики решительно зашагали к выстраивающейся колонне батальона. Первым покидает окопы 3-й взвод первой роты. Ему нести боевое охранение. Через несколько минут весь батальон вытягивается вдоль подмерзшей дороги.

Шли медленно. Часто останавливались и подолгу стояли на месте. Бойцы дремали, опершись на стволы винтовок. Потом опять все приходило в движение. Но сон не уходил. Усталые бойцы спали не ходу, поминутно кивая головой. Хотелось пить, но воды не было. Приказ: на марше не пить. Некоторые не выдерживают. Первым выбегает из строя боец второго взвода Берсиев. Припав губами к луже, образовавшейся в колее из-под колес прошедшего орудия, он жадно пьет жидкую грязь. А через несколько минут батальон подходит к артезианским колодцам и останавливается на большой привал. Бойцы получают по кружке кипятку и наполняют фляги родниковой водой.

Перед рассветом батальон подошел к большому селу, но в него не вошел, а расположился в поле, заняв старые окопы и землянки. Выставив боевое охранение, батальон забылся в коротком сне.

На охапке соломы на доске, просто на голой земле, укрывшись плащ-палатками, прижавшись друг к другу по два, по три человека, крепко спали утомленные бойцы, впоследствии прославившиеся в веках бессмертным мужеством и героизмом свою социалистическую Родину.

До полудня бойцов не беспокоили, не было никаких приказов и распоряжений. Вычищенное оружие грелось на солнышке. Бойцы брились, мылись, приводили в порядок обувь и одежду, чинили снаряжение.

Пришло распоряжение отправить в хозвзвод людей для получения пайка. Вскоре каждый боец получил полбуханки хлеба, 10 сухарей, 50 г сахара, 2 пачки концентрата, 200 г колба-

сы, 2 селедки, коробку консервов – «НЗ», 50 г табаку, 200 г вина.

На другой день в пустом селе была устроена баня.

Бойцы получили теплое белье. Тревога и уныние некоторых бойцов сменились оживленной деятельностью. «Конец однообразным и утомительным переходам. Конец ожиданию неизвестного. Скоро, очень скоро мы сразимся с ненавистным врагом», – светилось в глазах каждого.

Но сразиться через день-два не пришлось. Враг начал пятиться назад, как раненый зверь, оставляя позади себя кровавый след. Бойцы шутили: «Гитлер стал воевать под новым лозунгом: „Вперед на Запад“».

Долго еще менял дислокации вновь сформированный в Дербенте батальон, следуя за перешедшими в наступление частями Красной армии и доучиваясь в третьем эшелоне.

Долгожданный день настал неожиданно.

Ночь выдалась темная, но звездная. Над головой непрерывно выли немецкие самолеты. В небо то и дело взвивались осветительные ракеты. Описав белую дугу, гасли, разбрасывая искры. На севере, западе и юге полыхали зарницы, выстрелов и пожаров. Со всех сторон доносились раскаты артиллерийской стрельбы. В частую стрельбу полковой артиллерии изредка, но методично втискивался рык корпусных орудий.

В расположении батальона то здесь, то там тускло вспыхивал луч электрического фонарика: шла передача резервного батальона полку действующей дивизии.

Отныне 1-й батальон 276-го ЗСП становился вторым батальоном 1373 стрелкового полка 416 сд 44-й армии.

Перестроившись в колонну по два, взвод за взводом уходил батальон по узкой тропинке на север. На этот раз идти пришлось недолго. Пройдя 7–8 километров, батальон вышел к склонам песчаных кучугур и занял исходное положение.

Курить и громко разговаривать запрещено. Приказано соблюдать полную тишину. Задача: атаковать противника и занять впереди лежащий населенный пункт. Я, командир второго

взвода шестой роты, тихо наставляю бойцов: «Главное — вперед. Не давай накрыть минометным огнем. Выходи из огня броском вперед. Только вперед. Там спасение и победа. Там слава. Помните: Родина-мать ждет нашей победы».

Задумались молодые бойцы. Не были они еще в бою. Я отхожу в сторону послушать тишину, осмыслить предстоящее. До слуха доносятся приглушенные голоса:

— А ведь командир-то наш, видать, бывалый, знает, что надо де-

лать в бою.

— Поэтому и спокойный.

— Послужишь ты столько — и ты будешь спокойный. Ему, по-ди, надоело беспокоиться. Старый уже.

— Какой же старый? Лет тридцать.

— Да уж не такой, как ты. Ты какого?

— 1924-го.

— Я тоже.

— Будем держаться командира. Куда он, туда мы.

— А если его убьют?

— Типун тебе на язык.

— Да я так... Все может случиться.

— Хоть бы скорей светало.

Я отошел подальше. Теперь шепота не слышно.

Можно было собраться с мыслями. «А если убьют?» — выплыл в сознании вопрос бойца, и холодные мурашки пробежали по спине. Тоскливо стало на душе. Сердце сжалось в тугой комок. Засосало где-то в груди, как при сильном голоде. Безотчетный страх охватил все существо. Кровь горячей волной ударила в голову, и я беспомощно посмотрел в ночное небо. А там по-прежнему беззаботно мигали мириады ярких звезд. Что там? Другие миры? Другая жизнь?

Минутная вспышка страха сменилась полным покоем. Спокойствие вернулось так же внезапно, как оно было нарушено. Опять легко стало на душе. Далекие воспоминания теплой волной обдали сознание. Перед мысленным взором всплыли золоти-

стые кудряшки Эммы, пухленькие ручонки Веры, бесконечно милые карие глаза жены.

«Нет, не время думать о себе! В меня верят мои бойцы. Они надеются на мой опыт. Очень хорошо. Я поведу в бой свой класс, своих бывших учеников. Какая разница? В прошлом году я был их классным руководителем, сейчас — руководителем на поле боя. Вот и будут нам всем госэкзамены. Милые дети. Они не знают, что их командир тоже первый раз идет в бой. „Старый. Под огнем был“. Под огнем, верно, был, а в атаку ходить не пришлось. Ну что ж. Так и быть. Придется показывать свой „опыт“. Главное — заставить себя первым броситься вперед. Я это сделаю. Эге, вот и восток светлеет. Скоро рассвет. Надо проверить, все ли в порядке...»

Поеживаясь от утренней свежести, я направился в расположение взвода. Некоторые бойцы уже успели вздремнуть и теперь разминали занемевшие ноги. Другие еще спали, приняв самые причудливые позы. Сидели, прислонившись спиной к песчаной стене и свесив на грудь голову. Лежали поодиночке, засунув под голову вещевой мешок и поджав ноги, или общей кучей, накрывшись плащ-палатками.

Вместе с утренним туманом вдоль батальонной цепи потянулся властный шепот: «Приготовиться! Атака без сигнала в 6.00. Вперед, за Родину!»

Бойцы густой волной лежат перед гребнем песчаной высоты, до боли в пальцах сжимая автоматы и винтовки. Без двух шесть. «Пора!» — раздается над ухом слово-выстрел, и пятьсот молодых, юных жизнью вихрем скатываются с высоты и стремительно несутся навстречу смерти и славе.

— Ур-ра-а! — взывает над головами мощный боевой клич пошедших в атаку русских солдат.

— А-а-а! — отзывается эхо над холмами и огненным шаром катится к немецким окопам и землянкам.

Целую минуту я ничего не слышу, кроме свиста ветра в ушах да порывистого дыхания бойцов, которые все больше жмутся ко мне.

Позади и слева взметнулись столбы огня, в лицо ударила волна вонючих газов. Я споткнулся о торчащую из лунки кочерыжку и упал лицом вниз, чувствуя, как уже падающего что-то тупо ударило по спине.

«Убит», — мелькнуло в голове. Кровавые круги заплясали перед глазами и потухли. Но что это? Сквозь визг разрывов я ясно различаю командирский голос: «Голубятников, бери левее!»

Оглянувшись, вижу, как с горы прямо на меня, потрясая над головой автоматом, бежит командир роты Вашук.

Сразу на сердце веселее стало.

— Вперед! — звонким голосом крикнул я лежащим рядом бойцам и, нажав на спусковой крючок ПЦД, побежал на маячивший слева ветряк, откуда градом сыпались вражеские мины.

Вот в нестройную трель автоматных очередей ровной строчкой врезались татакающие очереди грозных максимумов. Тише стало на поле боя. Затихли крики бегущих и стоны раненых. Реже стали разрываться мины. Вражеские цепи дрогнули и стали пятиться назад, пятная белесое поле грязно-зелеными неподвижными фигурками.

Не приняв рукопашного боя, фашисты стали отступать.

Пройдя населенный пункт, батальон занял вторую линию немецких окопов и стал приводить себя в порядок. Убитых было всего несколько человек. Раненых было много: все поле было усеяно белыми лентами бинтов.

Развязав вещевой меток, я пригласил ординарца закусить. Нашлась коробка мясных консервов, кусок хлеба, сухари, ординарец был пожилым человеком, обстрелянным воином. В его сумке оказались не только пакетик с сахаром, но и увесистый ломоть свиного сала. Обед получился бы на славу, если бы не минные осколки, которые в массе засели в хлебе и неприятно хрустели на зубах.

Результат осмотра вещмешка и обмундирования был весьма неутешительным. Они были основательно попорчены мелкими осколками, а по новой шинели лучами расходились длинные порезы от более крупных минных осколков. Особенно сильно по-

страдали книжки: боевой устав пехоты и наставления по стрелковому оружию были изодраны в клочья. Как ни жалко было, пришлось выбросить их из вещмешка. Были и приятные наблюдения: самые ценные вещи — бритва и толстое зеркало в деревянной оправе — оказались невредимыми. Льняное полотенце надежно защитило их от осколков.

— Хорошая примета, товарищ младший лейтенант, — доброжелательно замечает ординарец, аккуратно заворачивая в газету остатки обеда.

— Вы о чем?

— О зеркале. Целым осталось.

— Но лицо-то у меня не совсем целое...

— Ничего. Царапины на щеке уже подсохли и начинают заживать. Протрите спиртом еще раз. Вот только кровь на затылке сочтется. Это нехорошо.

— Придется перевязать.

— Приметы — слабая защита на войне.

— Вы в них не верите?

— Нет.

— Во что же верите?

— Сегодня поверил в смелость. Смелого человека даже мины не берут.

— Третий взвод сильно пострадал. Сам командир или убит, или тяжело ранен.

— Замешкались они немного. Он их и накрыл. Горькая наука.

— Жалко Мустафаева. Совсем молодой парень. Простой, добрый человек.

— Да вот и санинструктор идет. Сейчас узнаем. Эй, браток, подойди сюда. Что с младшим лейтенантом Мустафаевым? Он жив?

— Жив. Контужен. Заикаться стал. Врач говорит, что через два-три месяца вернется в строй.

— Спасибо, сержант. Вы куда держите путь?

— За водой.

— Пойдете вместе. Вдвоем веселей. Товарищ Беляев! Воды!

— Есть — добыть воды!

Ординарец подхватил два котелка и бегом направился к колодцу.

Так как командир 3-го взвода Мустафаев был ранен и контужен, его взвод, порядочно поредевший, был передан под мое командование.

Сделав ночной переход, батальон очутился у энской высоты, занятой немцами. Вечером в расположение батальона прибыл командир танкового отряда капитан Морозов, о легендарной храбрости которого давно уже ходили слухи.

Во всем кожаном, черный, плотный, среднего роста, с горячим блеском в серых глазах, капитан производил хорошее впечатление: уверенности и власти. В довольно суровых выражениях он разъяснил задачу батальона и танкового отряда, идущего на прорыв немецкой обороны.

— Предупреждаю: назад не оглядываться! Иначе плохо будет, — обвел он окружающих недобрым взглядом и повел к виллису.

Задача состояла в том, чтобы произвести в данном районе разведку боем и в случае удачи, развивая успех, занять впереди лежащую высоту.

Плохо спалось в эту ночь. Каждый думал о своем, но, в общем-то об одном: о матери, о молодой жене, на которую еще не успел насмотреться, о крошечном сыне с пухленькими ручонками, о дочке с большеглазой куклой в руках, о невесте — самой милой и красивой на свете!

— Как хороша была жизнь до войны! — негромко говорит Бережной, поворачиваясь на спину.

— Спи! Работенка предстоит, — приказывает Сидоренко.

Боец закрывает глаза и забывается...

...Слышится далекая музыка. О чем она? Ах да! Вальс-фантазия Чайковского. Зачем такая? Только грусть наводит.

— А это что подвывает? Понятно, понятно. Радиоприемник сбился с волны... О чем он бубнит?

— Ялдаш, командир! Ялдаш, командир!.. Проснитесь!

- Ты что, Габаев?!
- Фриц наступает!
- Поднимай бойцов!
- Они уже собираются.

Я отбрасываю шинель и, словно молодой барс, в два прыжка оказываюсь у станкового пулемета.

– Приготовиться к отбитию атаки! – приказываю сержантам.

Но бойцам и без приказа все ясно. Они знали, что, отбив атаку, они бросятся вперед и не остановятся до тех пор, пока не перевалят через высоту.

По брустверу чиркают и подсвистывают вражеские пули. Слева, в кукурузном поле, сплошная автоматная трескотня. Над головой с шипеньем и клеткотом проносятся снаряды. И ни одного близкого разрыва. Куда они стреляют? Или они разучились это делать?

Вдруг близ НП комбата к небу взмывает столб огня и черного дыма. «А-ах!» – глухо стонет земля. «Пи-и-и!» – противно ноют зазубренные осколки. «Пи-и-и-ть», – стонет раненный в грудь боец. Кругом снуют санитары с окровавленными носилками. «Отлично! Все в порядке, – удовлетворенно думаю. – Теперь я знаю, что мне делать».

Приходит приказ: «Резерву – вперед!»

– Короткими перебежками справа и слева по одному – вперед! – подал я команду.

Ружейно-пулеметный огонь усиливается, но бойцы не обращают на него внимания. Пригнувшись и сжав в руках винтовки, бегут и падают, выстрелив, встают и опять устремляются вперед. И уже не короткими, а длинными перебежками. Бегут до тех пор, пока вблизи не разорвется снаряд или мина. Разрывы мин и снарядов подгоняют бойцов. Я бегу впереди всех. Только на несколько шагов отстали Бережной и Габиев. Впритирку слева полыхает разгоряченное лицо ординарца Беляева. Я бросаю короткий взгляд назад.

В тридцати метрах бежит комбат Меликов, размахивая пистолетом. Вот он на секунду замирает на месте, а в следующее мгно-

вание во весь рост падает вниз лицом, распластав руки. Вороненый пистолет тускло загорается в застывшей руке. Уклоняясь от разрывов, я несколько забираю вправо. Туда же устремляется третье отделение. Но что это? В нескольких шагах позади промелькнули бледное лицо лежащего на спине лейтенанта Ващука и склоненная над ним головка федьшерицы Маруси. Пухлые губы у Маруси упрямо поджаты, как у обиженной школьницы.

— Ложись! — предостерегающе кричу я, падая на всем бегу в ямку от снаряда. Брызги осколков и камней с шумом проносятся над головой. Сквозь разноголосый хор боя вдруг глухо, но явно тявкнул тяжелый пулемет. В то же мгновение в синих глазах Маруси отразилось недоумение и она с криком: «Ой!» упала лицом вниз, прижимая ладонь к груди. Я кинулся на помощь. Взяв на руки, медленно понес драгоценную ношу к разрушенному немецкому блиндажу.

Прибежали санитары. Разрезали гимнастерку. Сердце молчало. Вражеская пуля попала в левую грудь и пронзила сердце. Еще одна молодая и прекрасная жизнь оборвалась на моих глазах. Проглотив ком, застрявший в горле, стиснув зубы, посылая короткие очереди, я размашисто шагаю вперед.

Вскоре около меня образовалась большая группа солдат. Некоторые из них были совсем незнакомыми. Я решил воспользоваться служившей ситуацией и повел бойцов под прикрытие танков. Здесь было еще хуже: оглушительно бухали пушки, но броне ливнем шипели пули и скрежетали осколки, раскаленные газы ели глаза. Танки елозили из стороны в сторону, но идти вперед не решались. Тогда я обогнал их и устремился с бойцами дальше.

Вот и траншеи. На мгновение мелькнули искаженные болью и страхом закопченные лица фашистов и растаяли в дыму. Окаменевшее сердце вдруг стало горячим. Всем существом почувствовалась приближающаяся долгожданная, как грозовая туча в душный июльский день, победа.

— За Родину! За Сталина! Ура-а-а! — радостно кричу я, посылая в окоп гранату. То же сделали бойцы. Завязалась рукопашная.

В ход было пущено все: штыки, приклады, малые лопаты, кулаки. Гитлеровцы отчаянно защищаются. Окопы никто из них не покидает.

Наоборот, из ходов сообщения выбегают все новые и новые солдаты.

Ощерив кривые зубы, на меня бросается рыжий верзила. У меня осталась только малая лопата, и я бью по занесенной руке и подхватываю падающий парабеллум. Покончив с немецким офицером, бросаюсь на выручку Габиеву, которого сбил с ног немецкий солдат и пытается пырнуть ножом. Поправляя ушанку, Габиев оправдывается:

– Поскользнулся. Грязь тут развезли...

Но закончить оправдательную фразу ему не удастся. Обернувшись на шум, он замечает, как раненый фашист целится из автомата. Он бросается на гитлеровца и бьет прикладом, но вражеский солдат успевает выстрелить. Моя левая рука немеет и начинает нестерпимо ныть, сердце пронизывают тысячи горячих игл, в голове гудят колокола.

Придя в себя, я вижу, что раненая рука перевязана и подвешена полотенцем к шее, а около гудящей головы хлопочет боец Назаров, накладывая бинт.

– Суший пустяк, товарищ командир, царапина, а не рана. Была бы кость цела, а мясо нарастет, – пробует шутить боец, а сам зорко посматривает по сторонам.

– Вот гад! – незлобно ругается Назаров. – Еще один ожил, – как бы про себя говорит он, отряхивая с ушанки землю.

– Сейчас мы это дело уладим, – уже более жестоко говорит боец и, подойдя к развилке хода сообщения, дает длинную очередь из автомата.

Вечерело. С запада ползла тяжелая туча. Она захватила широкую дугу небосклона и медленно заволакивала высоту, на которой еще продолжались схватки. Неподалеку чадили два догорающих немецких танка и один Т-34. Пологие скаты высоты были густо усеяны телами фашистов, обломками орудий, за-

рядными ящиками, исковерканными пулеметами, касками, котелками и другим военным хламом.

Меня лихорадило. Я обвел блуждающим взглядом местность, сжал в правой руке трофейный парабеллум и пошел, прихрамывая, туда, откуда доносились перестрелка и разноголосые крики.

Придя в себя, преодолевая головокружение, командир роты подползает к окопу, разворачивает брошенный фашистами тяжелый пулемет, минут пять возится около него и вдруг радостно улыбается: пулемет исправлен. Теперь дело за патронами.

– Неужели все израсходовали? – недовольно смотрит он вокруг и настораживается. – Стонет кто-то. Или почудилось?

– Это вы, лейтенант? – доносится хриплый голос из траншеи.

– Я, я! Давай сюда, – обрадовался Вашук.

– Ты что, застрял, что ли?

– Помогите ноги освободить, бревном придавило.

А через несколько минут командир роты Вашук, его ординарец Зиновьев и раненный в руку боец Новожилов, забравшись на высоту с отметкой 108, поливали из трофейного пулемета отступающего противника. Бойцы, наступавшие слева, удивлялись:

– Прямо чудо! Лай немецкий, а фашисты падают как подкошенные.

Высота, открывавшая путь на Моздок, была взята.

10. ПОСЛЕ БОЯ

Из санроты в санбат легкораненные шли пешком, тяжелораненых везли на лошадях. Палатки санбата белыми лебедями сидели в широкой, едва обозначенной ложине. Парусиновые стены шевелились от ветра. Кухня и хозяйственная часть разместили свои мешки в многочисленные ящики у развалин какого-то длинного здания, кирпичные стены которого уныло торчали среди голой степи.

Хозяйственники неумолимо суетились около своей мирной продукции: пересчитывали буханки серого хлеба, укладывали в ящики пачки драгоценных концентратов, взвешивали сахар и отпускали селедку и колбасу, варили кашу, кипятили воду, принимали и отправляли нескончаемые потоки грузов.

Сосновая смола, поджаренный лук, подгорелая корочка хлеба наполняли воздух упоительными запахами. Как милы сердцу все эти заботы мирной жизни и мирного труда! Неужели где-то есть мир? Неужели есть места, где над головой не шипят снаряды, не воют мины, в горло не лезет едкий дым, а люди всю ночь спят спокойно?

Тихо здесь, мирно. Только редкие стоны да проклятия, срывающиеся с губ лежащих раненых бойцов, напоминают, что время сейчас нежаркое.

Вот рослые санитары выносят из палатки носилки, накрытые серой шинелью.

— Отвоевался, бедняга! — с грустью говорит пожилой боец с забинтованной ногой, ни к кому не обращаясь.

— Не бедняга. Герой. Знамя на высоту поднял. Миной под ноги угодило, — возражает боец с перевязанной головой, сверкая одним синим глазом.

— Откуда знаешь?

— Видал, отец. Земляки мы. Из Преградного. Подгорным Андреем звали. Слышал о таком? Замечательным комбайнером был.

— Не слышал.

— Не здешний?

Пожилой боец вдруг беспокойно задвигался, пытаясь встать. К палатке задним ходом подавали студебекер. Молодой боец помог пожилому подняться на здоровую ногу, но тот, побледнев, безжизненно повис на руках молодого. Подоспевшие санитары уложили бойца на носилки и понесли к машине. Очнувшись от короткого обморока, боец поискал глазами нового друга и, увидев у борта машины одноглазое знакомое лицо, сказал заикаясь:

- Счастливо оставаться, сынок.
- Живы будем – увидимся, отец, поправляйся!

Последней поднимается в кузов медицинская сестра. Белая, молодая, подвижная.

– Поехали! – строго приказывает она, и огромный автомобиль плавно трогается с места. Впереди белой лентой вьется уходящая на восток грунтовая дорога.

Большой город Баку. Много в нем заводов, фабрик, мастерских и других промышленных предприятий. Десятки судов приходят и уходят из морского порта Баку. Не только нефть, но и воду везут из Баку в безводную пустыню Каракумы.

Жадно смотрят на советскую черную жемчужину завистливые соседи. Фонтаны «черного золота» слепят глаза незадачливым друзьям бесноватого фюрера. Так близко, совсем рядом, а не возьмешь. Город защищен. Вечером поднимаются, утром опускаются сотни аэростатов заграждения. Гудят над облаками неутомимые патрульные самолеты. За паутиной маскировочных сетей притаились, задрав вверх длинные клювы, зенитные орудия и спаренные пулеметы. Ждут: не появится ли в лазурном небе черный стервятник с желтым крестом?

Миллионный город советского Закавказья дышит полной грудью. Ни днем ни ночью не умолкает его ритмичный рабочий гул. Бензин и масла, продовольствие и обмундирование, оружие и боеприпасы нескончаемым потоком текут к фронту. «Все для фронта! Все для Победы!» – зовут и приказывают огненные слова Родины с заводских ворот и стен домов, из репродукторов и летучих собраний.

Из госпиталя я выписался в марте 1943 г. Новая серая шинель топорщится на похудевших плечах. Металлические кубики тускло зеленеют на защитных петлицах. Весь я, от новой серой ушанки до новых кирзовых сапог, туго затянутый широким желтым ремнем с двумя длинными зубьями, с коричневой планшеткой на узком ремешке через плечо, худощавый и строгий, с пристальным взглядом голубых глаз, был олицетворением советского война, уже прошедшего первое испытание.

Спокойно и уверенно шел я по улице большого города, приветствуя «под козырек» встречаемых офицеров и отвечая на приветствия бойцов.

Вид золотых погонов на плечах командиров Красной армии вызывал смешанное чувство: восхищение и недоверие. «С одной стороны, — думая я, — это взятие на вооружение боевых традиций героической русской армии. Возрождение памяти о подвигах Александра Невского, Кутузова, Багратиона, Нахимова. С другой — Деникин и другие белогвардейцы. Неувязка какая-то. Не назовут ли „золотопогонниками“ бывшие красные партизаны тех, кому посчастливится живыми остаться?»

На вокзале нашлись попутчики. В распоряжение ЗакВО ехало много выздоравливающих офицеров. Разговорились.

— Вы из какой?

— 416-й.

— Однополчане. Когда из части?

— 22 декабря.

— Новенький. Я ноябрьский. Высоту взяли?

— Взяли.

— Вам повезло. Мы почти месяц топталась около неё.

— Орджоникидзевская помогла.

— Слыхал. Напористый народ оказался.

— Если бы не они, загорать бы вам до Нового года. Ну что же, младший лейтенант, давайте знакомиться.

— Баженов! — отрекомендовался краснощекий старший лейтенант, беря под козырек и ловко прищелкивая каблукими. — Токарь!

— Голубятников. Бывший учитель! — в тон отвечаю я.

Мы пожали друг другу руки.

— Я ведь тоже не кадровый офицер, — весело улыбается Баженов. — Токарь-минометчик, учитель-пулеметчик, агроном-артиллерист. Вторые специальности ребята приобрели, — весело шутит Беликов.

— Живы будем, овладеем и третьими...

В Тбилиси поезд прибыл на рассвете.

В отдел кадров идти было рано, и мы отправились осматривать город. Приятное впечатление произвел проспект Шота Руставели: широкий, чистый, зеленый, застроенный новыми многоэтажными зданиями.

Хороша и улица Герцена с её многочисленными магазинами. На многолюдном базаре чего только нет: и белоснежные лавашы, и румяные чуреки, грецкие и волошские орехи, сахаристая хурма, сухие лепешки сыра, вино всех цветов и сортов, пиво и много другой всякой снеди и питья.

После завтрака в соседнем ресторане я спросил товарища:

– А не пора ли нам отправиться к месту назначения?

– А не его уже получили?

– Нет.

– Так куда же торопиться?

– Но ведь мы направлены в распоряжение отдела кадров ЗакВО! – возмущаюсь я насмешливым тоном приятеля.

– Молодой человек! – с деланным пафосом произносит Баженов. – Вы совсем невинное дитя. Покажите мне ваше предписание.

– Пожалуйста.

– Вы грамотный?

– Читаю и перевожу.

– По-французски?

– По-немецки.

– Оно и видно. Читайте!

– «Явиться в распоряжение отдела кадров ЗакВО 24 марта 1943».

– А сегодня?

– 20 марта.

– Куда же вы спешите?

– Да ведь кто его знает... собственно, я об этом не подумал.

– О чем же вы думали? О молодой жене?

– Вы правы. Именно о ней я сейчас вспомнил.

– Вы о ней и не забывали.

– Да. Редкие минуты не думаю я о ней, хорошая она у меня.

- У кого же в такое время плохая жена?
 - Моя особенная.
 - Возможно.
 - Но куда же нам, однако, деваться? Не мешало бы отдохнуть с дороги.
 - Об этом не беспокойтесь. Положитесь на мое умение добывать квартиры. Пошли. Сведу вас к одной милой хозяйшке.
 - Смотрите, не придумайте что-нибудь...
 - Да уж будьте покойны. Есть у меня адресок от товарища по госпиталю. Хорошая семья. Еще квартал, и будем дома.
- Действительно, пройдя базарную площадь и обогнув длинное красно-кирпичное здание, мы очутились около больших железных ворот с необходимой надписью.

В семье рабочего тбилисского авиационного завода Василия Васильевича Подгорного, находящегося на излечении в бакинском эвакогоспитале, нас приняли хорошо.

Мария Ивановна, женщина уже немолодая, была общительной женщиной и заботливой хозяйкой. Вернувшись с работы (работала она в швейной мастерской), Мария Ивановна прежде всего спросила нас, сыты ли мы. Получив положительный ответ, принялась хлопотать по дому: готовить обед, прибираться в комнатах, готовить белье к стирке.

Вскоре с работы пришла их дочь Наташа. Ей было 18 лет, но она уже второй год работала на авиационном заводе. Девушка была хорошо сложена и недурна собой. Старший лейтенант сделал было попытку занять девушку веселыми рассказами, но она такими строгими, полными укоризны глазами посмотрела на рассказчика, что тот быстро смолк и переменял тему разговора. С работы девушка возвращалась очень поздно, поэтому мы мало видели её. Однако всякий раз, заслышав её шаги в коридоре, старший лейтенант вскакивал со стула, одергивал гимнастерку, поправлял портупею и вытягивался. Казалось, вот-вот щелкнет он каблуками и, приложив руку к козырьку, отрапортует: «Товарищ полковник! За время моего дежурства ничего чрезвычайного не произошло. Подразделение отдыхает. Дежурный

по части старший лейтенант Баженов». Наташа бесшумно, как летучая мышь, пропорхает в свою комнатку через «мужскую» и все остается по-старому.

24 марта Наташа на завод не пошла: была выходная. Включив электрический утюг, с самого утра гладила белье. Мы укладывали вещи. С этой несложной процедурой я быстро управился и сидел у окна с газетой в руках. Баженов же в третий раз принялся перекладывать стопку белья.

– Не философский ли камень ищите вы в своих вещах, товарищ старший лейтенант? – спрашиваю я.

– Нет. Я ищу более доброго и чуткого товарища.

– Может быть, вам погладить что-нибудь? – обращается Наташа к Балашову.

– Погладьте, пожалуйста, вот эти подворотнички, – протягивает Баженов девушке стопку белоснежных лоскутков, не смея поднять на неё смущенного лица.

Девушка протягивает руку и чувствует, как горячая ладонь офицера ласково и нежно ложится на её плечо.

Глаза встретились: серые, требовательные, зовущие – у мужчины; карие, смущенные, как бы опрашивающие: а вы не обманете?

Я положил на стул вещмешок и сказал, направляясь к двери:

– Совсем было забыл. Мне ведь к сапожнику зайти необходимо.

– Не задерживайся долго! – весело крикнул мне вдогонку Баженов.

«Как я не мог догадаться раньше? Действительно, „нечуткий товарищ“, – размышлял я, шагая по улице к парфюмерному магазину.

11. РОЖДЕНИЕ МУЖЕСТВА

В отделе кадров ЗакВО мы с Баженовым оказались не единственными. Назначения ожидали сотни офицеров: от младшего лейтенанта до майоре включительно. Здесь были общежитие,

столовая, склады и прочие службы материального обеспечения. Занятия проходили интересно, в свободное время можно было сразиться в шахматы или домино, почитать газеты, журналы. Кажалось, чего тебе еще надо? Живи и ожидай конца войны. Но нет. Большинство офицеров требовали немедленной отправки в действующую армию.

Как-то, разговорившись, спросил своего нового знакомого:

– Скажите, капитан, почему вы настаиваете на немедленной отправке вас на фронт? Разве там лучше?

– Ты чудак, младший лейтенант! – рассмеялся капитан. – Во-первых, врага надо бить. Я с ним еще не рассчитался. Во-вторых, мне дадут батальон, и я буду сам себе хозяин. А тут кто я? – резко спросил он и пытливо посмотрел мне в глаза. Глаза его были серые и холодные. И я подумал: «Таким в тылу делать нечего. Они из нержавеющей стали сделаны...»

Нас с Баженовым отдел кадров направил на курсы «Выстрел». Филиал Высших стрелковых курсов был отличным учебным заведением. Дело здесь было поставлено научно, строго, просто. Отличная материальная база, прекрасный преподавательский состав, атмосфера разумной требовательности располагали к добросовестной учебе. Знание физики, математики, основ марксизма-ленинизма помогли мне быстро и в совершенстве овладеть стрелковым оружием и тактикой наступательного боя роты.

Обучение длилось три месяца. Курсы я окончил с отличием. Потом я прошел двухмесячные сборы начальников снайперских команд. За пять месяцев я отлично овладел не только отечественным стрелковым оружием, но и оружием противника. Из немецких, иранских, турецких станковых пулеметов я мог попадать в цель даже ночью.

Наступило время, когда я почувствовал, что созрел для грамотного ведения боя. И когда на смотре курсов мне было поручено отдать точно по уставу команду для движения полка, то я так заливисто и длинно прокричал с виллиса нужную команду, что стоявший позади проверяющий генерал-лейтенант сказал, крякнув, адъютанту:

— Хорошо командует. В приказ!

А я с минуту стоял, очарованный красотой слаженного движения сотен вооруженных людей, и думал: «Неужели это движение началось по моей воле?» И тут я услышал негромкий, но властный голос:

— Лейтенант, станьте в строй!

Тогда я понял, что все это всего-навсего ученье, что отданная мной команда не что иное, как громко произнесенные мной строчки из строевого устава. Но этим открытием я не был разочарован. Пережитая минута вдохновения осталась в памяти на всю жизнь.

Пройдя поэтапно несколько отдельных полков резерва офицерского состава, в октябре 1943 года я попал на предназначенное мне место — в 311-й Гвардейский стрелковый полк 108-й Гвардейской стрелковой дивизии 10-го Гвардейского корпуса 44-й армии.

Едва мы, трое лейтенантов, приблизились к землянке командира полка, как навстречу нам выбежал молодой капитан и крикнул:

— Командиры рот?

— Так точно, товарищ капитан! — дружно подбросили мы ладони к шпакам, щелкнув каблуками. — Прибыли командовать ротами!

— Первое: на передовой — без форса. Второе: в ваших ротах нет офицеров. Третье: подучите связных — и по местам.

До командного пункта батальона ничего примечательного не было, бежали вдоль лесной полосы, не обращая внимания на редкие разрывы крупнокалиберных снарядов.

Встреча с командиром батальона капитаном Зубенко была еще более краткой. Едва я поднял руку для приветствия, как он недовольно сказал:

— Без доклада! Я проинформирован. Берите связного — и в 71-ю роту.

Позже мне стало известно, что пока мы, выпускники «Выстрела», на попутном транспорте двигались к месту службы, впе-

реди нас по линиям электрической связи уже летели наши характеристики и приказы о назначении.

Прыгая через обгорелые трупы немцев, оскаливших зубы, и лужи крови, смешанной с машинным маслом, огибая подбитые немецкие и наши танки, мы во весь дух бежали со связным к «себе» в роту.

В блиндаж мы свалились вовремя, так как в следующую секунду раздался оглушительный взрыв крупнокалиберной мины и мы лишилась части перекрытия, но сохранили головы. А сейчас это для роты было самое главное. Как и положено в таких случаях, связист отпустил крепкое словцо и полез восстанавливать крышу.

— Кто здесь старший? — резко спросил я, отряхивая шапку и злясь, что никто не встал для приветствия командира роты.

Взгляды присутствующих были хмурые и недовольные, как будто я был непосредственным виновником разорвавшейся мины, испортившей перекрытие блиндажа. Впрочем, позже ординарец Бельский так и сказал:

— Если бы не ваше появление в расположении роты, фашисты не стали бы обстреливать нас из «Ванюши».

Но это было потом. А сейчас мне нужно найти старшего.

— Я старший, товарищ лейтенант, — нехотя отзывается рослый сержант с перевязанной головой.

— Списки! Боевой расчет! Живо! — кипело у меня внутри все при виде подавленного состояния окружающих.

«Нет, друзья, так дело не пойдет», — продолжал негодовать я про себя. Мне, свежему человеку, трудно было понять тогда состояние гвардейцев. Я не знал, что во вчерашнем тяжелом бою, в котором участвовали десятки танков, погибли все офицеры и три четверти бойцов, что оставшиеся в живых советские воины не только смертельно устали, но и глубоко переживают гибель товарищей.

— Вот боевой расчет, товарищ лейтенант, — добродушно говорит пожилой солдат, протягивая небольшой листок бумаги, — а вода в котелке. Я ваш ординарец Бельский.

– Благодарю вас, товарищ Бельский. А где писарь?
– Филатова комбат вызвал.
– Противник далеко?
– В посадке окопался. Метров двести.
– Противника надо отогнать. Иначе спать не даст.
– Мало нас, – нерешительно возражает сержант Бондарь, а про себя подумал: «Дельное предложение».

– Как мало? Вы шутите, сержант? 30 гвардейцев-героев – немало. Пойдемте роту принимать.

– Солдаты в барсучьи норы попрятались. Обстрел продолжается, ползти придется, – отговаривает сержант.

– Ладно, поползли!

Но ползти не хотелось. Тем более пачкать новую шинель. Поэтому мы передвигались от норы к норе, от ямки к ямке короткими перебежками. Достигнув окопчика на 3–4 человека, я говорил одно и то же:

– Я командир роты лейтенант Голубятников. Запомните лицо. С наступлением темноты пойдем в атаку. По свистку. Наблюдайте и слушайте. Ужинать и ночевать будем в немецких окопах.

На всякий случай я предупредил комбата по телефону, что решил улучшить свои позиции.

– Действуй по своему усмотрению! – был ответ.

Чтобы отвлечь внимание противника, я попросил командира батареи противотанковых пушек дать несколько залпов по лесополосе. Артиллеристы – народ отзывчивый. Не прошло и пяти минут, как дружно захлопали «сорокапятки» и в лесополосе вспыхнул пожар. В ответ полетели немецкие снаряды. Гвардейцы незамеченными заняли новые позиции.

Вместе с раненым командиром пулеметной роты лейтенантом Уховым мы перетасчили два станковых пулемета на самый левый фланг и залегли у своих максимов. По условленному сигналу гвардейцы бросились вперед. В то же мгновение дружно и уверенно застрочили наши пулеметы. Застигнутые врасплох гитлеровцы растерялись: одни из них выскакивали из окопов и падали, срезанные пулеметной очередью, другие метались

по ходам сообщения, пока не настигала их ручная граната или автоматная очередь. Боясь преследования, гитлеровцы оставили вторую линию окопов и отошли к укрепленному хутору Коханому, расположенному в километре от потерянных позиций.

Воспользовавшись ночным переполохом, улучшили позиции и другие роты третьего батальона. Седьмая рота захватила богатые трофеи: три пулемета, около 50 автоматов, несколько сот ручных гранат, большое количество боеприпасов, несколько ящиков с шоколадом и галетами, несколько пластмассовых баночек с украинским сливочным маслом.

Поблагодарив гвардейцев за образцовое выполнение боевой задачи, я приказал всем после ужина спать, кроме сторожевой заставы, состоящей из двух бойцов, и пулеметного расчета, первым номером которого я назначил себя.

Глубокой ночью раздался телефонный звонок. Хриплым голосом комбат спросил:

– Как дела, лейтенант?

– Утром присылайте связного за голландским шоколадом.

Пару парабеллумов могу подарить.

– Не врешь, академик? – усомнился капитан.

– Докладываю: лесополоса наша. Мы в немецких окопах.

Противник отошел к хутору Коханому. Подробности – утром.

– Поздравляю. Подежурь ночью сам. Утром пришлю подмену.

– Благодарю, товарищ капитан.

– Будь!

К станковым пулеметам я так привык, что почти не расставался с ними. При любой возможности я ложился/становился за пулемет и вел прицельный огонь. Какой бы пулемет ни попал мне в руки, станковый, турельный, снятый с подбитого самолета, наш или противника, я уверенно брал его за хобот и поворачивал в сторону врага. Через минуту-две он уже строчил не хуже ножной машинки «Зингер». Иногда мне казалось, что трофейный пулемет боится меня и поджимает хвост, как трусливая собака при виде палки в руках человека.

И, уверовав в свой талант, я так спокойно и метко вел огонь, что наводил на фашистов суеверный ужас. Об этом рассказал нам один из пленных — Дитрих. Легенда о неотразимом пулеметчике шла по пятам. Даже после окончания войны, когда я был инвалидом и ходил на костылях, меня продолжали называть пулеметным асом и просили позаниматься с допризывниками.

В 103-й дивизии я пробыл недолго, был ранен немецким снайпером, который, по-видимому, охотился за мной и, наконец, засек.

Пуля пробила правый погон и прошла через мякотную часть лопатки. Снайпер целился в голову. И не его вина, что пуля не попала в десятку. Наблюдая в бинокль за противником, я слегка отклонился влево. Этим, по-видимому, и объясняется неточность попадания.

Опускаясь в окоп, я подумал: «Надо лучше маскироваться, гитлеровцы решили отомстить за ночное поражение». Выбыл я из гвардейского соединения, не увидав ни командира дивизии Дунаева, ни заместителя по политической части Кукса, а так хотелось! Ведь это были отличные командиры.

После выздоровления так же, как и в первый раз, переходя из одного офицерского полка резерва в другой, я добрался до нового места назначения.

Славинско-Кировоградская стрелковая дивизия входила в 33-й стрелковый корпус 7-й Гвардейской армии 2-го Украинского фронта, которым вначале командовал генерал армии Конев, потом маршал Малиновский. Дивизией командовал полковник Ковтун-Станкевич, корпусом — генерал-лейтенант Сайфулин, армией — генерал-полковник Шумилов.

Не знаю почему, но роту я принимал и сдавал несколько раз. После освобождения какого-либо села мы пополняли свои подразделения за счет добровольцев. Моя рота доходила до 250 человек. Летом 1944 года я командовал 4-й ротой 2-го батальона 1059-го стрелкового полка.

Командирами соседних рот были лейтенант Ковалев и старший лейтенант Кривоспицкий. Полком командовал майор

Дроган. Должность начальника штаба полка выполняли капитан Баскин и Королев. Парторгом полка был старший лейтенант Поляков. Со старшим комсоставом я встречался мало, поэтому плохо знаю, что это за люди. Что касается младших офицеров, то это были прекрасные люди: простые, добрые, внимательные. Несмотря на расхождения во взглядах на тактику боя, мы с командиром батальона старшим лейтенантом Пикало были в хороших отношениях. Когда речь зашла о поступлении в кандидаты членов партии, то комбат Пикало и его боевые помощники – заместитель по строевой части лейтенант Бажиков и парторг лейтенант Кургунцев, сами предложили стать моими поручителями.

Погода на войне играет важную роль. Она может облегчить и затруднить ведение боевых действий. Особенно плохо я переносил зимние холода. Завалит окопы снегом, вот и окапывайся тогда. Были случаи, когда под снегом солдаты засыпали навсегда.

Ранней весной тоже нелегко: разнесло, дороги развезло, машины стоят, танки буксуют, боеприпасов не хватает, одежда грязная и мокрая. То ли дело летом: теплота, сухота, красота! Настроение бодрое! Ни тени страха!

Дивизия брошена на прорыв. На сближение с противником идем короткими перебежками. Привычная обстановка: снаряды рвутся позади, мины – впереди. На пулеметный огонь никто не обращает внимания. Вперед! Только вперед! Там победа и слава.

Вот и мышевидные фигурки замаячили в ходах сообщения. Только бы достать гранатой.

– Ур-ра-а! – неистово кричу я, выпучив глаза, и швыряю гранату в пожелтевший куст, выплывший перед глазами. Вместе с ослепительной вспышкой и визгом осколков раздается крик боли и отчаяния, и к моим ногам катится изуродованная немецкая каска.

Едва мы, первый взвод, врываемся в немецкие окопы, как до слуха доносится противный рокот моторов и лязганье гусе-

ниц. От населенного пункта на большой скорости идут танки. Положение складывалось явно не в нашу пользу.

«Что же молчат наш противотанковые орудия?» — недоумеваю я, и на душе становится нестерпимо тоскливо. Вдруг позади и справа что-то на очень высокой ноте взвизгивает и обдаёт жаром. Впереди слышится скрежет раздираемого на части огромного листа железа и раздаётся взрыв чудовищной силы. Вскочив на ноги и бросив беглый взгляд направо и налево, я успокаиваюсь: солдаты уже вставляют запалы в противотанковые гранаты.

Несколько десятков танков противника было уничтожено бронебойками и реактивными снарядами, два — гранатами. Но одному удалось достигнуть окопов, и он с минуту утешил их, давая солдат, не проявивших достаточного мужества для поражения танка гранатами.

А «тигр» как ни в чем не бывало выходит к обрыву и открывает огонь по артиллерийским установкам и командному пункту полка, расположенным на открытой поляне. Для полка создается опасная ситуация.

- Лауш! Бутылки! Гранаты!
- Понял, товарищ командир.
- За мной!

Обдирая руки и колени о колючий кустарник, скрываясь в высокой траве, мы торопливо ползем к гудящему, как пустая цистерна, стальному чудовищу. Дальше нельзя. До танка метров двадцать, и трава поредела.

- Делай, как я! — кричу на ухо ординарцу.

Лауш кивает головой: «Понял».

Бросаю бутылку с зажигательной смесью, потом гранату. То же делает Лауш. Пригнувшись, бежим назад и катимся с обрыва, цепляясь за ветви и корни дерева.

Раздается взрыв, и мы вместе с обвалившимся грунтом сползаем на дно впадины. Оглушенные и помятые, несколько минут лежим без сознания. А нас уже разыскивают товарищи. Найдя, хлещут по щекам и льют в рот спирт, чтобы очнулись. Вскоре нас на виллисе доставляют в штаб полка. За столом ко-

мандир дивизии и начальник политотдела, у двери — командир полка.

— Полюбуйтесь, майор, — сердито говорит полковник Ковтун-Станкевич.

Я смотрю на полковника и замечаю, что выражение его глаз совершенно не соответствует тону: они смеются.

— Что будем с ними делать? Ведь явное самовольство! Бросить роту и отправиться с связным в единоборство с тяжелым танком. Мальчишество! Донкихотство! — начинает распалаться командир.

— Я оставил заместителя.

— Он еще и возражает! Посмотри в зеркало, на кого ты, лейтенант, похож?

Я мельком взглянул в зеркало и ужаснулся. Лицо в крови и ссадинах, левый глаз полузакрыт, обмундирование изодрано. Ни дать ни взять — уркач после пьяной драки. Не лучший вид и у ординарца, который устало опустил руки по швам и безучастно смотрит в окно.

Что предлагает начальник политотдела? — повторил вопрос комдив.

— Объявить устный выговор.

— И все?

— Выдать по ордену.

— Дельное предложение! Командир полка не возражает? Ладно! Давай, майор, наградные листы, подпишу! А теперь отправляйтесь в санбат на двое суток. Все распоряжения даны.

Мы поблагодарили комдива и бегом отправляемся в санбат для приведения себя в порядок и ремонта.

О начальнике политотдела дивизии полковнике Гальперине у меня осталось самое теплое воспоминание. Я был на КП батальона. Приехал Гальперин и спрашивает:

— Товарищ Голубятников, почему вы не состоите в партии?

— Не чувствую себя достаточно подготовленным, товарищ полковник.

— Командование хорошего мнения о вас.

- Благодарю вас, товарищ полковник. Это меняет дело.
- Почему мы стоим? Давайте присядем и обсудим вопрос по-товарищески, – говорит Гальперин и направляется к ящикам от снарядов.
- Вас, по-видимому, удерживает отсутствие поручителей? Не так ли? – продолжает Гальперин.
- Да, вы правы. Это – главная причина.
- Понятно. Мы вам поможем. Передайте привет Евдокии Петровне и от меня. Пока письменно, конечно.
- Вы знаете мою семью?
- Относительно. Без этого нам нельзя.
- Попрощался и уехал на виллисе.
- А я долго еще стоял у блиндажа, пытаюсь глубже понять то, что произошло минуту назад.

«Так вот они какие, настоящие коммунисты, – восхищенно думал я о полковнике Гальперине. – Видят в человеке человека. Доверяют человеку, потому что верят в него». Я достал из планшета листок бумаги и написал заявление. Подошел фотокорреспондент и сфотографировал у двери землянки. Вечером комбат Пикало крепко жал руку, поздравляя с приемом в кандидаты членов Коммунистической партии, а на следующий день во время атаки я был тяжело ранен осколком снаряда.

12. ФРОНТОВАЯ НОЧЬ

Я возвращался из штаба батальона, когда в ночном небе хлопнула осветительная ракета и белым шаром повисла над головой. Падая в придорожный кювет, подумал: «Не везет мне сегодня. Из бани да в яму». Снаряды шипели и шипели, как голодные шакалы. Израсходовав запланированное количество боеприпасов, гитлеровцы замолчали.

Я поднялся и осмотрелся. Слева чернела широкая гладь огромного озера, а впереди, на излучине водоема, смутно проступал силуэт поселка Форешчий. Оттуда доносился ленивый лай собак и приглушенные голоса. Прижимаясь к темной кромке

лесной полосы, я направился к большому строению, чтобы по пути лично уточнить обстановку. На досуге я изучал румынский язык и теперь решил воспользоваться им.

Вдруг вдали возникла песня. Она то взмывала к облакам, то замирала у самой земли, чтобы с новой силой устремиться ввысь. «Какое высокое сопрано, — подумал я, еще не понимая, что так глубоко встревожило меня.

— Раненая орлица упала со скалы в глубокое ущелье и бьет-ся крыльями о камни, тщетно пытаясь взлететь. Чувствуя, что силы её покидают, посылает прощальный взгляд на скалу, где приютились её дети, — рыдал чистый, как совесть младенца, голос.

Взволнованный безысходной тоской и болью, переполнявшими сердце женщины, я ускорил шаги. Песня внезапно оборвалась, и впереди промелькнуло человеческая фигура.

Подходя к строению, я услышал равномерное постукивание пальцев и страстный шепот румынской речи. Потянув за ручку, я очутился в обширном помещении, слабо освещенном керосиновым фонарем, подвешенным к потолочной балке.

Я увидел молодую женщину. Она стояла у мешков с зерном. В её настороженных глазах можно было прочесть все, что творилось сейчас в её душе: смятение, боль, надежду.

— Это вы пели? — обратился я к женщине.

— Да, господин офицер.

— Как вас зовут?

— Елена Бордияну.

— Меня зовут Николай Голубятников. Но почему вы так пели?

— Это такая песня. Может быть... Но я знаю и веселые песни, — заволновалась женщина. — Если угодно господину офицеру...

И вдруг у меня рождается идея: не пригласить ли женщину в роту.

— У меня к вам есть просьба, — как можно мягче говорю я, пытливо всматриваясь в шоколадно-нежные глаза румынской мадонны. — Не могли бы вы выступить перед советскими воинами? Ваше чудесное пение принесло бы им большую радость.

На смуглых щечках женщины вспыхивает яркий румянец, но она быстро овладевает собой и спокойно отвечает:

– Я согласна. У вас есть музыкант?

Сказала просто, без рисовки.

– Есть баянист. А почему вы здесь? Вы здесь работаете?

– Я привезла молоть зерно. У меня двое маленьких детей.

Они просят есть, а муки нет, немцы забрали.

– Когда привезли?

– Днем... На тачке.

– Где ваши мешки?

– Вот они, – сказала женщина, нежно поглаживая загорелой рукой гармошки двух пузатых чувалов.

Бородатый мельник, сидевший на ящике, и молодой старшина, вышедший из-за закровов, молча наблюдали за нами. «Интересно, что будет?»

Я шагнул к ним:

– Чей заказ выполняете, товарищ старшина?

– Дивизии.

– Ну и как?

– К утру будет выполнен. Зерно кончается.

– У вас, старшина, дочка в какой класс ходит?

– Не дочка, а сын Васятка, товарищ лейтенант. В третий перешел. Вот он у меня какой, – весело крикнул старшина и, резко повернувшись к мельнику, скомандовал: – А ну, браток, поддай! – Высыпая кукурузу в бункер, добавил: – Для детей вне очереди!

– Вы на чем приехали старшина?

– На «газоне». Могу подбросить, товарищ лейтенант...

Дети уже спали. Кроватью им служила широкая деревянная скамья, покрытая кошмой. На бледных щечках трехлетней девочки еще блестели капельки слез. Она лежала в обнимку с пятилетним братишкой. Видно, страшно им было одним. Братик успокаивал сестричку, да так и уснули, прижавшись друг к другу, не дождавшись мамы.

Я осторожно погладил по головке спящих детей и направился к выходу. Мать стояла у скамьи, устало опустив руки.

На другой день она приехала с двумя подружками в роту и исполнила несколько лирических песен. Аккомпанировал на баяне санинструктор Бендовский. Вначале робко, неуверенно. Но вскоре он разгадал несложную композицию трио и так увлекся, что стал забегать вперед, чем вызвал смех и веселые реплики товарищей. Выступление всем понравилось, артистов наградили дружными аплодисментами и просили выступить еще.

Румынские женщины увезли от щедрых слушателей целую кучу подарков: туалетное мыло, зеркальца, карамель...

Летний день быстро угасал. На смену жаркому солнцу выпали мириады мигающих звезд и спокойных планет. Воздух стал наполняться гаммой ночных звуков и запахов. Разостлав плащ-палатку в неглубоком окопчике-ячейке за бруствером, я стал слушать ночь.

Вокруг так было мирно и красиво, что военные заботы отошли куда-то в сторону, как бы спрятались за угол каменной стены и всплыли воспоминаниями о доме, о мирной жизни.

Вдруг за лесом взметнулось огромное пламя и вздрогнула земля. Послышалось несколько мощных взрывов. Крикнув на ходу командиру первого взвода младшему лейтенанту Тараненко: «Остаетесь за меня, скоро вернусь», я побежал вдоль озера к темневшим на пригорке строениям.

Вот и знакомая хата. Я рванул ручку, и дверь с треском распахнулась. Сопровождаемый гулом авиационных моторов и светом взрывов, шагнул в черный проем.

– Че дорици, офицер? – испуганно спросила женщина /1/.

– Берите детей и за мной. Скорей!

– Нушту русеште! Унде? Пентру? /2/, – растерялась женщина.

– Интерзис! Калька! Ла штынга! – резко приказал я /3/.

– Бине, офицер, – заторопилась женщина, подталкивая детей к выходу /4/.

Едва мы свалились в траншею, как позади раздался новый взрыв. Над головой затрещала трава, и от едкого дыма стало

трудно дышать. Потом с озера набежал ветерок, дым рассеялся. Все увидели, как схваченный лучами прожекторов вражеский самолет кувыркается в черном небе, как рухнул он на прибрежный песок, извергая протуберанцы пламени и корчась в предсмертной агонии. Зенитки умолкли. Наступила тишина.

Примечание:

1. Че дорицы — что вам угодно?
2. Нушту русеште — не понимаю по-русски.
3. Унде? — куда?
4. Пентру? — за что это?
5. Ингерзист — приказываю.
6. Калька — шагай.
7. Лаштынга — налево.
8. Бине — хорошо.

Когда мы с Еленой и детьми вышли из укрытия, то не узнали места, где стояла хата. Там зияла огромная яма. Из темноты доносились голоса и тусклое мигание фонарей.

— Здесь нам делать нечего, идемте, — сказал я, беря на руки девочку. Скоро мы вошли во двор мельницы. Здесь размещался взвод связи. Елену с детьми я поместил в небольшой комнатке сторожа. Положив на стол буханку хлеба и две банки консервов, позаимствованные у старшины, и пообещав навестить семью через два-три дня, я вышел из сторожки и через несколько минут был в своем блиндаже...

Елена лежала и не могла уснуть. Сердце ныло от непонятной тоски и тревоги. «Матерь Божия», — прошептала она, — к чему такая боль?» Поправив пальто, которым были прикрыты дети, Елена набросила на плечи платок и торопливо вышла во двор. Потом, подгоняемая нарастающей тревогой, побежала.

В бескрайней глади озера купались мириады мерцающих звезд. В высокой траве и на деревьях звенело, трещало, ухало, стрекотало. Воздух был наполнен ароматом зноя и разнотравья.

— Унде доамнэ? — неожиданно раздается глухой, но грозный окрик /9/.

Елена вздрагивает и останавливается. Перед ней стоит высокий солдат с немецким автоматом.

— Че дорицы? — повторяет он вопрос, щелкнув затвором /10/.

Взгляд солдата пылливый, строгий, но не враждебный.

Елене даже показалось, что советский солдат смотрит на нее сочувственно, как бы говоря: «Что тебя, женщина, привело сюда ночью, что случилось?»

— Офицер голубь... Бунэ господарь /11/.

— Господарь отдыхает. Устал он. — Помедлив, солдат спросил пространство: — Буячак, что будем делать?

— Отведи к лейтенанту. Да посматривай! — донеслось из темноты.

— Дошли, — шевельнул солдат автоматом.

Сквозь сон я почувствовал движение людей и открыл глаза. Передо мной стояли Елена и солдат Барановский.

— У заставы задержали. Вас спрашивала, товарищ лейтенант.

— Возвращайтесь, товарищ Барановский. Женщина останется здесь.

— Я не могла ждать, — мешая румынские и русские слова, заговорила Елена. — Я думала о вас, и мне стало страшно. Вдруг не увижу вас больше. Сердце болит. Я пришла к вам.

Она стояла у кровати в колеблющемся свете стеариновой свечи с припухшими глазами, машинально прижимая концы белого платка к груди.

— Вы садьте, пожалуйста, на скамью. Через минуту я буду с вами.

Елена стала наблюдать за пламенем свечи. Золотисто-красное пламя натягивалось по горизонтам и трепетало, как первомайский флаг на ветру. «Так и мое сердце трепещет и тянется к тебе, а ты об этом не знаешь», — подумала Елена. Потом она достала из кармана коробок спичек, зажгла спичку от свечи, перевернула головкой вниз и, обжигая пальцы, протянула мне:

— Смотрите, Николай!

Угольный стерженек изгибался то вправо, то влево и вдруг застыл в вертикальном положении.

– Барбат /12/!

– Ей что-то загадали?

– Муж будет дома...

Мы шли по знакомой дорожке.

Почувствовав прикосновение к плечам, Елена обернулась.

– Прохладно у воды. Наденьте.

Елена поправила плащ и с благодарностью посмотрела на меня. Ночь была полна звуков. Слышались всплески воды на озере. Из леса доносился шорох листвы и крики ночной птицы. Через дорогу перебегали какие-то зверьки.

– Будет ли еще такая ночь? – с грустью в голосе спросила Елена.

– Кончится война. Подрастут наши дети, будут дружить, русьинские и русские. Хорошая будет жизнь.

– Люди будут счастливы, а я не увижу больше вас... Ведь правда наша встреча больше не повторится? – печально спросила Елена.

Я остановился и вопросительно посмотрел на женщину. Елена подняла задумчивые глаза и вдруг порывисто протянула мне руки. Я взял их и почувствовал, как учащенно забилось сердце, увидел, какое бездонное море засветилось в её темных, широко открытых глазах...

Мы шли по росистой дорожке, тесно прижавшись друг к другу. Вот и знакомый двор. Тишина вокруг. Летний ветерок доносит запах табачного дыма. Это часовой украдкой затянулся в рукаве.

– Проходите, товарищ лейтенант.

– Осторожней с курением, Хасимов.

– Ла реведере, Елена Бордияну. Приезжайте в гости после войны, – сказал я, чувствуя, как глубоко вошла эта женщина в мое сердце.

– Мульцумеск, Николай Голубь. Те иубеск, – так же тихо ответила Елена, возвращая плащ.

Женщина вошла в комнату и нежно поцеловала спящих детей, а я широким шагом направился в расположение своего подразделения.

Через два дня пополненная рота уже сражалась на подступах к Яссам.

С тех пор прошло много лет, а я не могу забыть этой обаятельной румынской женщины. Стоит она передо мной: стройная, загорелая, молодая, доверчивая, любящая мать, и широко открытыми глазами смотрит на нас, смутно догадываясь, что мы, убивающие и разрушающие, выполняем какую-то особо важную миссию, которая приведет человечество к счастью.

Впрочем, память хранит не только образ румынской мадонны. Ординарец рядовой Лауш Иван Петрович, старшина сержант Киреев Иван Петрович, писарь рядовой Хомутенко Иван Корнеевич, санинструктор рядовой Бурдаков Григорий Антонович, командир взвода младший лейтенант Толмачев Николай Алексеевич, командир взвода младший лейтенант Хайдаров Урунбай, командир взвода младший лейтенант Тараненко Константин Афанасьевич, рядовые Стоноженко Василий Иванович, Гайка Яков Михайлович, Гайдук Никон Трофимович, Дубонос Николай Устимович, Ухов Иван Яковлевич – также оставили глубокий след в моей памяти как простые, бескорыстные люди, не жалевшие ни сил, ни самой жизни для исполнения воинского долга при защите социалистического Отечества от коварного и лютого врага – гитлеровской Германии.

Пишу о них с тайной надеждой, что кто-нибудь отзовется и мне выпадет запоздалое счастье увидеть и обнять однополчан, узнать их судьбу.

Примечание:

9/Унде доамнэ? – куда господа?

10/ Че дорицы? – что вам угодно?

11/Букэ господарь – хороший хозяин.

12/Барбат – муж.

13/Ла реведере- до свидания.

14/мульцумеск – спасибо, те иубеск – я люблю тебя.

13. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Летом 1944 года моральный дух советских бойцов был очень высок. Никто не хотел сидеть в окопах. Все требовали всё новых и новых наступлений, хотя противник был еще силен и располагал большим количеством танков и самоходок.

В бою за Форешчий я был тяжело ранен осколком снаряда. И хотя контратакующий танк был подбит, мне от этого не стало легче: боль в раздробленной ноге хватала за сердце.

Сделав перевязку, санитар Бурлаков с помощью ординарца Лауша затащил меня в окопчик. Там я пролежал до ночи.

С наступлением темноты меня погрузили на брочку, и лошадка тронулась. Я лежал на толстом слое сена, лошадка шла шагом, но мне было нестерпимо больно. Это потому, что раздробленные кости при толчках касались друг друга.

Лечение началось в медсанбате. Сухощавый, среднего роста молодой врач в военной форме и белом халате сделал операцию по удалению металлического осколка из левого бедра. Во время операции он шутил, задавал пустячные вопросы и, слушая ответы, смотрел как-то странно, не то весело, не то насмешливо.

В город Бельцы доставили на самолете. Прямо на носилках задвинули в левое крыло, и летчик дал газ. В правом крыле, конечно, тоже кто-то был. В маленькое окошко мне хорошо было видно летчика. Он был без пилотки, и встречный ветер трепал его густую шевелюру. Летели низко. Под крылом проплывали поля, дороги, населенные пункты. В Бельцах был настоящий госпиталь, с палатами, с сестрами.

Через несколько дней меня перевезли в город Умань. Здесь было еще лучше. За тишину, чистоту и обилие зелени город мне так понравился, что я подумал: «Вот куда переехать бы жить».

Переезд из Умани в Ереван оказался самым длительным и тяжелым. Ехали в подвешенных койках. Для здорового человека это подлинный комфорт. Нас же даже качели не спасали. От малейшего толчка вагона становилось так больно, что, ка-

залось, разорвется сердце. У некоторых сердце не выдержало. По-видимому, это были слабые люди. Большинство добралось до конечной остановки. Эвакогоспиталь №3695 был конечной остановкой в буквальном смысле: отсюда лежало только два пути – домой или на кладбище.

В ереванский эвакогоспиталь я прибыл 18 июля 1944 года. Здесь я встретил много интересных и хороших людей. Поэтому мне хочется еще раз мысленно представить их и назвать имена. В нашу палату начальник госпиталя майор медицинской службы Погосян М. П. и заместитель начальника госпиталя по политической части капитан Степанян А. А. заходили обычно вдвоем. К раненым они были очень внимательны, каждый по-своему: майор интересовался физическим самочувствием, капитан – моральным. Иногда замполит оставался в палате после ухода начальника госпиталя, расспрашивал о семье, о планах на будущее, рассказывал о событиях в стране и за рубежом, о ходе боевых действий. Начальник отделения лечащий врач Мария Моисеевна Саркисян была не только хорошим врачом, но и прекрасным человеком, матерински заботливой и всегда, как мне казалось, чем-то смущенной, может быть, застенчивой. Старшую сестру звали Надей, сестру-хозяйку – Фросей, медицинских сестер – Аня, Ася, Вероника, Маруся, Вартуша. Были здесь и очень симпатичные, совсем молоденькие практикантки. Сейчас я не могу ручаться за точность имен, но мне помнится, что это были Ася и Поля.

Приходили и щебетали девочки из средней школы, читали стихи и пели. Без тети Дуни, тети Паши и тети Маши представить госпиталь невозможно. Эти русские женщины были неутомимы в уходе за больными и безропотно несли нелегкую ношу, которую взвалила на их плечи война.

В одной палате со мной лежали офицеры разных специальностей и из разных мест. Капитан медицинской службы Красильников Александр был из города Советска Кировской области. Старший лейтенант минометчик Кидяев Александр –

из города Комсомольска-на-Амуре. Лейтенант минометчик Цукало Андрей – из Украины.

Младший лейтенант танкист Селин был самым «тяжелым»: он был лишен обеих ног. На вид он был здоровым: плотным, розовощеким. Много времени проводил за игрой в шахматы. Но иногда его охватывало мрачное состояние. В эти минуты он грубил товарищам и обслуживающему персоналу, требовал пистолет, чтобы застрелиться. Товарищи, естественно, сурово осуждали такое поведение и находили слова, чтобы привести в норму потерявшего равновесие танкиста. Родители Селина проживают в одном из сел Куйбышевской области.

Младший лейтенант стрелок Ромин Федор и старший лейтенант стрелок Погорецкий Алексей ушли на фронт из Харькова. Лежал в палате и украинский партизан Ляшенко Алексей. Лейтенант стрелок Африкян был из Грузии.

Из госпиталя меня выписали 21 октября 1944 года. Через несколько дней я был дома. Последние дни перед возвращением домой я очень волновался, проявлял нетерпение. Встречу с женой и детьми представлял как необычайно радостное, праздничное событие. Но встреча произошла без бурных эмоций, почти буднично.

Отвечая на приветствие, Дуся сказала, смерив с головы до ног насмешливым взглядом:

– Вот ты какой...

Действительно, во мне ничего не было привлекательного. Вместо дородного мужчины, ослепительно сверкающего золотыми погонами и до блеска начищенными хромовыми сапогами, с огромным кожаным чемоданом в руках перед ней стоял худой мужичонка в серой солдатской шинели. Зеленые погоны в дороге помялись, две пары крошечных звездочек на них были тусклыми и малозаметными.

Деревянные костыли и тощий вещмешок у ног, обутых в кирзовые сапоги, ясно говорили молодой женщине, что её муж совсем не похож на того героя, о котором она мечтала и которого видела во сне.

Заметив мое смущение и буйную радость, с какой дочурки бросились ко мне, жена смягчилась и ласково посмотрела на меня:

– Ничего, Коля. Как-нибудь проживем. Дай помогу раздеться.

Жизнь семьи во время немецкой оккупации была полна лишений и страха. Питались главным образом кашей из кукурузной крупы, которую получали домашним способом. Чтобы не привлекать внимания гитлеровских солдат, жене приходилось рядиться в старую одежду, плохо убирать волосы, иметь неряшливый вид, реже попадаться на глаза завоевателям.

Такая жизнь не прошла бесследно: Дуся стала жаловаться на боли в сердце, ей стало трудно ходить и трудно дышать. Но она продолжала работать, так как других источников жизни не было.

В этих условиях мне нельзя было долго находиться на положении раненого больного, и я подал заявление с просьбой о предоставлении работы. Без всяких формальностей срочной телеграммой я был назначен директором Ладбалковской средней школы. Но мне не повезло.

Вскоре, опускаясь по лестнице со второго этажа, где был мой кабинет, я потерял равновесие, упал на каменные ступени и сломал раненую ногу. Второй перелом ноги я переносил более трудно, чем первый. Временами терял надежду на выздоровление, но усилиями врача Нартова и жены, Евдокии Петровны Бережной, был вновь поднят на ноги.

Гитлеровцы нанесли школе большой материальный ущерб: здание было частично разрушено, мебель испорчена, лабораторное оборудование и наглядные пособия уничтожены. Требуя отпуска средств на создание нормальных материальных условий для работы школы, я вошел в конфликт с некоторыми руководителями района.

По-видимому, чтобы разрядить обстановку, заведующий района Руденко И. О. предложил мне должность заведующего районо. Выбор был большой, но я искал тишины, а поэтому поехал в самый отдаленный и маленький район – Бурлацкий.

Административная работа показалась мне неинтересной, и через два с половиной года я попросился на педагогическую («производственную») работу.

Год работал завучем Пелагиадской средней школы. Переводя на должность директора Татарской средней школы, заведующая района Гнездилова В. А. заметила:

– Эксперименты, товарищ Голубятников, кончились. Пора вам заняться настоящим делом.

– Деньги решают все, – попробовал я настаивать на старом тезисе.

– Кадры решают все. В данном случае вы будете решать все, – твердо сказала заведующая, сделав ударение на слове «вы». – Встретив мой тоскливый взгляд, смягчилась и, улыбнувшись, добавила: – Ладно, лейтенант, не ершись. Возьми вот на первый случай. – И протянула бумажку с распоряжением об отпуске на ремонт школы десяти тысяч рублей.

В село Татарва мы приехали с Эммой 11 августа 1953 года. Бросились в глаза две вещи: само село, похожее на аул, ветхие домишки, которые беспорядочно рассыпались по дну и по склонам зеленой впадины, и безмятежное состояние завхоза школы Бут С. Г. в условиях абсолютной неподготовленности школы к новому учебному году.

Дружными усилиями учителей, технических служащих, учащихся и их родителей школа была отремонтирована, и занятия начались в относительно нормальных условиях.

Педагогический коллектив оказался дружным и трудоспособным. Но вскоре в семью пришла беда: заболела Евдокия Петровна. В один из осенних дней возвращаясь она из города. Накануне прошел дождь, идти было тяжело, особенно подниматься на горку. И большое сердце стало давать перебои. 22 ноября 1953 года она скончалась в районной больнице от паралича сердца. Мы с Эммой были около нее до последней минуты.

Смерть ошеломила нас. Несколько дней мы не могли нормально ни думать, ни действовать, находились в психическом шоке.

Товарищи по работе дружно поддержали нас. Они сделали за нас все, что требуется в таких случаях.

Похоронена Евдокия Петровна Голубятникова (урожденная Бережная) в городе Ставрополе. Ее прах покоится под памятником №81.

Эмма продолжала учиться на французском отделении Ставропольского педагогического института. Вера – в средней школе.

Одному жить становилось все труднее. Стал присматриваться к окружающим. И был немало удивлен, когда однажды ощутил на себе пристальный и, как мне показалось, сочувствующий взгляд Марии Шаталовой.

Молодая учительница математики была незаурядной внешности: среднего роста, стройная, с гордо посаженной головой и стремительной походкой гимнастки. Загорелое лицо освещали большие карие глаза и сдержанная белозубая улыбка. Она была дочерью начальника краевой конторы «Заготзерно» Паршина Кузьмы Никаноровича, которого я однажды видел на заседании краевого Совета депутатов трудящихся.

Мария Кузьминична была замужем за учителем истории Шаталовым Алексеем Григорьевичем, человеком ленивым в работе и плохим семьянином. Ни дружбы, ни детей у них не было. Молодой человек много времени проводил в городе Ставрополе и мало дома. Потом он и совсем исчез, выехав в другой район. Мария подала заявление, и их развели.

После серьезных колебаний Мария Кузьминична приняла предложение и вышла за меня замуж. 1 июня 1955 года у нас родился сын. Мы назвали его Олегом.

До окончания средней школы Вера уехала с подружкой в город Краснодар и поступила на работу в камвольный комбинат.

Эмма продолжала учиться в пединституте и регулярно навещать нас в выходные дни. Она брала на руки Олежика и весело играла с ним, если летом, то в саду на травке. Как правило, здесь же была и няня «на общественных началах» Евдокия Михайловна Передельская.

Потом и Эмма уехала в Краснодарский край учительствовать. И мы остались одни.

Чувствуя поддержку коллектива и заведующей районо Гнездиловой В. А., я смело приступил к восстановлению и развитию школьного хозяйства. В некоторых классах центрального здания был перестлан пол, отремонтированы окна и двери. Большинство оконных проемов в «филиале» было заложено штучным камнем. Мы выбросили камни и вставили рамы. Рамы сделал талантливый столяр Гречишкин-старший. В ремонте школы активное участие принимали учитель русского языка и литературы Михаил Иванович Иванников, учитель математики и физики Владимир Сергеевич Ефимов, учитель физкультуры Иван Яковлевич Бугров, учительницы Лидия Григорьевна Липовченко, Александра Иосифовна Лёсик и другие.

В 1955 году при школе был заложен первый сад, в 1957 году – второй, в 1958 году – третий. Всего четыре гектара. Были посажены отличные сорта яблонь, груш, слив, вишни, черешни, грецкого ореха, в том числе «ренет Писгуда», «ренет Симиренко», «папировка».

В пригороде Ставрополя на базе совхоза «Ставрополец», опираясь на хорошо оборудованный культстан, начала работать производственная ученическая бригада по выращиванию пшеницы, картофеля, огурцов и других сельскохозяйственных культур. На культстане было много цветов.

Сплоченность и активность коллектива росли с каждым годом. Учителя не только с радостью обучали детей, но и охотно вели педагогическую пропаганду, выступали с лекциями, ставили пьесы на клубной сцене. Умели и отдыхать: коллективно ездили в театр, пели и танцевали в школе в дни революционных праздников.

Так продолжалось до 1958 г., до прибытия в школу учительницы русского языка Сиротенко Валентины Михайловны. Опираясь на поддержку «друзей», она повела борьбу за власть. Не брезгуя средствами, привлекла на свою сторону учителя истории Чумака Г. Е., заведующего районом Гуревича И. Б. и учи-

тельницу физики Деревянко Д. Р. А те тоже сколотили коалицию. В коллективе начались интриги, и он распался, т. е. лишился монолитности и принципиальности.

Я подал заявление и 10 апреля 1962 г. был освобожден от должности директора школы.

Первыми словами нового директора было заявление:

– Я прибыл в школу надолго. Всех, кто будет мешать мне, я скручу в бараний рог.

И Прокопенко А. А. приступил к проведению в жизнь своего программного заявления: оскорблять, кричать и топтать ногами на подчиненных. Не только кричать, но и вырубать сады. Было уничтожено около двух тысяч экземпляров художественной литературы, полученной в качестве шефской помощи от Суворовского военного училища.

Вскоре было состряпано «дело» и меня исключили из партии. Партком, райком и крайком утвердили постановление первичной организации. Я выехал в Москву. Парткомиссия при ЦК КПСС изменила постановление об исключении на выговор «за нетоварищеское поведение». Вскоре по ходатайству первичной партийной организации и комитетов партии это взыскание было снято. А педагогический коллектив, выйдя из шокового состояния, потребовал немедленного снятия с работы новоявленного диктатора, и он был снят.

Вас интересует дальнейшая судьба Прокопенко А. А.? Он живет в Ставрополе. За 12 лет сменил шесть школ и несколько должностей. Был инспектором горно, учителем истории, но нигде не справлялся с работой, всюду он персона нон-грата (нежелательное лицо).

На днях пришел приказ об освобождении Прокопенко А. А. от работы учителя истории за антипедагогические действия и незнание предмета, и на его место была назначена новая учительница.

Но он пришел в школу на несколько минут раньше учительницы и, взяв классный журнал, отправился в класс. Уроки он проводит путем громкой читки учебника. Читает он обычно сам.

Сиротенко В. М. была послана Израилем Борисовичем Гуревич директорствовать в Темнолесскую среднюю школу, но обстоятельства сложились так, что она вынуждена была выехать за пределы края.

Чумак Г. Е. был уличен в незаконной выдаче аттестата зрелости и также покинул Ставропольский край.

После получения постановления парткомиссии при ЦК КПСС в районе произошли большие кадровые перемещения. Первый секретарь райкома партии Минин был переведен на должность председателя исполкома райсовета, второй секретарь Макаренко З. В. стала директором вечерней школы рабочей молодежи, заведующий отделом пропаганды и агитации Филимонов был послан на работу в районный комитет народного контроля. У Гуревича И. Б. наступило резкое обострение раковой болезни, и он умер, не дожидаясь нового назначения. Сошел со сцены и преемник Гуревича — Кольцов, у которого оказались фальшивый документ об образовании и подлинная связь с немецкими оккупантами.

В результате произошедших перемен многие поняли, что с уставом партии и нормами коммунистической морали вольно обращаться никому не позволено.

Материальные условия (пища, одежда, жилье, коммунальные услуги) составляют основу жизни и деятельности человека. Но только основу. Потому что человек категория социальная. Он нуждается в духовной пище, в общении с людьми. Какова социальная среда, таков и сам человек.

Я соприкасался с разными людьми: умными и ограниченными, трудолюбивыми и ленивыми, добрыми и злыми, искренними и хитрыми, лояльными и скрытыми врагами марксизма — ленинизма. Чаще — просто эгоистами, ставящими «я» и «мое» целью и содержанием жизни. Про таких говорят: «Такой уж уродился», вкладывая совсем противоположный смысл — «таким сформировался, воспитался».

Но человек настолько сложная биологическая система, что безошибочно отнести Юрия Алексеевича к группе умных и доб-

рых, а Сергея Михайловича – к глупым и злым никак не удастся. В одном человеке могут быть заложены элементы разных качеств, положительных и отрицательных, и они могут проявиться или не проявиться в данной ситуации. Следовательно, приходится выделить в каждом человеке только характерное.

Завуч школы Софья Яковлевна Мешко – хлебосол. Жила одна, а держала корову. Это чтобы в любое время пригласить большую группу учителей и накормить варениками со сметаной, сырниками или просто напоить парным молоком. Это доставляло ей большое удовольствие.

– Какие сочные и поджаристые блинчики, – с восхищением однажды за обедом сказала молодая учительница Нина Алексеевна Щербакова. – Как вам удастся приготовить такие?

– Удастся... Мука хорошая. И масло свежее, – улыбнулась хозяйка дома в сторону молодой гостьи и поспешила к печке, чтобы скрыть румянец, вспыхнувший на смуглых щеках.

Михаил Иванович Иванников – учитель русского языка и литературы. Крупный мужчина. Отлично знает предмет и методику его преподавания. Верит не только в свои познания, но и в силу своих мышц. В справедливость политики не верит и старается держаться на таком «благоразумном» расстоянии от нее, лишь бы не обвинили в аполитизме. Во всем любит порядок, особенно в планах и других бумажках. Исключительно прилежный и трудолюбивый работник. Строго придерживается принципа: «начальству виднее». Он – фактическая опора школы.

Владимир Сергеевич Ефимов – учитель физики и математики. Тоже крупный мужчина. Умный. Дело знает. Убежденный скептик. Поэтому живет только для себя. В способности учащихся не верит. Убежден, что знания в объеме программы средней школы доступны только одному ребенку из ста. Поэтому всеобщее среднее образование абсурд. Принцип: «я знаю предмет и преподаю его, и мне нет никакого дела до того, усваивают учащиеся материал или нет».

Учительница начальных классов Лесик Александра Иосифовна «бойкая» женщина. Умеет «показать товар лицом». Учила

Славу и Юру. Олежика учила «тихая» учительница Голубева (Лысенко) Александра Романовна.

Из всех учительниц наиболее деликатной является учительница немецкого языка Екатерина Иосифовна Севастьянова.

Нравится мне и каменщик (печник) Степан Константинович Коршунов. Трудолюбивый, простой, нежадный, скромный и добрый человек. Отец трех сыновей. На вопрос: «Сколько заплатить за труд?» обычно отвечал: «Сколько дадите».

Трудолюбивым и скромным человеком является заместитель начальника почты Мощенко Василий Михайлович. Зарботок у него скромный, а труд без раскачки. Но он доволен своей жизнью, не завидует высокооплачиваемым, всегда бодр и общителен. Лояльный человек и приятный собеседник.

Свела меня судьба и с ветераном Гражданской войны Одинцовым Григорием Афанасьевичам. Это высокий, сухощавый человек в очках с толстыми стеклами и в белом кителе. Ему уже 83-й пошел, а он бодр и строен, как пирамидальный тополь. Бывший лихой конник. Под командованием генералов Апанасенко и Книги беляков рубал. При встрече любит вспоминать о боевых походах и о том, как он коммуну создавал. На первомайских митингах и встречах с пионерами мы с ним о войнах рассказывали: он – о Гражданской, я – о Великой Отечественной. Встречи на празднике обычно заканчиваются у нас диалогом:

– Скажи, наш политический просветитель. Ленин курил в президиуме съезда? – спрашивал меня Одинцов.

– Не было этого, – отвечал я. – А курил ли он вообще?

Оставив мой вопрос без внимания, буденовец продолжал:

– А бокалы в честь иностранных гостей он поднимал? Банкеты устраивал?

– Ну какие же в те годы банкеты?

– А теперь хлещут шампанское с капиталистами, – не слушая моих возражений продолжает Одинцов. – И банкеты дают чуть ли не каждый день.

Этому интересному человеку я посвятил очерк «Походы боевые», опубликованный 19 марта 1965 г. в районной газете «Коммунистический маяк».

Лучший свой очерк «Это было в 1944-м...» я посвятил самому талантливому и самому инертному человеку из моего окружения – учителю физкультуры Бугрову Ивану Яковлевичу. Первое качество Бугрова – он мастер на все руки. Он тракторист, плотник, слесарь, офицер, художник, учитель физкультуры. Любое дело делает основательно, тщательно и красиво. Второе качество – бесребреник. Даже стенды делает бесплатно. Водит учащихся в турпоходы, обучает допризывников, помогает родственникам дома строить. А учиться не хочет. И большего заработка не ищет. Скромный человек, общительный и неглупый, вернее, умный, а в речи или разговоре иногда такое скажет, что диву даешься бестактности.

Если бы речь зашла о самом вежливом, внимательном и бодром мужчине, то я назвал бы старшего делопроизводителя военно-учетного стола Татарского сельского совета – Клемешева Алексея Ивановича.

Найти эти драгоценные качества среди женщин труднее. Среди других выгодно отличается добрый и внимательный зубной врач Нина Алексеевна Курьянова.

Галерею портретов я решил закончить визитной карточкой «нового» директора Татарской средней школы Зюзина Михаила Гурьевича. Он высок, умен, красноречив, общителен и вежлив. Дипломат не только на работе, но и в общении с людьми. При назревании острой ситуации быстро совершает обходной маневр и тем благополучно уходит из-под удара. Если приезжает комиссия или проверяющий, то он обычно оказывается в отъезде или больным. Если захочет ехать на курсы, то сошлется на необходимость такого ремонта школы, который будет напоминать «гибель Помпеи» при извержении Везувия. Оптимист. Себя не перегружает. Чтобы меньше было забот и хлопот, он перевел воспитанников интерната в учебное здание школы: девочек – в пионерскую комнату, мальчиков – в учительскую

вечерней школы. Замечательно: ни топить печи, ни беспокоиться о том, чтобы что-нибудь не случилось с воспитанниками, ни ремонтировать здание не надо. Ведь дети находятся в самой школе, охраняемой сторожами. И как это москвичи и ростовчане до этого не додумались! Молодой и здоровый мужчина часто болеет, особенно по субботам. Правда, листки временной нетрудоспособности он в местком не представляет: зачем загружать людей лишними бумажками? Философия Михаила Гурьевича испытанная и в действии безотказная: «не дразнить гусей, не выносить сор из избы». Гуси – это не только учителя и начальство, это и родители. Отвечает быстро и аккуратно на любую бумажку районо. Смиренно молчи, когда распекает тебя «старший», и тогда тебя никакая сила не возьмет. Было в школе три гектара молодого сада. Перестала школа опрыскивать сад, отдала на съедение гусеницам – ничего, молчок. Выросли в саду сорняки: амброзия, осот, бодяк. Районо, сельский совет – ни гу-гу. Может быть, потому, что высота бодяка еще не достигла вершины посаженных в 1957 г. тополей? Наконец, сад был заброшен и застройщики стали вырубать «пепин литовский», чтобы поставить сарай для рогатого и безрогатого скота. Разбили дети мячом стекло в парадной двери – забили фанерой. Другой разбили – листом железа заколотили. Стулья сломали – в кладовую вынесли. Все просто и безмятежно. Мой дом – моя крепость. Мой кабинет – моя власть.

А к соревнованиям, смотринам, походам можно и за два дня подготовиться: если обо всем беспокоиться, так и сил не хватит. Надо беречь свои нервы. Такова линия поведения руководителя «нового типа». Я уверен, что если Михаил Гурьевич будет точно следовать усвоенной им линии поведения, то он будет «хорошим директором» до конца этого столетия, что бы в школе ни случилось. Мне такой линии выработать не удалось, главным образом – из-за принципиальности, рационализма и отчасти прямолинейности.

14. Я ИСПОЛНИЛ ДОЛГ ЧЕЛОВЕКА

В семье нас было пятеро: Ангелина (Люся), Николай, Евфалия (Фаля) — от первого брака; Евгений, Елена — от второго.

Люся была замужем за учителем начальной школы — прапорщиком Землянухиным Н. У нее было двое детей: Юрий и Эмилия. Сын Юрий был военным летчиком. Погиб в воздушном бою во время Великой Отечественной войны. Муж тоже погиб на фронте. Дочь Эмилия (Миля) замужем за киномехаником Мартышко Н. С. Работает фельдшерницей в больнице станицы Ессентукской. У нее двое детей. Люся умерла в 1935 году.

Николай — это я, автор повести «Летите, голуби!»

Евфалия, которая переименовала себя в Фаину, проживает в селе Красногвардейском. Учительница начальной школа. Замужем за директором спецшколы Антониновым Василием Васильевичем, исключительно энергичным человеком. У нее две дочери: Эмилия и Рита. Обе с университетским образованием. Их мужья — кандидаты наук. Живут в Москве.

Евгений — воспитанник Ленинградского Краснознаменного военно-политического училище имени Энгельса. Старший лейтенант. Погиб в 1943 г. при защите Ленинграда.

Елена (Лена) работает продавщицей в одном из продовольственных магазинов г. Саратова. Замужем за знатным кузнецом Неудахиным Павлом Федоровичем. Ее дочь Светлана Михайловна Севостьянова (от первого брака) работает в Саратове инженером-строителем. Сын Светланы Игорь учится в 6 классе. У Лены характер мягкий, у Светланы — потверже. У нас с ними хорошие, дружественные отношения.

Наша мать Екатерина Ивановна Голубятникова последние годы жила у Лены и скончалась у неё на руках в 1969 г. на 83-м году жизни.

Старшая дочь Эмма Николаевна Голубятникова родилась 14 ноября 1935 г. в с. Тахта. Учительницей она проработала совсем немного времени. При переходе улицы в г. Краснодаре была сбита мотоциклом и получила сотрясение мозга. После вы-

здоровления работает в паспортном столе одного из отделений милиции г. Ленинграда.

Дочь Вера Николаевна Голубятникова родилась 15 февраля 1937 г. в том же селе Тахта Дмитриевского района Ставропольского края. Она работает на одном из предприятий г. Ленинграда и учится на юридическом факультете вечернего университета. Возможно, уже окончила. Я давно не получал от девочек писем. На мои письма дочери перестали отвечать. Последнее время они пришли к выводу, что отец воспитал их настолько скромными, что они не смогли вовремя выйти замуж, остались незамужними. Но мне кажется, что моя вина здесь очень незначительная. У девочек были кавалеры, но они не ответили им взаимностью. Вере я дал среднее, Эмме – высшее образование. Вера с 18 лет работает в рабочем коллективе, Эмма – четыре года жила самостоятельно и вращалась в студенческой среде.

Мне трудно понять, в чем моя вина перед дочурками. Конечно, какое-то патриархальное влияние на дочерей могла оказать бабушка Екатерина Петровна, но это было в раннем детстве. Как ни горько признаться в негативной правде, но придется: дочери оказались разборчивыми невестами. А недовольны они мной потому, что я не захотел остаться бобылем и создал вторую семью.

Кажется, настало время подвести некоторые итоги. «Чистый» мой трудовой стаж равен 43 годам. Да плюс три года боевых походов. Начал работать по найму в 1928 г. Ушел на пенсию 1 июля 1968 г., когда «юридический» стаж поднялся до отметки «40».

Но разве можно усидеть дома, когда вокруг бушует пафос созидательного труда? И я вернулся. Вначале меня привлекла идея принять участие в создании передвижной механизированной колонны (ПМК) треста овощных совхозов. Первый полевой вагончик был поставлен почти вплотную к моему дому. Потом его откатали на километр и рядом поставили второй. Чем больше становилось вагончиков, тем дальше мы передвигались от первоначальной стоянки, пока не уперлись в крутой берег во-

дохранилища. Там, на территории совхоза «Пригородный», и бросила якорь наша яхта — ПМК, в которой я проработал инспектором по кадрам (начальником отдела кадров) с августа 1970-го по июль 197-й год.

С осени 1971 г. работаю в вечерней школе рабочей молодежи преподавателем истории и обществоведения.

Трудовая тропинка по форме близка к прямой. Только во время Великой Отечественной войны она обрывается и делает петлю, забрызганную кровью пешехода.

Учитель начальной школы, учитель семилетней школы, учитель средней школы, завуч средней школы, директор средней школы, заведующий районо — таков в основном путь эволюции.

Высшее педагогическое образование я получил в 1951 г., окончив заочно Ставропольский государственный педагогический институт по специальности «естествознание и химия».

Что касается выполнения общественных поручений, то здесь тоже можно проследить определенную закономерность. Перед уходом на пенсию по труду я был председателем месткома профсоюза, председателем бюро первичной организации общества «Знание», членом товарищеского суда, народным заседателем народного (районного) суда, членом идеологической комиссии парткома совхоза «Ставрополец», пропагандистом школы основ марксизма-ленинизма при третьем отделении совхоза «Ставрополец», лектором-общественником.

Секретарем первичной партийной организации я проработал в общей сложности 12 лет, пропагандистом — 23 года. Приходилось и селькором быть. Сейчас меня общественным корреспондентом называют. Всего опубликовано в газетах 70 корреспонденций разного жанра: информационных заметок, корреспонденций, статей, очерков. Большинство из них сохранилось. Газеты, в которых напечатаны эти заметки, переплетены в отдельный том. Наиболее удачными из них я считаю следующие корреспонденции:

1. «Стакан воды» («Ставропольская правда», 12 августа 1962 г.).

2. «Походы боевые» («Коммунистический маяк», 19 марта 1965 г.).

3. «Традиционный архаизм» («Правда», 12 июня 1968 г.).

4. «Гвардии рядовой» («Коммунистический маяк», 10 февраля 1970 г.).

5. «Пути-дороги» («Коммунистический маяк», 18 апреля 1970 г.).

6. «Это было в 1944-м» («Коммунистический маяк», 9 и 11 июня 1970 г.).

7. «Рыцарь ярлыги» («Коммунистический маяк», 30 марта 1972 г.).

Как-то Слава спросил:

— Папа, скажи, чем твоё поведение в обществе отличается от поведения других?

Я ответил сыну так:

— Я не курил и не пил водку.

— И это всё? — удивился Слава.

— Нет. Я не бросил на улице ни обертки от мороженого, ни автобусного билета.

— Теперь мы знаем, какой был папа: он не курит, не пьёт и бумажки на асфальт не бросает, — подхватывает Слава. Папе теперь нечего добавить.

— Нет, Слава, добавить мне есть что. Моя психика сформировалась так, что я не могу уклониться от выполнения «нужного» дела или выполнить его кое-как. Не могу я также пройти равнодушно мимо нищего. Я бы испытал большую радость, если бы люди стали давать нищим, особенно калекам, не пятаки, а полтинники. Я это делаю.

— Теперь папа, как все, — улыбается Игорек.

— Если не считать, конечно, того, что к вашему папе люди обращаются за помощью по самым разнообразным вопросам.

— Это интересно, — оживает Олежик, откладывая в сторону пластмассовую коробку, в которой монтировал детекторный приемник. — Расскажи, папа.

– Осудили и в тюрьму посадили Покушинского за аварию мотоцикла. Просит жена написать заявление, похлопотать. Я написал.

– А результаты? – настороженно смотрит на меня Олежик.

– Досрочно освободили... Неправильно налогом обложили – опять к Николаю Ивановичу. Даже с просьбой, чтобы школу построили и водопровод в селе провели, приходили.

– И ты занимался этими делами? – удивляется старший сын.

– Занимался, Олежик.

– Но ведь это не входит в твои обязанности! – твердо говорит сын. – А заявление любой может написать.

– Конечно, не входит. Я так и говорил ходокам. И про заявление, которое может написать любой семиклассник или учительница. Не слушают возражений. Улыбаются и головами машут: «У вас лучше подучается». Приходилось писать. Каждое заявление я очень переживал, а поэтому уставал до изнеможения. Что удивительно, так это результаты. Они почти на сто процентов были положительными. Прямо колдовство какое-то. Вот и родилась легенда о вашем отце, он «всё знает и всё может». Хотел бы я сказать вам, дети, еще об одном «чуде»: за последние десять лет я не получал ни одного листа временной нетрудоспособности (бюллетеня). Во всяком случае, я не помню, когда получал, может быть, один бюллетень в пятилетку. Это я к тому, что большинство молодых учителей (учительниц) получает ежегодно по пятнадцать-двадцать бюллетенных дней. В санатории после войны я тоже не был...

Выступал перед населением с лекциями и докладами на политические и естественно-научные темы. Всего прочитал 300 лекций. На торжественных собраниях и Первомайских митингах выступал и в этом – 1974 году.

Наградами, как известно, учителей не балуют. Особенно после смерти Сталина. В 1949 году за 15 лет безупречной работы я награжден серебряной медалью «За трудовую доблесть». Последующие десятилетия наградами не отмечены, хотя, как мне ка-

жется, я стал более зрелым специалистом. Правда, в 1970 году награжден юбилейной медалью «За доблестный труд». В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина.

Общественная работа, особенно пропагандистская, отмечена широко. За последние годы я награжден двумя почетными грамотами бюро краевого комитета партии, двумя почетными грамотами райкома партии, грамотой райкома общества ДОСААФ и тремя благодарностями районного и краевого общества «Знание».

За участие в Великой Отечественной войне награжден орденом Отечественной войны II степени, тремя медалями, гвардейским знаком и знаком «25 лет Победы в Великой Отечественной войне».

Народная мудрость ставит перед мужчиной три задачи: построить дом, посадить дерево, родить сына. Следуя мудрости предков, я учел разъяснение армянского мудреца о том, что «один сын — нет сына; два сына — полсына; три сына — сын». В итоге у меня имеется четыре сына (Олег, Игорь, Святослав, Юрий) и две дочери (Эмма, Вера).

Дом, правда, один. Зато имеется существенное перевыполнение задания в посадке деревьев. Я лично посадил и вырастил 80 деревьев: яблони, груши, сливы, вишни, грецкие орехи. Сейчас у нас в саду 60 деревьев.

Сегодня понедельник, 20 мая 1974 года, 14 часов. Я только что вернулся с выездного заседания народного суда, где выполнял обязанности народного заседателя. Вторым заседателем была Афанасьева Елена Ивановна.

Рассматривался иск совхоза «Ставрополец» к некоторым гражданам села Татарка за «самовольный захват земли, принадлежащей совхозу», иначе — за превышение нормы приусадебного участка. Сумма иска от 99 до 182 рублей на двор. А «штрафники» как на подбор — трудяги из трудяг, проработавшие в колхозе и совхозе по 25–30 лет: чабан Филипп Платонович Шумаков, ездовой Вылузка Прокофий Ильич, шофер Будников Михаил Стефанович, шофер Старков Иван Иванович, уборщица Красникова

Мария Ивановна, тракторист Щелканов Алексей Матвеевич, разнорабочая совхоза Куцова Мария Иосифовна, шофер Могильный Георгий Николаевич, тракторист Добриков Петр Андреевич.

Некоторые из них перешли на работу на другие предприятия. Суд отказал совхозу в иске «за недоказанностью» (неправильное оформление документов). Земляки остались очень довольны решением суда.

Продолжаю я работать и пропагандистом. От других постоянных общественных поручений освобожден. Однако и сейчас у меня не было еще ни одного полностью свободного дня, настолько «бездельного», чтобы я мог сказать: «Поеду посижу на скамейке в парке культуры и отдыха имени Ленинского комсомола»...

Это время еще не настало.

Да и настанет ли?

15. ЛЕТИТЕ, ГОЛУБИ!

ПЕРВЫЙ СЫН

— Здравствуй, папа! — неожиданно раздаются позади знакомые позывные.

Обернувшись, вижу улыбающееся лицо старшего сына.

— Здравствуй, Олег!

Передо мной стоит высокий юноша в серой шинели с золотыми полосками на чёрных погонах и дымчатой шапке-ушанке с выпуклой красной звездой.

Пушистые брови чётко выделяются на бледноватом лице, карие глаза светятся буйной радостью. В фигуре курсанта Энгельского высшего зенитно-ракетного командного училища противовоздушной обороны угадывается скрытая сила и стремительность.

Невольно подумалось: «Как космическая ракета перед пуском. Мирно чадит дымом, но все знают, с какой чудовищной силой устремится она ввысь через несколько мгновений».

— Как хорошо, что ты уже дома.

Целую сына в щёки и с удивлением замечаю, что на них пробивается пушок...

Всё сегодня было прекрасно: и погожий летний день, и газетные статьи о подготовке к уборке зреющего урожая, и весть о рождении сына. А дата-то какая! Международный день защиты детей. 1 июня 1955 года.

В селе хорошо: всё близко, просто, доступно. Едва я вступил на ступени родильного дома, как открылась дверь, и акушерка Раиса Петровна Домникова протянуло мне белый халат:

— Тихо! Он спит.

В детской кроватке лежит красное морщинистое существо с пухлыми щёчками и чмокает во сне.

Это и была мечта во плоти: сын.

А в двух метрах на широкой кровати с никелированной спинкой лежит другое родное существо с мерцавшими, как звёзды в ночном небе, глазами — мать. Спрашивает тихо:

— Ну как, папа?

— Отличный парень! Настоящий футболист. Ты тоже выглядишь прекрасно.

Улыбается. На бледных щёчках вспыхивает яркий румянец: довольна похвалой мужа.

Я ежедневно навещал сына в роддоме. Он крепко спал. Но иногда подобие улыбки освещало его насупленное лицо. «Кто он, этот человек, — думал я, всматриваясь в маленькое существо, которое с каждым днём становилось всё более близким. — Умный или глупый, добрый или злой? Не родился ли он первого июня специально, чтобы стать офицером Вооружённых Сил Советского Союза?»

И хотя мысль о военном призвании мальчика вскоре была забыта, практика воспитания сына складывалась именно так, чтобы он стал военным: строго соблюдался режим питания и сна, принимались меры к физической закалке...

Малыш морщится, но проглатывает капельку жира. Потом, поймав сосок материнской груди, жадно сосёт, фыркая и отдуваясь.

Чуть подрос – распеленали. Укроем лёгким одеялом, и спит голый. С шести месяцев подкармливать стали из рожка. То молоком, то кашей. Соки давали, тёртые морковь и яблоки. Всё в определенное время. Ночью не кормили. Оба крепко спали: и сын, и мать.

Через шестнадцать месяцев родился второй сын – Игорь. Внимание матери к старшему сыну уменьшилось. Олежик просил:

– Мама, положи Иру, возьми Алю.

Она отвечает:

– Олежик, ты уже большой. Посиди около Игорька. Я обед приготовлю.

И «большой» Олежек послушно выполняет мамино поручение. Забавляет младшего брата. Так и остался он с двух лет «большим».

В приусадебном саду под кустом сирени поселилась собачка. Шерсть белая, пушистая, а носик чёрный, настоящий песен.

Откуда пришла, никто не знает. Пробовал прогнать, не уходит. Увидел её Олежек и очень строго:

– Папа, пусть живёт Лайка. Мы её кормить будем.

Кормит Олежек собачку по часам. Играют: подружились.

Но вот беда: другие собаки стали забегать во двор. Приносит Олежек два гибких прутика:

– Папа, пойдём собак гонять!

Вскоре хозяин собаки нашёлся. При расставании с Лайкой Олежик вёл себя как настоящий мужчина. Только взгляд был хмурый. Но как только хлопнулась калитка и не стало слышно повизгивания собаки, мальчик заплакал. Плакал он долго и безутешно, прижав лицо к моему бедру и вздрагивая всем телом. Вдруг смолк и прислушался.

– Папа, кто там? – спрашивает он, показывая рукой на забор.

– Сейчас посмотрим.

Мы вышли за ворота. На дороге топтался индюк. Он веером распустил хвост и так увлёкся своей речью, которую без особого

внимания слушали две индейки, что не заметил нашего приближения, Олежек попытался потрогать его длинный красный нос, но индюк не был, по-видимому, расположен к ласке мальчика и, пробормотав очередной монолог, стал поспешно удаляться вдоль улицы.

– Не хочет играть со мной, – вздохнул Олежек. – Ну и не надо! – крикнул он индюку вдогонку и, гордо подняв голову, направился во двор. Я последовал за ним.

Зимой мы играли с ним в кубики с картинками. На одном из кубиков с полосатым арбузом была буква А, на кубике с кряковой уткой – буква У. Каждой картинке соответствовала начальная буква названия изображенного предмета.

Идем мы как-то по проспекту Карла Маркса в городе Ставрополе, а Олежек внимательно вывески на зданиях рассматривает. Спрашиваю:

– Олежек, ты почему головой вертишь?

– А я знаю, что здесь... Это «бакалея», это «аптека».

Так мы узнали, что, играя в кубики, он научился читать. Детские книжки с картинками мы приносили домой и читали ему ещё до того, как мальчик научился читать сам.

Когда сыну исполнилось семь лет, мы отправились с ним поступать в школу. Прощаясь на ступенях школы, я сказал:

– Будь послушным и терпеливым, как революционный солдат.

– Разве в школе есть солдаты?

– В школе нет солдат. Но ты хочешь быть похожим на Будённого.

– Хорошо, папа, иди домой. Я понял тебя.

После уроков Олежек поехал с мамой в Ставрополь покупать игрушку. В магазине мама предложила:

– Выбери игрушку сам. Внимательно посмотри и скажи, какая игрушка тебе понравилась.

– Вот эта, – сказал Олежек, показывая на большую куклу с голубыми глазами и русыми косами. – Леночка!

К Леночке Олежек относился внимательно: подержав на ру-

ках, клал в кроватку и покрывал одеялом, «чтобы не было холодно».

Сейчас Леночка отдыхает. Сидит между вазами с цветами и мечтательно смотрит вдаль: ждёт Олежика на летние каникулы...

На примерах из жизни Володи Ульянова мы воспитали в сыне честность, трудолюбие, активность, уважение к людям, преданность гражданскому долгу.

Трёх лет он начал поливать цветы во дворе. Позже — работал в саду, огороде, помогал маме по кухне и дому. С увлечением выполнял работу пионервожатого, участвовал в походах тимуровской команды. На второй день после получения комсомольского билета пошёл в совхоз «Ставрополец» выращивать тутовый шелкопряд.

Учился Олежик прилежно. Он был дисциплинированным мальчиком. Даже в шумном классе умел сохранить внимание к тому, что говорит учитель или что делается у классной доски. Но эти качества не были врожденными. Они воспитывались ежедневным контролем со стороны родителей. Домашние задания он выполнял ежедневно в одни и те же часы. Постепенно учебный труд вошёл в привычку и стал естественной потребностью. Олежик был обыкновенным мальчиком, не более одарённым, чем его товарищи. Возможно, более трудолюбивым. Поэтому он учился хорошо...

Девочки натянули вблизи изгороди дома одной из подружек сеть и стали играть в волейбол. Подошёл семиклассник. Он сорвал сеть и ударил по лицу девочку, которая попыталась удержать мальчишку от хулиганства. Девочка заплакала. Мимо проезжал на велосипеде Олежик. Он заметил эту сцену. Резко затормозив, спрыгнул с велосипеда и подошел к мальчишке.

— Натяни сетку и извинись перед девочкой, — спокойно сказал Олег.

— И не подумая! — вызывающе крикнул мальчишка, делая вид, что засучивает рукава для драки. — Если хочешь, то сам извинись, хоть в ноги...

Но закончить рифму ему не удалось. Каким-то особо быстрым и точным ударом Олег сбил хулигана с ног и плотно прижал к земле:

– Ну как?

– Ладно. Отпусти...

Помогая Олежику натягивать сетку, присмиревший «герой» оправдывался:

– Шуток не понимают! А ты, Галка, тоже хороша: нюни распустила...

А девочка подходит к Олежику и, протягивая мяч, говорит, сияя от счастья:

– Поиграй с нами, Олежик.

Вначале беседы о Советской армии и Великой Отечественной войне носили случайный характер и конкретной цели не преследовали. Когда же сын перешел в седьмой класс, я заметил, что Олежик стал приносить из библиотеки книги, содержащие военные знания: о танках, о ракетах, радиосвязи, строевой подготовке.

Желая поддержать интерес сына к военному делу, я выписал «Красную звезду». Газета мальчику понравилась. Вскоре он попросил выписать журнал «Советский воин». Закончилась подписка «Крыльями Родины». Это было шестнадцатое издание, выписанное семьей на 1970 год.

Сегодня у нас «день шахмат». Мы ежегодно проводим семейные шахматные турниры в канун Нового года. Поставив братишке Славе «детский мат», Олег шутит:

– Впереди остался только Петросян.

– А папа? – возражает Слава.

– Папа – это серьезно...

Олег играет белыми, я – черными. Сын навязывает такой быстрый темп, что я не успеваю сосредоточиться и теряю две фигуры одну за другой: ладью и коня. Вдруг сын делает неверный ход, и я снимаю белого ферзя.

Олежик поднимает на меня глаза и спрашивает:

– Папа, у тебя был на войне случай, подобный «Сыну полка?»

– Выйдем во двор подышать свежим воздухом – предлагаю я.

Олежик охотно соглашается, и мы, надев меховые куртки, выходим на улицу. Ночь тихая, звёздная. Лёгкий морозец приятно пощипывает разгорячённые щёки, на противоположной улице, за речкой, лениво лает пёс Сидельникова.

– Какая чудная ночь! – шумно вдыхает чистый воздух Олежик.

– На фронте мы больше радовались тёмной ночи...

Мы пошли вдоль безлюдной улицы, и я рассказал сыну эпизод из фронтовой жизни:

– После окончания тбилисского филиала курсов «Выстрел» я был направлен командиром стрелковой роты в 108-ю Гвардейскую дивизию. От штаба полка до командного пункта батальона меня сопровождал связной батальона. Связного роты в батальоне не оказалось: старый был убит, а нового ещё не прислали. Пришлось добираться самостоятельно, зная только направление и ориентиры. Но мне повезло: свиста пуль я не слышал, потому что торопился и бежал во весь дух, а снаряды и мины разрывались только позади, как бы подгоняя меня к новому месту службы. Прыгая через обугленные тела гитлеровских танкистов, я поскользнулся и упал в яму от тяжелого снаряда. В то же мгновение над головой прошумел огненный вихрь и раздался оглушительный взрыв. Когда прошёл звон в ушах, я услышал в наступившей тишине звуки, похожие на нерусскую речь. Они доносились из полуразрушенного домика, скрытого среди яблонь с поредевшими листьями. Переложив пистолет в левую руку и сжав гранату в правой, я в несколько прыжков очутился у дома. Осторожно продвигаясь вдоль стены, дошел до оконного проема, заглянул внутрь и тотчас с досадой швырнул гранату подальше от дома. В углу лежала, поджав ноги и укрывшись белым шерстяным платком, девочка лет десяти, а около девочки сидел на корточках мальчик лет двенадцати и уговаривал девочку не плакать.

– Как вы сюда попали? – крикнул я на детей, сердясь, что придется повозиться с ними.

— Мы не успели... эвакуироваться, — запнулся на трудном слове мальчик, резко повернувшись.

Услышав мужской голос, девочка перестала плакать и, устремив на незнакомца огромные синие глаза, полные любопытства и надежды, решительно заявила:

— Дядя, мы хотим есть!

— Идите сюда! — позвал я детей, прыгая в окно и на ходу развязывая вещмешок.

Дети радостно вскрикнули и, подталкивая друг друга, бросились к ящику, на который я выкладывал содержимое вещмешка: хлеб, консервы, сахар.

Подчиняясь законам голода и войны, обед длился не более пяти минут.

— Теперь можно познакомиться, — сказал я, протягивая мальчику продовольственный паёк, завернутый в чистое полотенце.

— Меня зовут Федя...

— Меня Оксана, — поспешила девочка, чтобы Федя не успел назвать её имени.

— Очень приятно. А я дядя Коля.

— Вы лейтенант... — наставительно поправила Оксана, хмуря пушистые брови, и вопросительно посмотрела на Федю.

— Ваша рота окопалась около лесопосадки, — сказал Федя, подходя к окну. — Видите жёлтый бугорок? Там пулемет. Левее — наш блиндаж.

— Откуда ты знаешь, что там расположена именно моя рота?

— Мы всё знаем, — поддержала товарища Оксана.

— Я пришлю бойца, и он проводит вас в соседнее село, — сказал я детям, прощаясь. И подумал: «Только бы добраться до роты...»

На всем протяжении рассказа Олежик ни разу не перебил ни вопросом, ни репликой. Только сейчас, когда я умолк, охваченный воспоминанием, он сказал:

— Я знаю, что произошло той ночью: рота провела ночной бой...

- Да.
- И жестоко побила противника.
- Всё верно. Но об этом в другой раз. Уже поздно. Видишь, как посерел Млечный Путь?
- Хорошо, папа. Пойдём домой, мама, наверно, заждалась. Скажи только, что было потом с Оксаной и Федей.
- Посланный солдат детей в доме не застал.
- Куда же они делись? – забеспокоился Олежик.
- Ушли в разведку.
- Какую разведку?
- С наступлением темноты они незамеченными подобрались к окопам противника, стащили четыре гранаты с длинными деревянными ручками и прибежали в блиндаж.
- Отчаюги! – сочувственно вздохнул сын.
- Вы почему здесь? – крикнул я, понимая, что забота о детях в какой-то степени будет отвлекать от подготовки к ночному бою.
- Мы принесли гранаты, а вы!.. – обиделась Оксана.
- Вот и бросайте гранаты сами!.. Сергиенко, присмотри за детьми! – приказал я, выбегая из блиндажа.
- Конечно, словам «бросайте гранаты сами» я не придавал серьёзного значения, они были сказаны мимоходом.
- И бросили? – насторожился Олег.
- А как же? И очень удачно. Прямо в нишу с боеприпасами. Настоящий фейерверк устроили.
- Молодцы! – восхищенно воскликнул Олежек. – Кто же это придумал?
- Оксана, конечно.
- Их не ранило? – забеспокоился Олег.
- Слегка осколками поцарапало: Оксане – щёчку, Феде – лоб. Утром командир полка посадил забияк в виллис и увёз в село к родителям. Не с голой грудью, понятно. В Советской армии боевые подвиги не остаются неотмеченными. По медали «За боевые заслуги» приколот.
- Рота далеко продвинулась? – спросил Олежек, берясь за дверную скобу.

— Километра на два. Две линии окопов прошла в составе батальона. Трофеи были исключительно интересными: два ящика голландского шоколада, пулеметы, автоматы... никелированный парабеллум я тоже в том бою добыл.

Когда мы вошли в дом, жена сидела у стола и рассеянно листала журнал «Семья и школа». Увидев Олега, она вся встрепенулась, ожила и, помедлив, пока к ней подойдет сын, спросила:

— Олежик, не хочешь ли ты поступить в Суворовское военное училище?

Спрашивает, а сердце — как морской прибой: бух-бух...

— Я подумаю, мама.

Эту ночь Олег спал беспокойно. Вставал среди ночи, включал свет, смотрел на часы. Под утро уснул крепко, дышал глубоко, равномерно. Утром за завтраком, когда все были в сборе, сказал:

— Мама, я решил поступить в Суворовское училище.

Все были рады такому решению. Ведь СВУ даёт не только отличную теоретическую подготовку, ни и прекрасную физическую закалку, воспитывает у юношей высокие моральные качества. А всего этого так не хватает в нашей массовой общеобразовательной средней школе!

Но лёгкости на сердце у матери не было. Томило сомнение: не в угоду ли родителям сын принял такое ответственное решение? Пойти в Суворовское училище — это значит посвятить жизнь службе в Вооруженных Силах...

До отхода поезда остается несколько минут. Последние мгновения прощания. Матери смотрят на своих детей так, как будто прощаются с ними навсегда — бледные, заплаканные.

Я подхожу к сидящему в вагоне сыну и протягиваю руку:

— До свидания, Олежик. Счастливого тебе пути.

— Спасибо, папа. До свидания, — негромко говорит он, и я чувствую, как тонкая ручонка покрывается холодным потом. И мне становится бесконечно жалко мальчика, который сумел найти в себе силы, чтобы покинуть дом во имя достижения благородной цели. Подавив волнение, я еще раз жму руку сыну

и вместе с другими покидаю вагон, вздрогнувший от удара буферов.

Уже не слышно стука колес и задние огни едва видны, а на перроне всё стоят одинокие печальные фигуры. Только тогда я по-настоящему понял, каким огромным мужеством должна обладать мать, чтобы добровольно оторвать от себя сына 15-ти лет от роду. И сделать это из-за любви к нему. Как же глубоко ошибаются те мужчины, которые видят в жене только хозяйку! Нет! Мать не только работница и не просто хозяйка. Даже не просто воспитательница. Мать — это такой человек, которому приходится ежедневно и ежечасно, всю жизнь бороться за счастье своих детей, не зная, получит она за свой подвиг благодарность или нет. Поэтому она заслуживает от всех нас, мужчин, большого уважения, внимания, повседневной помощи.

Как много выиграло бы общество, если бы все мужчины сочли внимание к женщине таким же священным долгом, как защита Отечества!

Два года Олежик приезжал домой на каникулы в чёрной форме с красными лампасами на брюках. Сверстники и мальчишки помоложе с большим любопытством рассматривали эту удивительно строгую форму. Да и не только форму. Стройность, подтянутость, благородство манер суворовца привлекали к себе не меньшее внимание. Не только мальчиков. Девочки тоже испытывали уважение к суворовцам.

На третий год бывший суворовец появился дома в «защитной» форме курсанта высшего военного училища. Сейчас Олег второкурсник и старший сержант. Он полюбил семью училища. И коллектив его тоже. Олежик не мыслит для себя другой жизни, кроме той мудрой, сплоченной и целеустремленной, какая создана в Вооруженных Силах. Скоро он станет офицером. Неосуществленная мечта отца воплощается в сыне. Отец добывал офицерское звание с автоматом в руках в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Сын — в аудиториях военного училища, на полигонах и пультах управления могучими ракетами.

Первая фраза, которую произносит Олег после приветствия, обычно звучит так:

— Мама, в чем тебе помочь?

И, молниеносно сменив китель на клетчатую рубашку, бежит на кухню помогать маме: чистить картошку, носить воду из уличной колонки, рубить дрова. Делает он все энергично и быстро: топор, лопата, груженные ведра буквально играют в его руках. Это — навык и привычка, выработанные с раннего детства.

Игорь родился в октябре 1956 года. Едва научившись ходить, требовал, сползая с рук: «Я сам». И шел впереди мамы, гордо подняя голову.

В начальных классах учился старательно, без принуждения. В старших, начиная с шестого, за приготовление уроков садился только после напоминания. Вначале ссылался на то, что не хватает времени из-за поездок на занятия кружка авиамоделирования. В этом объяснении была доля правды. Но только доля — и притом незначительная. Главное, что из-за учебной перегрузки и по другим причинам Игорь стал терять интерес к учению.

Физически Игорь был слабее сверстников. Но, будучи самолюбивым и застенчивым, проявлял нерешительность и колебания во всем, подчинялся воле других, даже если она исходила от «плохих» мальчишек, например, Бориса Павленко, который плохо учился, курил и не считал зазорным «раздавить» бутылку крепкого вина.

В 1972 году Игорь пытался поступить в Суворовское училище, но растерялся в новой обстановке и не был принят. С тех пор еще больше замкнулся в себе: переживает допущенную ошибку.

4—9 классы Игорек окончил с похвальными грамотами. Предпочтения никакому предмету не отдавал. Труднее других давалась физика, может быть, потому, что математика усваивалась не лучше.

Анализируя причины трудностей, которые нарастали у сына с каждым годом, невольно приходишь к весьма нелестным выводам относительно качества обучения и всей системы образования.

«Новые» программы, «новые» учебники, «новые» методы... Если серьезно посмотреть на это «новое», то можно заметить, что оно идет за счет количества (объема) в ущерб качеству. «Новые» методы больше похожи на модные трюки, чем на действительно эффективные методы. Сколько уже было этих «новых» методов, начиная с «дальтон-плана», и сколько еще будет!

Половодье бумаг и «рекомендаций» мутной волной устремилось на учителей и грозит затопить живое тело образования. Больно и жалко смотреть на то, как беспомощно барахтается учитель в этом формально-проектерском водовороте, не имея ни времени, ни сил для полезных дел по обучению и воспитанию детей – не только «чужих», но и своих.

Из-за сидения за бумажками, переписывания напечатанного в журналах учитель не имеет времени для глубокой подготовки к урокам. Следствие всего этого – низкий уровень обучения и воспитания, слабая теоретическая подготовка большей части учащихся и, как это не покажется странным, низкий интеллект учителя.

Игорь сидит за письменным столом. Он готовится к выпускным экзаменам за среднюю школу. Чувствуется, что он не успел прочитать необходимые произведения и теперь лихорадочно листает старые тетради, учебника, хрестоматии. Первого июня ему писать сочинение...

Игорь не любит домашний труд. Но «для себя» он простаивает за верстаком, забывая об отдыхе и еде, по пять-шесть часов.

Он сделал макеты автоматов и пистолетов разных систем такого изящного совершенства, что при слабой освещенности они вполне могут сойти за боевое оружие. Силуэт алюминиевого самолета-значка, сделанного Игорем, так стремителен, что создает живое впечатление полета.

– У Игоря золотые руки. Игорь все умеет делать, – восхищается Юра, прислуживая брату а качестве подмастерья.

Игорь ежедневно занимается утренней гимнастикой, выполняет упражнения на перекладине и параллельных брусьях, на-

стойчиво работает и с гирями. Ездит на велосипеде. Отлично стреляет из охотничьего ружья. Ходит в противогазе.

Игорь подал заявление в Рязанское высшее авиадесантное училище. Но так как полной уверенности в поступлении нет, то он заблаговременно готовится к службе ж армии.

Несмотря на аффективные вспышки и проявления элементов грубости, я уверен, что из всех детей у Игоря самая нежная душа.

Конечно, последнее слово за той средой, в какую попадет сын. Если попадет в дружный коллектив военной молодежи, то из него может выйти незаурядный военный специалист и гражданин.

Святослав идет по следам Олега. Он учится в Казанском суворовском военном училище. Хочет стать танкистом. Впрочем, не просто танкистом. Его мечта – учиться и окончить ульяновское училище.

Чтобы, овладевая грозной техникой, прикасаться к той земле, по которой ходил юный Ленин, чтобы образ великого Ленина вдохновлял на большой труд, чтобы воспринять от гениального вождя частицу его ума и мужества.

Слава высокий и тонкий, как ковыльный стебелек, подросток.

Во время занятий взгляд его карих глаз бывает серьезным и невозмутимым. Но стоит только раздаться звонку, возвещающему о конце урока, как серьезный мальчик моментально превращается в веселого и шаловливого ребенка.

Слава любит пошутить, развеселить окружающих забавным каламбуром. Он очень общительный и умеет непринужденно держать себя в любом обществе. С мамой ласков, поэтому она прозвала его «лисенком». Мастер организовывать шумные игры с участием любых детей: больших и маленьких, девчонок и мальчишек.

Наравне с другими Слава выполнял все домашние дела: носил воду из уличной колонки, производил уборку в доме, пилил дрова, работал в саду и огороде. Но главной обязанностью было снабжение семьи продуктами питания: он был нашим интендантом.

Поступление в СВУ прошло гладко, без драматизма. Перед отъездом сына в Казань мама спросила:

– Слава, как ты чувствуешь себя, поступишь ты в Суворовское училище или нет?

– Обязательно поступлю, мама! – без колебаний ответил сын.

– Ты так уверен?

– Да! Я хорошо подготовлен по математике. А диктант тоже напишу как-нибудь, – не удержался Слава от шутки.

Трудолюбие и активность пригодились Славе с первых дней пребывания в Суворовском училище. Отличники, в том числе Слава, были зачислены в училище без вступительных экзаменов. Образовалось свободное время. Командование поручило им очистить овощехранилище.

Слава энергично взялся за дело и увлек за собой остальных. Поручение было выполнено быстро и добросовестно. Уменьше трудиться не осталось незамеченным, и Слава был назначен старшим учебной группы.

Но Слава немножко хвастунишка. Приехав на весенние каникулы, весело заявил:

– Скоро надену погоны вице-сержанта!

И, отправляясь и товарищам, надел вместо шапки фуражку, которая была припрятана у него в чемодане.

Учится Слава без троек.

Регулярно пишет Юре наставительные письма, чтобы он хорошо учился и ежедневно занимался утренней гимнастикой, даже комплекс упражнений ему составил.

Юрию хорошо. Он наследник духовного богатства и опыта трех старших братьев. Конечно, эталон для всех Олег. Но он выехал на учебу, когда Юра был еще первоклассником. Теперь Юра встречается с Олежиком только в короткие, как мгновения, дни каникул.

С прошлого года такие же отношения сложились у него со Славой. Ребячьим наставником стал Игорь. Пока Игорек переворачивается на перекладине или выжимает самодель-

ную штангу, Юра выполняет роль болельщика. Потом сам пробует повторить что-нибудь подобное.

Сейчас Игорь делает для Юры модель автомата Калашникова, такую же точную и прекрасную, как все, что он уже сделал, а Юра стоит у верстака, подает и убирает инструменты, дает советы.

Юра рослый, жизнерадостный, любознательный, быстрый на реакцию мальчик. Много читает. Выписывает газету «Пионерская правда» и журнал «Юный натуралист». Больше других его увлекают рассказы о животных. Но с неменьшим интересом прочитывает и исторические повести. О всем имеет свое суждение. Часто спорит с мамой и папой по вопросам научной информации, передаваемой по радио или телевидению.

Усидчивостью обладает в самой малой степени. На лету поняв изложенный учителем урок, тотчас теряет интерес к дальнейшим занятиям по закреплению и повторению материала.

Любит читать или рассказывать родителям прочитанный в учебнике материал по истории, ботанике, немецкому языку. Заучивать не любит. По учебнику читает, как правило, один раз. Письменные упражнения по русскому языку выполняет небрежно, наспех, отчего четверка по этому предмету.

Насколько быстро увлекается новой игрушкой, настолько быстро теряет интерес к ней. Свободно включает, выключает и регулирует телевизор. Стреляет плохо, ездит на велосипеде хорошо. Учится ходить на лыжах и кататься на коньках. Говорю «учится» потому, что в нашей местности нет ни катка, ни настоящего снега.

Юра не решил еще, кем будет. Интересных профессий ведь так много! Хотелось бы машинистом тепловоза стать. А как же тогда с токарем и слесарем? А ведь так хочется мастерить, как Игорь, металл обрабатывать!

Как-то спрашиваю его:

- Юра, хочешь учителем стать?
- Не хочу!
- Почему?

– Ученики балуются.

– А ты же с Олей в школу играл.

– Это когда я маленьким был. Если на машиниста не примут, самолеты буду делать. Як-44. Или вертолетчиком стану...

Вот и пойми, кем он будет. За 12 лет 6 специальностей сменил: врача, учителя, тракториста, слесаря, машиниста, авиаконструктора. Кем бы ни был, лишь бы настоящим человеком стал.

Юра добрый, щедрый, непосредственный мальчик. Есть у него два друга... Шатов и Оля Павленко. Но он дружит и с другими сверстниками. С «малышней», трехлетним Денисом Новохатским, с дошкольниками тоже не прочь поиграть.

В младшем сыне заложены элементы нового человека. Он – будущий гражданин светлого коммунистического общества. Сохранить жизнь, уберечь от пороков, развить интеллект, заложить основы гармонически развитой личности – в этом вижу свою задачу в оставшийся кусочек бытия.

Дети. Мальчики. Сыновья. Их четверо. Олег, Игорь, Святослав, Юрий. Разные и одинаковые. Разные по возрасту, росту, цвету глаз, наклонностям, темпераменту. Одинаковые по человеческой сути. По материнской и отцовской любви к ним. Дети – наше будущее и настоящее.

Какими мы их воспитаем, такими и будут. При нормальной наследственности, конечно. Олежик обычно лепил из пластилина человеческие фигурки. Игорек – собачек. Из одного и того же материала получались совсем несхожие фигурки. Так и с детьми. Дети тот же пластилин: лепи что хочешь... а точнее – что можешь. Причина «хороших» и «плохих» детей в воспитании. В семейном, главным образом. Но не исключительно. Школа, пионерская организация, комсомол, печать, телевидение, радио, театр, улица, товарищи, вся окружающая советская действительность принимают участие в воспитании моих сыновей. И ваших тоже. И все же главный воспитатель – семья.

Дети вырастают незаметно. Вырастают и уходят из семьи. А потом, как солнышко в ненастный день, появятся на короткое

время, согреют лучами любви стареющих родителей и вновь скроются.

Вот и подошло время попрощаться с повествованием о детстве и детях и о том, чем и как заполнялся сосуд жизни отца четырех сыновей.

Не я один, конечно, подготовил сыновей к полету. Большая часть труда и заботы о детях принадлежит их матери – Марии Кузьминичне Голубятниковой. От меня ей сердечное спасибо.

Двое голубей уже в небе. Старший парит под облаками. Средний над крышей кувыркается. Полустарший на земле перья чистит, чтобы, залечив рану, полученную в 1972 г., уверенно и сильно взмыть в синюю высь. Младший только из гнезда клювик высунул: «скоро и я полечу туда!»

Летите, голуби!

Будьте не только отважными, но и мудрыми!

Летите, голуби, и несите людям мир и счастье!

*ГОЛУБЯТНИКОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
из станицы Верхне-Курмоярской Второго
Донского округа, ныне покоящейся на
дне Цимлянского моря*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Родился Голубятников Николай Иванович 01 декабря 1908 года... Ушёл 09 марта 2006 года.

2020 ГОД:

Живут 2 сына Николая Ивановича: Олег Николаевич и Свято-слав Николаевич. Оба окончили Казанское суворовское училище. Оба посвятили свои жизни служению Родине. Первый – офицер войск противовоздушной обороны страны, в дальней-

Фото: апрель 1975 года

шем – офицер КГБ-ФСБ, мой отец... Второй – офицер воздушно-десантных войск, Герой России...

Живут внуки Николая Ивановича. Живут правнуки...

Живёт подвиг папы, деда, прадеда...

Живёт жизненный подвиг всех людей...

*...Средь космоса Земля.
Бежит родной мой век.
Жизнь – лучшая привычка,
Что знает человек!*

*Решил – я буду вечным!
Сказал я – смерти нет!
И песней безупречной
Вселенной шлю привет!*

*Мы рождены мечтой!
Дух разума разбудит!
Встречайте – выход наш!
Сейчас красиво будет!!!*

С наступающим 75-летием Победы в Великой Отечественной войне!!!

Помните, Живите, Желайте, Действуйте!!! Быть добру!!!

*ГОЛУБЯТНИКОВ ДМИТРИЙ ОЛЕГОВИЧ
из станицы Верхне-Курмоярской Второго
Донского округа, ныне покоящейся на
дне Цимлянского моря*

20.02.2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

НИКОЛАЙ ГОЛУБЯТНИКОВ ЛЕТИТЕ, ГОЛУБИ!	3
1. Жил-был мальчишка	3
2. КЕМ БЫТЬ?	25
3. ПРОЩАНИЕ С ЮНОСТЬЮ	30
4. ИСПЫТАНИЕ НАЧАЛОСЬ	36
5. СОМНЕНИЯ	44
6. ПОБЕДИ СЕБЯ!	55
7. НАЧАЛО БОЕВОГО ПУТИ	58
8. ВСТРЕЧА С ДОНОМ И ДОМОМ	88
9. Я – ОФИЦЕР	97
10. ПОСЛЕ БОЯ	111
11. РОЖДЕНИЕ МУЖЕСТВА	117
12. ФРОНТОВАЯ НОЧЬ	127
13. ВОЗВРАЩЕНИЕ	135
14. Я ИСПОЛНИЛ ДОЛГ ЧЕЛОВЕКА	148
15. ЛЕТИТЕ, ГОЛУБИ!	154
ПОСЛЕСЛОВИЕ	171

Николай Иванович Голубятников

Подвиг Человека
...Несите людям мир и счастье!

Благодарности:
Дмитрий Олегович Голубятников

Голубятников Николай Иванович, донской казак, родился 01 декабря 1908 года в станице Верхне-Курмоярской Второго Донского округа Области Войска Донского. Участник Великой Отечественной войны, лейтенант. Умер 09 марта 2006 года в селе Татарка Шпаковского района Ставропольского края.

Реальное повествование жизни Человека, пережившего тяжёлые испытания революционного времени. Активно участвовавшего в становлении Советского строя. В трагическое время Великой Отечественной войны, при наличии брони, добровольцем ушедшего на фронт... Человека, до глубокой старости активно участвовавшего в общественной жизни и учившего Людей. Человек, написавший данные воспоминания, мой дед. В повествовании, описываются события ВОВ. Это одна из причин, по которой я опубликовал данные воспоминания...

ISBN 978-5-4498-2862-0

9 785449 828620 >